

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 2 • 2015 • АПРЕЛЬ—ИЮНЬ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

- Гарбовский Н.К.* Теория и методология устного перевода: традиции отечественной школы 3
- Мишкuroв Э.Н.* Герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (часть 1). 17

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Алевич А.В.* О поэтическом миропонимании: творчество Джона Донна сквозь призму социокультурных и переводческих стратегий (часть II). 38
- Иванова О.Ю.* Древнегреческая литература и русская картина мира (в чѐм Анненский-поэт убедил Анненского-переводчика). 56
- Дымант Ю.А.* Проблема соотношения первичного и вторичного текстов в автопереводе 65
- Исаев Ю.Н.* Ассоциативный эксперимент как источник изучения языковой картины мира и как метод когнитивного исследования . . 77
- Калита О.Н.* Трудности в изучении функционирования русских глаголов движения в греческой аудитории 84
- Костикова О.И.* Истинностные и ценностные аспекты перевода сказки 100
- Лаврентьева Е.С.* Манипулятивные стратегии легитимации в политическом дискурсе и их отражение в переводе 114

Вопросы терминологии

- Власенко С.В.* Переводческий дискурс: дилеммы определения и унификации понятия. 124

Хроника научной жизни

- Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Традиции и инновации в теории перевода на Международной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода» 145

Памяти

- Мишель Балляр (1942–2015) 174

Contents

General Translation Theory

- Garbovsky, N.K.* Theory and Methodology of Interpreting: Traditions of Russian School 3
- Mishkurov, E.N.* Hermeneutical Methodological Standard of Translation in the Mirror of Transdisciplinarity (Part I) 17

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

- Alevich, A.V.* Poetic World Reflection of John Donne's Works through Cultural and Translation Strategies (Part II) 38
- Ivanova, O.Yu.* Ancient Greek Literature and Russian Perception of the World: What Did Annensky the Poet convinced Annensky the Translator of? 56
- Dymant, Yu.A.* Defining Proportions of Primary and Secondary Text Features in Self-Translation 65
- Isayev, Yu.N.* Association Experiment as a Source of Studying Linguistic Worldview and as a Method of Cognitive Studies. 77
- Kalita, O.N.* Difficulties in Studying the Functioning of Russian Verbs of Motion in Greek Audience. 84
- Kostikova, O.I.* Translating Fairy tales: Truth and Value Aspects. 100
- Lavrentyeva, E.S.* Manipulative Legitimation in Political Discourse: Translation of Persuasive Content 114

Terminology Issues

- Vlasenko, S.V.* Translation Discourse: Dilemmas of Defining and Unifying the Concept 124

Chronicles of Scientific Life

- Kulpina, V.G., Tatarinov, V.A.* Traditions and Innovations in the Theory of Translation in the International Conference "Russian Language and Culture in the Mirror of Translation" 145

In memoria

- Michel Ballar (1942–2015) 174

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Н.К. Гарбовский,

доктор филологических наук, профессор, директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: garok1946@mail.ru

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ УСТНОГО ПЕРЕВОДА: ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ

Автор продолжает развивать тему отечественной школы перевода, начатую в нашем журнале в № 4 за 2013 г. В статье освещаются основные этапы становления и развития отечественной школы устного перевода с момента её зарождения в советский период и до настоящего времени. Школа перевода рассматривается, прежде всего, как научное направление, представляющее собой теоретическую и методологическую основы для процесса обучения и разработки дидактики устного перевода. Показана специфика отечественной школы устного перевода, отличающая её от европейских аналогов, определён статус теории устного перевода в современной науке о переводе.

Ключевые слова: устный перевод, советская научная школа, единица перевода.

Nikolai K. Garbovsky,

Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: garok1946@mail.ru

THEORY AND METHODOLOGY OF INTERPRETING: TRADITIONS OF RUSSIAN SCHOOL

The author continues to elaborate on the subject of Russian school of translation raised in issue N 4, 2013. The article highlights the main stages of formation and development of national schools of interpreting since their inception back in the Soviet period and up to the present day. The term “school” is understood here primarily as a scientific area representing the theoretical and methodological basis for the process of training and developing specific didactics of interpreting. The specificity of the Russian school of interpreting, as distinguished from its European analogs, is shown; the status of the theory of interpreting in modern translatology is defined.

Key words: interpreting, Soviet scientific school, translation unit.

Вхождение российских образовательных учреждений, занимающихся подготовкой переводчиков, в глобальное образовательное пространство, систематический обмен опытом и научной информацией, в частности в рамках Постоянного международного совета университетских институтов устного и письменного перевода

(CIUTI)¹, позволили убедиться в том, что отечественная школа перевода, иначе говоря, отечественные теории и методологии переводческой деятельности, методические системы обучения устному и письменному переводу недостаточно хорошо известны за пределами нашей страны. Скорее, отечественная школа подготовки устных переводчиков представляет некую загадку для западного мира. Отменное качество работы советских, и впоследствии, российских устных переводчиков, их высокий профессионализм, признаваемые зарубежными коллегами и экспертами, — результат функционирования некой весьма эффективной дидактической системы, позволявшей готовить профессионалов межъязыковой и межкультурной коммуникации даже в условиях «железного занавеса».

Кто же те люди, создававшие и развивавшие отечественную школу устного перевода, искавшие и находившие научные обоснования (лингвистические, психологические, философские, информационные) своим методическим приёмам и строившие теорию устного перевода?

Говоря о советской школе перевода, наши зарубежные коллеги обычно вспоминают лишь Андрея Фёдорова и его «Введение в теорию перевода» [Фёдоров, 1953], увидевшее свет ещё в начале 50-х годов прошлого века. Когда разговор заходит о теории устного перевода, вспоминают Гелия Чернова, переводчика-синхрониста Организации Объединённых Наций, долгое время прослужившего в Нью-Йорке и разработавшего одну из психолингвистических моделей синхронного перевода [см.: Чернов]. Обычно этими именами и ограничивается представление зарубежных коллег о советской переводческой школе, заложившей основы современной российской науки о переводе. В меньшей степени известны имена В.Н. Комиссарова, Л.С. Бархударова, А.Д. Швейцера, и уж вовсе неизвестны представители научной школы устного перевода Военного института иностранных языков, внёсшие значительный вклад в современную отечественную науку о переводе, в частности — Р.К. Миньяр-Белоручев, А.Ф. Ширяев и др.

Почему имя Фёдорова стало известным нашим зарубежным коллегам и иногда упоминается в их работах, в то время как имена многих других выдающихся отечественных исследователей в области

¹ CIUTI — Initiated in 1960, CIUTI (pronounced ['ʃju:ti]) is the world's oldest and most prestigious international association of university institutes with translation and interpretation programmes. Membership requires fulfillment of strict quality criteria and is a distinct seal of quality.

Devoted to excellence in T&I training and research, being a member of the CIUTI family is both a rewarding status and a continuous challenge in the light of changing market needs and ongoing research. <http://www.ciuti.org/>

теории и методологии перевода за рубежом пребывают в неизвестности? Дать однозначный ответ на этот вопрос довольно сложно. Можно лишь строить предположения. Возможно, сыграла свою роль одна из традиций «научной коммуникации», заключающаяся в том, что известным становится имя не того, чьи работы хорошо знают, а того, чьи работы цитируют.

Первоначальную известность в западном мире Фёдорову, по-видимому, принесли публикации французских исследователей, стоявших у истоков французской научной школы перевода, а именно Эдмона Кари и Жоржа Мунена.

Эдмон Кари, переводчик русского происхождения², автор известной книги *Comment faut-il traduire?* (Как надо переводить?) [Cary, 1985], один из основателей в 1954 г. международного журнала *Babel*, посвящённого миру перевода, органа Международной федерации переводчиков (FIT/IFT). В 1957 г. Кари опубликовал в этом журнале статью, посвящённую советским исследованиям в области теории перевода, — *Théories soviétiques de la traduction* [Cary, 1957, p. 179–190], где дал некоторый анализ и критику концепции Фёдорова и поставил под сомнение состоятельность зарождавшейся тогда лингвистической парадигмы в науке о переводе. Кари присоединяет свой голос к советским критикам лингвистической теории перевода, приверженцам литературоведческого, «творческого», по сути, интерпретативного подхода к методологии перевода и к объяснению фактов переводческой практики. «Le dénominateur commun linguistique ne reflète qu'une abstraction formelle, qui ne nous fait pas avancer d'un pas dans la réalité» [Cary, 1957, p. 187] — Лингвистическое общее отражает лишь некую формальную абстракцию, которая в реальности ни на шаг не продвигает нас вперёд³, заключает он. Через два года в том же журнале Кари публикует краткую рецензию на «Введение в теорию перевода» Фёдорова [Cary, 1959, p. 19–20].

В 1963 г. Жорж Мунен — французский лингвист, один из основоположников французской переводческой научной школы лингвистического направления, работы которого по теории перевода известны во всем переводческом мире — опубликовал свою докторскую диссертацию, озаглавленную *Les problèmes théoriques de la traduction* [Mounin, 1963] (Теоретические проблемы перевода), где посвятил целую главу — *L'étude scientifique de l'opération tradui-*

² Настоящее имя — Кирилл Евгеньевич Зноско-Боровский. Псевдоним «Кари» — анаграмма уменьшительного от Кирилл — Кира. Сын известного русского шахматиста, теоретика шахмат, драматурга и критика Е.А. Зноско-Боровского, эмигрировавшего во Францию в 1920 г.

³ Здесь и далее перевод мой. — *Н.Г.*

sante doit-elle être une branche de la linguistique? (Должно ли научное исследование переводческой деятельности быть разделом лингвистики) — полемике с Кари.

Лингвисту Мунену импонировали взгляды советского учёного на только зарождавшуюся лингвистическую парадигму в науке о переводе. Полемизируя с Кари, он отмечал: «La traduction (surtout dans les domaines du théâtre, du cinéma, de l'interprétation) comporte certainement des aspects franchement non-linguistiques, extra-linguistiques. Mais toute opération de traduction — Fédorov a raison — comporte, à la base, une série d'analyses et d'opérations qui relèvent spécifiquement de la linguistique, et que la science linguistique appliquée correctement peut éclairer plus et mieux que n'importe quel empirisme artisanal» [Mounin, 1963, p. 16] — Перевод (особенно в сфере театра, кино или же устный перевод) включает, разумеется, совершенно нелингвистические, экстралингвистические аспекты. Но всякий акт перевода — Фёдоров прав — содержит в своём основании серию аналитических и операционных действий, которые восходят именно к лингвистике и которые правильно применённая лингвистическая наука может объяснить более верно и более полно, нежели какой бы то ни было ремесленнический эмпиризм.

Более того, он упрекает Кари в научной несостоятельности, в том, что тот — переводчик, а не лингвист, и соответственно, не способен понять лингвистической сущности перевода: «Traducteur et non linguiste, il confond linguistique générale et linguistique descriptive, il ignore à côté de la linguistique interne l'existence d'une linguistique externe (d'une psychologie linguistique, ou psycholinguistique, et d'une sociologie linguistique, ou sociolinguistique), aussi bien que d'une stylistique dont les problèmes sont justement ceux qui le préoccupent en tant que traducteur» [Mounin, 1963, p. 16] — Будучи переводчиком, а не лингвистом, он путает общую лингвистику и лингвистику дескриптивную, ему не знакомо, что наряду с внутренней лингвистикой существует внешняя лингвистика (а ещё лингвистическая психология или психолингвистика и лингвистическая социология или социолингвистика), а ещё и стилистика, проблематика которой именно та, что заботит его как переводчика.

Эта полемика двух французов — переводчика и лингвиста — вокруг идей русского коллеги не могла не привлечь внимание западных исследователей и сделала имя Фёдорова известным в западном, а затем и в восточном мире перевода.

Но Фёдоров концентрировал своё внимание главным образом на лингвистических проблемах перевода вообще, т.е. строил общую теорию перевода. Нельзя не согласиться с Т. Бодровой, опубликовавшей во Франции свою докторскую диссертацию «La traductolo-

gie russe (théorie, pratique, enseignement): ses apports et ses limites» [Bodrova-Gogenmos], где даётся подробный анализ русской науки о переводе, которая в главе, посвящённой работам Фёдорова, отмечала, что тот не оставил без внимания ни одну из сфер переводческой деятельности: «...il se réfère aussi bien à la traduction écrite qu'à la traduction orale (interprétation), doublage de films, etc., et inclut dans ses recherches tous les genres de traduction (oeuvres littéraires, dépêches diplomatiques, discours d'orateurs, discussions bilatérales, articles de journaux, correspondance d'affaires, etc.)» [Bodrova-Gogenmos, 2000, p. 126] — Он обращается как к письменному, так и к устному переводу, к дублированию фильмов и т.п., включает в круг своих исследований все виды перевода (художественные произведения, дипломатические послания, речи ораторов, двусторонние переговоры, газетные статьи, деловую переписку и т.п.).

Однако в качестве аналитического и иллюстративного материала Фёдоров преимущественно пользовался письменными источниками. Лишь несколько страниц в его работе посвящены переводу речей ораторов. Фёдоров отмечал, что «при переводе ораторской речи переводчик закономерно ставит себе то же условие, какое ставит себе оратор, а именно — ориентируется на слушателя» [Фёдоров, 1953, с. 252]. Фёдоров строит методологическую модель перевода ораторской речи: «Это практически означает необходимость представить себе текст перевода произнесённым вслух, избегать труднопроизносимых скоплений согласных, слишком заметного повторения одних и тех же звуков на близком расстоянии, рифмующихся слов и, наконец, слов и словосочетаний, затрудняющих течение фразы при её произнесении. Жанрово-стилистическая специфика подлинника здесь непосредственным образом определяет практические задачи перевода» [там же].

Многие из высказанных им положений об особенностях перевода ораторской речи основаны на опыте письменного перевода художественных произведений, «внутреннее» прочтение которых, также даёт переводчику некоторые ориентиры просодического, фонетического и ритмического характера. Фёдоров опирается на собственный опыт, главным образом художественного перевода, но также и перевода произведений ораторской речи, в частности на практику спецпропаганды в годы Великой Отечественной войны. В одном из интервью дочь Фёдорова рассказывала: «Во время войны отец занимался, в том числе, агитацией. Я до сих пор помню колоритный папин рассказ о том, как они выезжали за линию фронта, агитировали немцев, предлагали им сдаваться. Его произношение было настолько прекрасным, что те принимали его за

своего! И были прецеденты — немцы действительно сдавались» [Шаралапова].

Но весьма ценные для перевода ораторской речи методологические рекомендации Фёдорова вряд ли можно рассматривать как теорию устного перевода.

Советская школа устного перевода зарождается в 40-е гг. XX в., когда в ответ на вызовы международной политики начинают создаваться первые учебные заведения, специально ориентированные на подготовку профессиональных переводчиков. Однако, как и всякое научное знание, она начинается с эмпирической стадии. В тот начальный период устный синхронный перевод ещё не рассматривается как особый вид речемыслительной деятельности. В международной коммуникации даже на конференциях доминирует последовательный перевод, который представляется ещё скорее как некая алхимия, нежели чем специфическая деятельность, которую следует изучать, описывать разрабатывать методику.

Обучение устному переводу по бихевиористской модели «дейлай, как я и повторяй, пока не получится» постепенно уступает место обучению по рациональной, когнитивной, модели, в которой каждое педагогическое действие не только преследует конкретную цель, но и имеет рациональное объяснение.

Интересно отметить, что методологические разработки, связанные с основными операциями в ходе последовательного перевода, такими, как запоминание больших фрагментов речи, восприятие на слух, речевая компрессия, трансформации разного типа, начинаются позднее, когда возникает альтернатива последовательному переводу, а именно, синхронный перевод. В послевоенный период практический опыт в области нового вида переводческой деятельности — синхронного перевода — даёт материал для размышлений. Плоды размышлений проверяются экспериментальным путём, в первую очередь экспериментами на обучаемых, достигших разных уровней компетенций, как лингвистических, так и специальных переводческих. Исследования феномена устного перевода и обучение устному переводу идут параллельно.

Устный перевод, прежде всего синхронный, становится объектом научных и методологических исследований лишь после Второй мировой войны, когда стала очевидной необходимость массовой подготовки переводчиков для обеспечения устного перевода в международном общении в политической сфере, на международных форумах и конференциях. Как известно, Нюрнбергский процесс стал точкой отсчёта в советской истории синхронного перевода, как, впрочем, и в мировой истории устного перевода. Он дал ценнейший опыт, который ещё предстояло осмыслить, с тем чтобы построить теоретические модели этой уникальной речемыслитель-

ной деятельности и на их основе разработать методологию устного перевода, создать системы специальных упражнений и проверить их эффективность на практике.

Эмпирическая стадия научного знания об устном переводе завершается лишь к концу 50-х гг. прошлого века. Знаменательной вехой, свидетельствующей о переходе к новой, собственно теоретической, стадии в науке об устном переводе, следует считать малоизвестную работу выпускника Военного института иностранных языков Рюрика Константиновича Миньяра-Белоручева, опубликованную в Институте международных отношений в 1959 г., «Методика обучения переводу на слух» [Миньяр-Белоручев, 1959]. Обращение автора к проблемам обучения переводу на слух наглядно показывает дидактическую направленность советской научной школы переводческой деятельности. Исследования переводческой деятельности ведутся, прежде всего, в интересах обучения переводу.

Миньяр-Белоручев констатирует явную письменную доминанту в обучении переводу: «Переводческая деятельность многообразна. Однако при подготовке переводчиков об этом иногда забывают, концентрируя основное внимание на зрительно-письменном переводе. До сих пор мы почти не имеем работ, посвящённых вопросам методики обучения переводу на слух. Правда, отдельные попытки ввести в учебный процесс специальные упражнения и виды работ, шире использовать лингафонный кабинет, бывший до сих пор объектом внимания только фонетистов, имели место в некоторых вузах нашей страны. Однако новые интересные упражнения не становились достоянием широких преподавательских кругов, научно не обосновывались и не систематизировались. В то же время необходимость систематизации уже накопленного опыта становится всё более очевидной» [Миньяр-Белоручев, 1959, с. 2].

Автор этой работы концентрирует своё внимание на психологической стороне восприятия устной речи, опираясь при этом на работы представителей советской психологической школы, посвящённые речевой деятельности и психологической составляющей лингводидактики.

В тот период начала обучения устному переводу формировалась специфическая советская профессиональная модель переводчика, которая предполагала, что переводчик должен был обладать компетенциями как устного, так и письменного перевода. Миньяр-Белоручев писал: «Обучение переводу на слух мы рассматриваем как один из аспектов подготовки переводчика, который не только не исключает обучение зрительно-письменному переводу, а, наоборот, его предполагает. Зрительно-письменный перевод, безусловно, остаётся основой обучения переводу вообще. В то же время методика обучения переводу на слух не должна дублировать методику

обучения зрительно-письменному переводу, а должна дополнять её» [Миньяр-Белоручев, 1959, с. 3].

Автор концентрирует своё внимание на восприятии исходного текста на слух в процессе перевода. Основываясь на положениях советской психологической школы в той её части, которая посвящена изучению речевой деятельности (Артёмов, Выготский, Леонтьев), автор выделял три основных аспекта психической деятельности устного переводчика, требующих изучения: восприятие на слух, понимание и запоминание исходного текста в условиях невозможности повторной рецепции.

Осмысление личного опыта устного переводчика позволяет автору впервые представить теоретические модели последовательного и синхронного перевода и предложить системы тренировочных упражнений для формирования навыков перевода на слух на разных этапах подготовки переводчиков.

Эта первая теоретическая работа, посвящённая деятельности устного переводчика, иллюстрирует дидактическую доминанту советской школы устного перевода. Поэтому не случайно основным жанром публикаций, содержащих в наиболее концентрированном и полном виде результаты теоретических разработок советских учёных, работавших в данной области, оказывается жанр учебного пособия для подготовки переводчиков.

Периодом расцвета советской научной школы устного перевода можно считать 60–80 гг. XX в. Устные переводчики, переводчики международных конференций накопили достаточный опыт, чтобы построить теоретические модели этой деятельности. В ежегоднике «Тетради переводчика», первый номер которого вышел в 1963 г., публикуются статьи М.Я. Цвиллинга, Г.В. Чернова, А.Д. Швейцера [Цвиллинг 1966; Чернов 1969, 1971, 1975, 1977; Швейцер 1967], описывающие их собственный опыт устного перевода, результаты исследований синхронного перевода.

В этот период выходят из печати книги Р.К. Миньяр-Белоручева «Последовательный перевод» [Миньяр-Белоручев, 1969а], «Пособие по устному переводу» [Миньяр-Белоручев, 1969б], «Общая теория перевода и устный перевод» [Миньяр-Белоручева, 1980], Г.В. Чернова «Теория и практика синхронного перевода» [Чернов, 1978], А.Ф. Ширяева «Синхронный перевод» [Ширяев, 1979].

Миньяр-Белоручев сосредоточивает внимание на последовательном переводе. В предложенной им теории перевод предстаёт как средство передачи информации. Основываясь на математической теории сообщений К. Шеннона, Миньяр-Белоручев выстраивает теорию информативности текста, релевантную для устного последовательного перевода. Эта теория позволяет ему впервые в советской науке о переводе разработать систему фиксации информации

в последовательном переводе, а также предложить категорию «несоответствия» в устном переводе, которая, по мнению автора, может быть положена в основу оценки качества устного последовательного перевода.

Чернов и Ширияев обратились к исследованию синхронного перевода с позиций советской психолингвистики, опираясь на труды советских психологов, исследовавших речевую деятельность, В.А. Артёмова, И.А. Зимней, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьева, А.Н. Леонтьева и др.

Ширияев исследует синхронный перевод как деятельность и предлагает свой взгляд на структуру этой деятельности. В поле зрения исследователя оказываются параллелизм процессов восприятия исходного текста и порождения текста на языке перевода, механизмы, обеспечивающие понимание исходного текста во время произнесения текста на языке перевода, количественные характеристики и приёмы речевой компрессии в синхронном переводе. Основываясь на данных экспериментального исследования, проведённого по оригинальной методике, Ширияев строит комплексную модель синхронного перевода: «В самом общем виде модель деятельности синхронного переводчика состоит из трёх параллельно протекающих процессов: процесса ориентирования в исходном тексте, процесса поиска и принятия переводческих решений и процесса осуществления переводческих действий... Все три процесса тесно связаны между собой и образуют единый деятельностный процесс» [Ширияев, 1979, с. 100]. Деятельностная модель синхронного перевода, по сути, отражает структуру всякого процесса перевода, как устного, так и письменного. Однако то, что происходит в сознании письменного переводчика, не поддаётся наблюдению извне и, соответственно, не может быть подвергнуто анализу. О возможных действиях и решениях письменного переводчика можно судить лишь по результату его деятельности, сравнивая исходный текст с текстом перевода. Экспериментальное исследование динамических аспектов синхронного перевода, осуществляемое в ходе самого процесса перевода, приоткрывает завесу таинственности, скрывающую мыслительную деятельность переводчика. Особое внимание Ширияев уделяет процессу ориентирования переводчика в последовательно поступающем исходном сообщении, а также сегментации исходного текста, необходимой для принятия переводческих решений. Он выделяет «единицу ориентирования» в синхронном переводе как «отрезок исходного текста, смысловое восприятие которого позволяет переводчику приступить к поиску или выбору очередного переводческого решения» [Ширияев, 1979, с. 19]. Понятие «единицы ориентирования» позволило уточнить содержание понятия «единица перевода», одного из основопола-

гающих понятий современной общей теории перевода (см. подробнее: [Гарбовский, 2004, с. 247–262]).

В самом деле, процесс перевода — это не процесс преобразования знаков одного языка в знаки другого языка, а процесс сохранения и частичного, но неизбежного преобразования системы смыслов, заключённой в знаках исходного языка, при её передаче знаками языка перевода. Поэтому категория смысла оказывается наиболее важной. Переводчик оперирует смыслами, и единицей перевода в этом случае оказывается некий квант информации, смысловой элемент, точнее — единица смысла. В этом случае оказывается неважным, заключён ли этот элемент смысла в морфему, слово или словосочетание. Если мы обратимся к категориям мышления, то увидим, что наименьшей единицей смысла оказывается понятие, которое, в самом деле, может быть заключено и в морфеме, и в слове, и в словосочетании. Ширияев показывает диалектическую двойственность процесса синхронного перевода, а именно, его континуальность и дискретность. «Объективную основу континуальности, — отмечает исследователь, — составляет единство, целостность и непрерывность речи, которую переводит переводчик» [Ширияев, 1979, с. 102]. В то же время наряду с континуальностью в синхронном переводе очевидна и дискретность, т.е. шаговый, квантовый, характер переводческих действий. «Определяющую роль в квантовании результатов процессов, составляющих деятельность синхронного переводчика, играют, — пишет Ширияев, — интонационно-смысловое членение речи оратором, синтаксическая структура исходных высказываний и некоторые индивидуальные особенности речемыслительных способностей переводчика» [там же, с. 103] (см. также: [Ширияев, 1974]).

Немалую ценность представляет предложенная Ширияевым методическая система обучения синхронному переводу. Синтез теории, построенной на экспериментальных данных, и методики обучения синхронному переводу, предложенной этим исследователем, является ещё одним свидетельством прагматической сущности отечественной теории перевода, разрабатывавшейся как необходимая теоретическая основа для практики подготовки профессиональных переводчиков.

Г.В. Чернов также исследует синхронный перевод с позиций советской психолингвистики. Он строит вероятностно-прогностическую модель синхронного перевода, опираясь на понятия избыточности речи, грамматического и семантического согласования как основы для вероятностного прогнозирования в синхронном переводе. Главное содержание его исследования, как отмечал сам автор, состояло в том, чтобы выявить «уровни языковой системы

и механизмов речи, которые обеспечивают (за счёт взаимосвязи и повторяемости компонентов) тот уровень избыточности сообщения, который необходим, чтобы стало возможным действие механизма вероятностного прогнозирования. В своей основной книге «Теория и практика синхронного перевода» Чернов концентрирует своё внимание на первом этапе процесса синхронного перевода, а именно рассматривает «путь от оригинального сообщения до формирования внутренней программы (плана) высказывания на ПЯ» [Чернов, 1978, с. 199], полагая, что «рассмотрение первого этапа намечает достаточно чёткие рамки дальнейшего построения (модели синхронного перевода. — *Н.Г.*)» [там же, с. 200]. «В частности, — заключает Чернов, — вопрос о степени цельности и глубины или, напротив, разрывности программы в значительной степени пред-решает характер построения высказывания (поверхностного предложения на ПЯ)» [там же].

Миньяр-Белоручев, Ширяев, Чернов стояли у истоков советской научной школы устного перевода. Экспериментальные исследования деятельности устных переводчиков, предпринятые этими исследователями, позволили построить образовательные модели подготовки переводчиков, которые успешно используются и в современной российской образовательной системе.

К сожалению, в современной отечественной науке о переводе постсоветского периода экспериментальные исследования и теоретические модели деятельности устного переводчика весьма редки. В то же время их методологическая значимость очевидна, так как анализ действий устных переводчиков, поддающийся непосредственному наблюдению, способен раскрыть многие важнейшие аспекты переводческой деятельности в целом.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Профессиональное обучение переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Союз, 2001.
- Alexeeva, Irina.* Professionalnoe obuchenie perevodchika: Uchebnoe posobie po ustnomu i pismennomu perevodu dlya perevodchikov i prepodavatelei [Professional Training of an Interpreter and Translator: Textbook of Interpretation and Translation for Interpreters, Translators and Teachers], SPb: Sojuz, 2001 (in Russian).
- Артёмов В.А.* Психология обучения иностранным языкам. М.: Высшая школа, 1969.
- Artemov, Vladimir.* Psihologiya obucheniya inostrannym yazykam [Psychology of Teaching Foreign Languages], M.: Vysshaja shkola, 1969 (in Russian).
- Выготский Л.С.* Мышление и речь // Избранные психологические исследования. М.: Соцэкгиз, 1934.

- Yugotsky, Lev.* Myshlenie i rech. Izbrannye psihologicheskie issledovaniya [Thinking and Speaking. Selected Psychological Research], M.: Socjkgiz, 1934 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Московского ун-та, 2004.
- Garbovsky, Nikolay.* Teorija perevoda [Theory of translation], M.: Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta, 2004 (in Russian).
- Гарбовский Н.К., Костикова О.И.* Курс устного перевода. Французский язык — русский язык. М.: Изд-во Московского ун-та. Серия Hieronymus. 2006.
- Garbovsky, Nikolay & Kostikova, Olga.* Kurs ustnogo perevoda. Frantsuzskii yazyk — russkii yazyk [A Course of Interpretation: French-Russian], Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta, Seriya Hieronymus, 2006 (in Russian).
- Гофман Е.* К истории синхронного перевода // Тетради переводчика. М.: Изд-во Института международных отношений, 1963. С. 20–26.
- Hoffman, Eugene.* K istorii sinkhronnogo perevoda [To the History of Interpretation], Tetradi Perevodchika, M.: Izd-vo Instituta mezhdunarodnyh otноshenij, 1963. S. 20–26 (in Russian).
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.
- Leontiev, Alexei A.* Yazyk, rech, rechevaya deyatelnost [Language, Speech, Speech Activity], M.: Prosveshhenie, 1969 (in Russian).
- Леонтьев А.Н.* Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974.
- Leontiev, Alexei N.* Obshchee ponyatie o deyatelnosti [General Concept of Activity], Osnovy teorii rechevoi deyatelnosti, M.: Nauka, 1974 (in Russian).
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Методика обучения переводу на слух. М.: Изд-во Института международных отношений, 1959.
- Mignard-Beloruichev, Rurik.* Metodika obucheniya perevodu na slukh [Methodology of Teaching Aural Translation], M.: Izd-vo Instituta mezhdunarodnyh otноshenij, 1959 (in Russian).
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Последовательный перевод. М.: Воениздат, 1969.
- Mignard-Beloruichev, Rurik.* Posledovatelnyi perevod [Consecutive Interpretation], M.: Voenizdat, 1969 (in Russian).
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Пособие по устному переводу (Записи в последовательном переводе). М.: Высшая школа, 1969.
- Mignard-Beloruichev, Rurik.* Posobie po ustnomu perevodu (Zapisi v posledovatelnom perevode) [Textbook of Interpretation (Notes in Consecutive Interpretation)], M.: Vysshaja shkola, 1969 (in Russian).
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980.
- Mignard-Beloruichev, Rurik.* Obshchaya teoriya perevoda i ustnyi perevod [General Theory of Interpretation and Translation, and Interpretation], M.: Voenizdat, 1980 (in Russian).
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Записи в последовательном переводе. М.: Стелла, 1997.
- Mignard-Beloruichev, Rurik.* Zapisi v posledovatelnom perevode [Notes in Consecutive Interpretation], M.: Stella, 1997 (in Russian).
- Фёдоров А.В.* Введение в теорию перевода. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953.

- Fedorov, Andrei.* Vvedenie v teoriyu perevoda [Introduction to the Theory of Interpretation and Translation], M.: Izd-vo literatury na inostrannyh jazykah, 1953 (in Russian).
- Цвиллинг М.Я.* (1966) Синхронный перевод как объект экспериментального исследования // Тетради переводчика. № 3. М.: Изд-во Института международных отношений, 1966. С. 87–93.
- Zwilling, Mikhail.* Sinhronnyi perevod kak ob'ekt eksperimentalnogo issledovaniya [Simultaneous Interpretation as a Subject of Experimental Research], Tetradi Perevodchika, N 3, M.: Izd-vo Instituta mezhdunarodnyh otnoshenij, 1966. S. 87–93 (in Russian).
- Чернов Г.В.* Предложение о построении курса устного перевода // Тетради переводчика. № 7. М.: Международные отношения, 1970. С. 108–111.
- Chernov, Helium.* Predlozhenie o postroenii kursa ustnogo perevoda [A Plan for a Course of Interpretation], Tetradi Perevodchika, N 7, M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1970. S. 108–111 (in Russian).
- Чернов Г.В.* Экспериментальная проверка одной модели // Тетради переводчика. № 8. М.: Международные отношения, 1971. С. 55–61.
- Chernov, Helium.* Eksperimentalnaya proverka odnoi modeli [Experimental Testing of a Model], Tetradi Perevodchika, N 8, M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1971. S. 55–61 (in Russian).
- Чернов Г.В.* Коммуникативная ситуация синхронного перевода и избыточность сообщения. Тетради переводчика. № 12. М.: Международные отношения, 1975. С. 83–100.
- Chernov, Helium.* Kommunikativnaya situatsiya sinkhronnogo perevoda i izbytochnost soobshcheniya [Communicative Situation of Simultaneous Interpretation and Redundant Messages], Tetradi Perevodchika, N 12, M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1975. S. 83–100 (in Russian).
- Чернов Г.В.* Ещё раз о схеме организации синхронного перевода // Тетради переводчика. № 14. М.: Международные отношения, 1977. С. 51–58.
- Chernov, Helium.* Eshche raz o sheme organizatsii sinkhronnogo perevoda [Once Again on a Scheme of Simultaneous Interpretation Organization], Tetradi Perevodchika, N 14, M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1977. S. 51–58 (in Russian).
- Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. М.: Международные отношения, 1978.
- Chernov, Helium.* Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda [Theory and Practice of Simultaneous Interpretation], M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1978 (in Russian).
- Чужакин А.П., Палазхченко П.П.* Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания. М.: Валент, 1999.
- Chuzhakin, Andrey & Palazhchenko, Pavel.* Mir perevoda, ili Vechnyi poisk vzaimoponimaniya [World of Translation and Interpretation or the Eternal Search for Mutual Understanding], M.: Valent (in Russian).
- Шараланова Е.* Легенды переводческого фронта (Андрей Венедиктович Фёдоров). Интервью с Натальей Андреевной Фёдоровой. ru-translate.livejournal.com/12963413.html
- Sharalanova, Ekaterina.* Legendy perevodcheskogo fronta (Andrej Venediktovich Fjodorov) Interv'ju s Natal'ej Andreevnoj Fjodorovoj [Legends of transla-

- tion front (Andrej Fedorov) Interview with Natalia Fedorova], ru-translate. livejournal.com>12963413.html
- Ширяев А.Ф.* Синхронность синхронного перевода // Труды института. Иностранные языки. М.: Изд-во Военного института иностранных языков. № 7. 1971.
- Shiryayev, Anatoly.* Sinhronnost sinkhronnogo perevoda [Simultaneity of Simultaneous Interpretation], Trudy instituta. Inostrannye yazyki, M.: Izd-vo Voennogo instituta inostrannyh jazykov, N 7, 1971 (in Russian).
- Ширяев А.Ф.* Некоторые результаты экспериментального исследования синхронного перевода // Труды института. Иностранные языки. М.: Изд-во Военного института иностранных языков. № 8. 1972.
- Shiryayev, Anatoly.* Nekotorye rezultaty eksperimentalnogo issledovaniya sinkhronnogo perevoda [Experimental Research of Simultaneous Interpretation: Some Results], Trudy instituta. Inostrannye yazyki, M.: Izd-vo Voennogo instituta inostrannyh jazykov, N 8, 1972 (in Russian).
- Ширяев А.Ф.* К дискретности внутренней схемы высказывания. // Предварительные материалы экспериментальных исследований по психолингвистике. М.: Институт языкознания АН СССР, 1974.
- Shiryayev, Anatoly.* K diskretnosti vnutrennej shemy vyskazyvaniya. // Predvaritel'nye materialy jeksperimental'nyh issledovaniy po psiholingvistike [On the discreteness of expression's inner scheme // Preliminary materials of experimental research on psycholinguistics], M.: Institut jazykoznanija AN SSSR, 1974 (in Russian).
- Ширяев А.Ф.* Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979.
- Shiryayev, Anatoly.* Sinkhronnyi perevod. Deyatelnost sinkhronnogo perevodchika i metodika predpovaniya sinkhronnogo perevoda [Simultaneous Interpretation. Simultaneous Interpreter and Methodology of Teaching Simultaneous Interpretation], M.: Voenizdat, 1979 (in Russian).
- Ширяев А.Ф.* Пособие по синхронному переводу. Французский язык. М.: Высшая школа, 1982.
- Shiryayev, Anatoly.* Posobie po sinkhronnomu perevodu. Frantsuzskij yazyk [Textbook of Simultaneous Interpretation. French Language], M.: Vysshaja shkola, 1982 (in Russian).
- Ширяев А.Ф.* О некоторых лингвистических особенностях функциональной системы синхронного перевода // Тетради переводчика. М.: Высшая школа, 1982. С. 73–84.
- Shiryayev, Anatoly.* O nekotorykh lingvisticheskikh osobennostyakh funktsionalnoi sistemy sinkhronnogo perevoda [On Some Linguistic Features of the Simultaneous Interpretation Functional System], Tetradi Perevodchika, M.: Vysshaja shkola, 1982. S. 73–84 (in Russian).
- Bodrova-Gogenmos, T.* La traductologie russe (théorie, pratique, enseignement): ses apports et ses limites. Presses Universitaires du Septentrion. 2000.
- Cary, E.* Théories soviétiques de la traduction // Babel. Vol. III. N 4. 1957. P. 179–190.
- Cary, E.* Comment faut-il traduire? Presses Universitaires de Lille, 1986.
- Mounin, G.* Les problèmes théoriques de la traduction. P. Gallimard, 1963.
- Shannon, C. A.* A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27. P. 379–423, 623–656.

Э.Н. Мишкuroв,

доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mishkurov@inbox.ru

герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (часть I)

В работе освещается вопрос об истории интердисциплинарного поворота в развитии отечественной и зарубежной теории перевода. Автор критически оценивает концепции учёных, постулирующих сущностную «научно-методологическую исключительность» науки о переводе и настаивающих на релевантности «монистического подхода» к интерпретации её онтологического статуса, объекта и предмета. Фундируется проблема перехода теории и практики перевода на четвертую ступень дисциплинарности-трансдисциплинарности. Поддерживается точка зрения о целесообразности включения переводоведческой проблематики в философско-герменевтическое русло глобальной теории о межкультурной интертекстуальности и межъязыкового когнитивно-семиотического посредничества. На примере четырёхступенчатой матрицы «герменевтического методологического стандарта» (ступеней предпонимания (предпереводческого анализа), понимания, интерпретации и переводческого решения) демонстрируется эффективность трансдисциплинарного слияния филолого-философской герменевтики и классической теории перевода и формирование современной инновационной транслатологии.

Ключевые слова: монодисциплинарность, междисциплинарность, мультидисциплинарность, трансдисциплинарность, «Эффект Медичи», герменевтическая парадигма перевода, герменевтический методологический стандарт, четырёхступенчатая матрица (предпонимание, понимание, интерпретация, переводческое решение).

Eduard N. Mishkurov,

Professor, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: mishkurov@inbox.ru

HERMENEUTICAL METHODOLOGICAL STANDARD OF TRANSLATION IN THE MIRROR OF TRANSDISCIPLINARITY (Part I)

The paper discusses the interdisciplinary turn in the history of translatology both in this country and abroad. The author critically examines the ideas of those scholars who postulate the unique methodological status of translatology and defend the relevance of the «monistic approach» to interpreting its ontological status, subject and object of study. The paper expounds on the transition of translation theory and practice onto the fourth stage of disciplinarity — transdisciplinarity. The author also advocates the idea that trans-

latological issues are to be incorporated into the global philosopho-hermeneutical theory of intercultural intertextuality and interlingual cognitive-semiotic mediation. The four-level matrix of the «hermeneutical methodological standard» (pre-understanding, understanding, interpretation and final variant of translation) demonstrates the effective transdisciplinary intersection of philologo-philosophical hermeneutics and the classical translation theory, as well as the emergence of contemporary innovative translatology.

Key words: monodisciplinarity, interdisciplinarity, multidisciplinarity, transdisciplinarity, the Medici effect, hermeneutical paradigm of translation, hermeneutical methodological standard, the four-level matrix (pre-understanding, understanding, interpretation and final variant of translation).

Уровень науки определяется тем, насколько она способна на кризис основных понятий.

Мартин Хайдеггер

1. Идея толкования перевода как объекта междисциплинарного/трансдисциплинарного анализа в настоящее время практически никем из исследователей открыто не отвергается. Однако степень и глубина его применения и проникновения в суть искомой проблематики во многом зависит от меры приверженности ученого той или иной инновационной или традиционной («классической») теории, от его склонности к привычной апробированной модели интерпретации спорных вопросов или его способности к нахождению иных путей разрешения «вечных проблем перевода», к построению новых интеграционных парадигм научной рефлексии, обладающих по определению более мощной объяснительной силой и разрешающей способностью к развязыванию «феноменологических узелков» межъязыкового посредничества в сфере межкультурной коммуникации.

Показательна в этом отношении исследовательская позиция В.Н. Комиссарова (1924–2005) — одного из патриархов институционализованной в нашей стране «лингвистической теории перевода (ЛТП)», который категорически утверждал, что «в науке о переводе — переводоведении — могут выделяться культурологические, когнитивные, психологические, литературные и прочие аспекты. Однако традиционное представление о том, что главную роль в переводе играют языки, получило серьезное научное обоснование, и в современном переводоведении ведущее место принадлежит лингвистическим теориям перевода». А для придания большей весомости своим лингво-переводческим постулатам учёный приводит контекстуально изолированную, рефлексивно осторожную цитату из знаменитой статьи Р. Якобсона (1896–1982) «О лингвистических аспектах (здесь и далее курсив наш. — Э.М.) перевода»: «Широко распространенная практика межъязыковой коммуникации, в частности переводческая деятельность, должна постоянно

находиться под пристальным *наблюдением* (а не “поглощением”. — Э.М.) лингвистической науки» [Комиссаров, 2001, с. 11].

Нисколько не преуменьшая роли языковедения для исследования кардинальных проблем теории и методологии перевода, особую пристрастность учёных в отечественном и зарубежном переводоведении к такому исследовательскому повороту можно объяснить некоторыми сопутствующими обстоятельствами — «чистые переводоведы» вышли из сонма исходно «чистых языковедов», а также особыми условиями зарождения новой теории перевода — эпохой безграничного и безраздельного господства структурализма в науке о языке. Соответственно мы, прежде всего, воспринимаем Р. Якобсона в образе выдающегося специалиста в области общего, сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания. На этот факт однозначно указывает французский литературовед и теоретик перевода Микаэль Устинофф, который, анализируя вышеуказанную статью Р. Якобсона, подчёркивает, что «в этой работе проблематика перевода как нельзя более определённо вводится в сферу лингвистики: именно здесь было место перевода в эпоху структурализма, когда *лингвистика была матерью всех наук*» [Устинофф, с. 37].

Но парадокс ситуации заключается в том, что сам Р. Якобсон всегда был одним из ярчайших сторонников междисциплинарных исследований, в частности, в так называемых «пограничных» с лингвистикой науках — в семиотике, филологии (литературоведении, поэтике), этнокультурологии, антропологии и др. Известно, что в 1957–1967 гг. он, будучи профессором отдела лингвистики и философии Массачусетского технологического института (США), работал в тесном сотрудничестве с Нилсом Бором в области применения метода последнего, известного как «принцип дополнительной дистрибуции» в самых разнообразных точных и гуманитарных науках.

Неслучайно в своих работах по славяноведению он представляет более сложное комплексное учение о переводе, восходящее к идеям В. фон Гумбольдта и немецкому романтическому языкознанию и переводоведению. В рамках этой концепции обнаруживается, в частности, интересная идея о том, что перевод следует рассматривать не как более или менее «ущербную форму» оригинала, но как «продолжение его существования в иной форме» [там же, с. 38–41].

Углублённое изучение общетеоретических переводоведческих взглядов Р. Якобсона, несомненно, является одной из важнейших последующих задач историков перевода. В этой связи мы под несколько иным «нелингвистическим» углом зрения рассмотрим ряд

положений из вышеупомянутой статьи Р. Якобсона «Лингвистические аспекты перевода» [Якобсон, 1978, с. 16–24].

Будучи полиглотом, владевшим основными европейскими языками, а также идишем и основами «экзотического» нивхского языка, Якобсон тонко сознавал все перипетии переводческой практики, а потому активно ратовал за разработку качественных двуязычных словарей и грамматик, предлагал пути решения проблем «непереводимости». Он полагал, что «весь познавательный опыт и его классификацию можно выразить на любом существующем языке», для чего при необходимости надо «обогащать терминологию путём словзаимствований, калек, неологизмов, семантических сдвигов и, наконец, с помощью парафраз». Как рекомендация из некоего пособия по переводу звучит его совет передавать значения какой-либо грамматической категории, отсутствующей в ПЯ, «лексическим путем».

Для Р. Якобсона «межъязыковой перевод, или собственно перевод, — интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо иного языка». При этом он подчеркивает, что «на уровне межъязыкового перевода обычно нет полной эквивалентности между единицами кода, но сообщения, в которых они используются, могут служить адекватными интерпретациями иностранных кодовых единиц или целых сообщений». Подчеркивая важную роль перевода, ученый пишет, что «любое сравнение двух языков предполагает рассмотрение их взаимной переводимости». Как опытный полиглот и учёный-типолог, он не может не видеть асимметрии языков различного строя, их разносистемной функциональной организации и различия в лексико-фразеологическом фонде. А потому вполне понятно, что переводчики сталкиваются с рядом сложных ситуаций: «...в шутках, фантазиях, сказках, то есть в том, что мы называем “вербальной мифологией”, и, конечно, прежде всего, в поэзии, грамматические категории имеют важное семантическое значение». Затем следует сакраментальный вывод, портящий благостную картину ЛТП: «В таких случаях проблема перевода становится гораздо более запутанной и противоречивой». Дальше — больше: «...поэзия по определению является неперево-димой». Подобные проблемы возникают и при переводе сакральной литературы, а потому, рекомендует он, нужно следовать завету Дионисия Ареопагита, «который призывал главное внимание уделять когнитивным ценностям (силѢ разуму), а не словам самим по себе» [там же, с. 17, 18–20, 22–24].

Очевидно, что, показав существенные трудности перевода разностилевых и разножанровых текстов, Р. Якобсон волей-неволей подталкивает современных переводчиков к переходу на оптимальные междисциплинарные модели.

С позиций современной методологии перевода аналитики науки могут сразу указать, что в своей статье «Якобсон недооценивает интерпретативный (читай “герменевтический”. — Э.М.) характер перевода», подразумевая при этом «тот факт, что перекодирование представляет собой активное переформулирование, при котором иноязычное сообщение не просто передается, но и трансформируется». При этом всё-таки признается, что ученый тем не менее «принимает во внимание различия между культурными дискурсами, особенно в поэзии, где «грамматические категории несут большую семантическую нагрузку», а перевод, соответственно, требует “креативного перемещения” в другую знаковую систему» [Роман Якобсон | ТрансЕвропа, с. 1].

Замечено, что крупные перспективно мыслящие ученые редко бывают крайне категоричны в судьбоносных суждениях о сложных фундаментальных проблемах, однозначное позитивное разрешение которых еще не вполне созрело и далеко не очевидно. В таких случаях они обычно приглашают читателя как бы присоединиться к общей рефлексии о способах развязывания того или иного «гордиева узла». Таковой ход обнаруживаем у Якобсона в заключительном абзаце его статьи: «Если бы перевести традиционное итальянское изречение *traduttore, traditore* как “переводчик-предатель”, мы лишили бы итальянскую рифмованную эпиграмму всей её параномастической ценности. Поэтому когнитивный подход к этой фразе заставил бы нас превратить этот афоризм в более развернутое высказывание и ответить на вопросы: “переводчик каких сообщений?”, “предатель каких ценностей?”» [Якобсон, 1978, с. 24].

А Джон Р. Фёрс ещё более усугубляет феноменологическую редукцию проблемной ситуации, обрисованную Р. Якобсоном: «Существование перевода является серьезным вызовом лингвистической теории и философии. Знаем ли мы, как мы переводим? Знаем ли мы хотя бы, что мы переводим? Если бы мы могли ответить на эти вопросы в строго научных терминах, *мы значительно продвинулись бы вперед по пути создания новой всеобъемлющей общей теории языка и базы для философских обобщений*» (курсив наш. — Э.М.) [Фёрс, 1978, с. 35].

Со своей стороны мы усматриваем несомненную ценность данных работ Р. Якобсона и Дж.Р. Фёрса в органическом переплетении целого ряда транслатологических теоретико-методологических проблем, решение которых может быть намечено и хотя бы частично реализовано посредством *междисциплинарных, и шире — трансдисциплинарных синергетических способов и приёмов перевыражения ИТ в ПТ*, целокупность которых следует верифицировать как ожи-

даемую переводоведческим сообществом явленность моделей/парадигм перевода с оптимальной разрешающей силой.

Переводоведам, по всей вероятности, остается только присоединиться к экстравагантному высказыванию А. Лешнера — генерального директора Американской ассоциации содействия развитию науки — в его интервью Франсу Йоханссону, ставшему широко известным мировой интеллектуальной элите после выхода его бестселлера «The Medici Effect: Breakthrough insights at the intersection of ideas, concepts, and cultures» (в русском переводе «Эффект Медичи: Возникновение инноваций на стыке идей, концепций и культур»): «Дисциплинарная наука умерла. Её больше нет!» [Johansson, 2004; Йоханссон, 2008, с. 33].

Без сомнения в настоящее время интердисциплинарность и трансдисциплинарность — это магистральный вектор развития основных точных природоведческих и социально-гуманитарных научных парадигм и современных философско-мировоззренческих направлений.

В отечественном переводоведении феномен междисциплинарности перевода стал всё ярче проявляться в рефлексии как «разработчиков» ЛТП, так и её наиболее пристрастных адептов в нашей стране. Показателен в этом отношении «интердисциплинарный поворот» в теоретических воззрениях авторитетного теоретика перевода А.Д. Швейцера (1923–2002). В 60-е гг. он уже критически воспринял «мнение [А.А. Реформатского] о том, что поскольку практика перевода пользуется данными многих наук, она не может иметь собственной теории» [Швейцер, 1963, с. 5]¹.

¹ Напомним, что «конфликт междисциплинарности» в истории отечественного переводоведения ярко обозначился, в частности, после появления в 1952 г. проблемной статьи А.А. Реформатского (1900–1978) «Лингвистические вопросы перевода», в которой он, как говорится, «от обратного» фактически признал научную многоплановость перевода, но на этом основании в то же время выразил сомнения в правомочности признания теории перевода как самостоятельной науки. Цитируем этот злокозненный пассаж в более развёрнутом виде сравнительно со сжатой «выжимкой» формулировки у оппонентов ученого: «...естественно, возникает вопрос относительно науки о переводе. Есть ли такая наука и может ли она быть? Такой науки быть не может. Практика перевода может пользоваться услугами многих наук, но собственной науки иметь не может. Это вытекает из разнообразия типов и жанров перевода. Действительно, то, что нужно для специального научного перевода, не затрагивает того, что вызывает затруднения в стихотворном переводе; вопросы, связанные с филологическими переводами классиков, совершенно не нужны в гдах и разговорниках-минимумах и т.д. Общего знаменателя у этих разнородных величин нет» [Реформатский, 1952, с. 12]. Историки перевода знают, что в 50-е гг. в стране вновь разгорелась острая полемика о разделении «лингвистического и литературоведческого подходов к теории перевода». От теории перевода требовалось одно: научить переводчиков переводить. А «чистых теоретиков» вроде А.В. Фёдорова, «строивших не нормативную, а описательную теорию

В самом общем плане он констатирует, что «в настоящее время едва ли можно назвать хоть одну дисциплину, которая не привлекала бы данных других наук. И в то же время вопрос о праве их на самостоятельное существование не возникает». А главный его аргумент заключался в том, что «все эти науки имеют свой ясно очерченный объект исследования». Применительно же к ЛТП Швейцера считает, что данный вопрос разработан неудовлетворительно, поскольку считать объектом лингвистики перевода только «закономерности в соотношении двух языков», по А.В. Фёдорову, или «закономерные соответствия», по Я.И. Рецкеру, явно недостаточно, ибо подобные формулировки представляются слишком общими и недостаточно определенными». На тот период собственных разысканий Швейцера казалось, что «задача переводчика всегда носит комплексный характер, а поэтому и теория перевода должна рассматривать все средства передачи смыслового содержания подлинника — грамматические и лексические — комплексно», а соответственно «метод комплексного рассмотрения различных языковых средств должен найти свое отражение и в теории перевода, и в практике его преподавания» [Швейцер, 1963, с. 5–6, 12].

перевода» порицали за бесплодность и практическую неприемлемость их построений. В непростых условиях «формирование теории перевода, от которой ожидался немедленный выход в практику», пишет А. Азов, данная «прикладная задача была поставлена перед теорией так остро, что порой вызывала отторжение». Именно в этой ситуации А.А. Реформатский склонялся к мысли о том, что «теория перевода в таком виде вообще невозможна» [Азов, 2013, с. 9]. В дальнейшем Реформатский, который зачитывался книгами К. Чуковского о высоком искусстве перевода и сокровенно писал последнему: «люблю Ваши афоризмы о переводе, люблю Ваши удивительно меткие характеристики в мемуарах...» [Переписка..., 1962, с. 4], в числе первых поддержал идею о создании машинного перевода, стал членом секции машинного перевода Совета по кибернетике и в соавторстве с П.С. Кузнецовым и математиком А.А. Ляпуновым опубликовал программную статью «Основные проблемы машинного перевода» (ВЯ, 1956, № 5). Посему полагаем, что фактическое признание многоаспектности науки о переводе и специфичности переводческой трактовки разнотипных и разножанровых текстов, констатация перспективности решения непростых вопросов машинного перевода и ряд других переводоведческих наблюдений, обнаруживаемых в различных работах этого выдающегося ученого вполне «реабilitирует» его ситуативно-poleмический промах в оценке значимости создания самостоятельной науки о переводе. К сказанному следует добавить еще один аргумент. Первые публикации по междисциплинарным исследованиям появляются в 50-е гг. XX в. за рубежом. Это были «главным образом оформленные в виде журнальных статей отчеты социологов или социальных психологов, приглашенных руководителями крупных исследовательских учреждений выполнить конкретную *практическую задачу* (курсив мой. — Э.М.): обследовать определенную междисциплинарную исследовательскую группу и дать рекомендации, которые позволили бы усилить эффективность взаимодействия ее участников... Только для отдельных авторов в этот период вообще характерно стремление обобщить результаты своих исследований, но и в этом случае обобщения носят обычно крайне эмпирический характер» [Мирский, 1978, с. 6].

Через 10 лет в своей книге «Перевод и лингвистика», а затем уже в 1988 г. в работе «Теория перевода» он вновь в той же редакции повторяет своё неприятие вышеуказанного утверждения А.А. Реформатского и, оставаясь по-прежнему в рамках «общелингвистических основ теории перевода», все явственнее ратует за более широкое применение как различных языковедческих дисциплин — грамматики, лексикологии и стилистики, так и внеязыковых наук — эстетики, психологии, этнографии, литературоведения, социологии и др. При этом он с удовлетворением констатирует, что «научный анализ процесса перевода <...> в значительной мере облегчается благодаря тому, что современное языкознание, поддерживая тесные связи с этими науками, значительно расширило фронт исследовательских работ в *междисциплинарных направлениях*». Подытоживая свои разыскания в области интердисциплинарного выхода теории перевода в новое исследовательское пространство, А.Д. Швейцер констатирует, «что *общая теория перевода является междисциплинарным направлением*, лингвистическим в своей основе, тесно смыкающимся с сопоставительным языкознанием, психолингвистикой, социолингвистикой, этнолингвистикой, лингвистической географией». И далее автор фактически снижает уровень своей общей междисциплинарной рефлексии и вновь полностью возвращается в лоно «материнской науки» — лингвистики: «По сути дела речь идет о приложении лингвистической теории к конкретному виду речевой деятельности — переводу. Поэтому можно охарактеризовать общую лингвистическую теорию перевода как отрасль прикладного языкознания» (sic!). Не спасают изложенную лингво-зависимую концепцию учёного и заключительные оговорки в конце книги: «*Общая теория перевода является междисциплинарным направлением, лингвистическим в своей основе, тесно смыкающимся с сопоставительным языкознанием, психолингвистикой, социолингвистикой и лингвистической географией. Эта теория является одной из важнейших отраслей прикладного языкознания, не замыкающегося в рамках внутриязыкового формально-структурного анализа, а изучающего взаимодействие и взаимосвязь языковых и внеязыковых фактов и развивающегося в тесном контакте с неязыковыми дисциплинами*» (курсив наш. — Э.М.) [Швейцер, 1973, с. 7, 9, 11, 14, 15, 263; 1988, с. 6].

Тем не менее в 80-е гг. XX в. проблема междисциплинарности теории перевода — это всего лишь побочная, неглавная тема переводоведческих дискуссий в СССР. А.Д. Швейцер в итоговой программной статье «Советская теория перевода за 70 лет» вынужден констатировать, что «по-прежнему остается актуальной задача разработки единого метаязыка и понятийного аппарата переводческого

исследования. Для этого необходимо преодоление *междисциплинарных барьеров* (курсив наш. — Э.М.) и, в частности, барьеров между лингвистикой и литературоведением. Сделаны лишь первые шаги в области изучения философских проблем перевода» [Швейцер, 1987, с. 16].

Справедливости ради следует отметить, что в своей последней книге учёный, вслед за В. Ивиrom, со всё возрастающей убеждёностью заявляет, что «какой бы “лингвистичной” ни была теория перевода, она не может не обрести междисциплинарными связями с науками, изучающими социокультурные, психологические и иные аспекты речевой деятельности». В подтверждение данной максимы учёный вводит в своё исследование специализированные разделы типа «Теория перевода и контрастивная лингвистика», «Теория перевода и социолингвистика», «Теория перевода и психолингвистика», «Теория перевода и лингвистика текста», «Теория перевода и семиотика» и др. [его же, с. 11 и след.].

И только в конце 90-х гг. XX в. учёный без обиняков провозглашает необходимость безоговорочного перехода в русло междисциплинарных исследований и ратует за её признание естественной интердисциплинарной наукой.

В русскоязычных тезисах своего доклада, прочитанного на английском языке на международной конференции в г. Монтерее (США) в январе 1999 г., учёный напоминает, что «теория перевода первоначально развивалась в двух направлениях — лингвистическом и литературоведческом. Вначале эти две линии переводческих исследований развивались совершенно автономно <...> Лингвистический подход оказался полезным для определения языковых факторов, в основном структурных и функциональных расхождений между двумя языками, лежащих в основе определенной стратегии перевода, в то время как литературоведческий подход способствовал выявлению роли литературных традиций в формировании переводоведческих норм. Отход от сепаратистских тенденций в языкознании и обусловленное этим взаимовлияние лингвистики и родственных наук стимулировали развитие междисциплинарных тенденций в теории перевода, которая не довольствовалась исследованием языкового механизма перевода. Поиск экстралингвистических факторов <...> расширил горизонты исследования, вышедшего далеко за пределы собственно лингвистики». И далее: «...каким бы существенным ни был вклад языкознания в теорию перевода, перевод не может опираться лишь на лингвистику». Упомянув, что Ю. Найда «был одним из первых исследователей, обосновавших междисциплинарный статус науки о переводе», который основывается на ряде научных дисциплин — языкознании,

информатике, психологии и антропологии, А.Д. Швейцер уверенно констатирует: «Экстраполируя линию развития теории перевода на будущее, можно предсказать дальнейшее развитие конвергентных тенденций, основанных на сближении и взаимодействии теории перевода с дисциплинами, изучающими те или иные сходные процессы. Именно таким образом удастся, по-видимому, добиться синтеза различных подходов к изучению перевода, на основе которого сможет быть построена модель, учитывающая всю многогранность и многомерность этого явления». Полезность «радикальной смены парадигмы» ученый видит в самых разных областях профессиональной деятельности лиц, причастных к переводу, так как междисциплинарный сдвиг не только изменил «характер людей, занимающихся переводческой деятельностью, но неизбежно влечет за собой изменения в характере их подготовки, а также в учете задач XXI века, как преподавателями, так и теоретиками перевода» [Швейцер, с. 63–64].

Любопытно в этой связи отметить «профессиональные страхи» некоторых учёных. Так, к примеру, Д.М. Бузаджи опасается, что «переводоведение всё больше будет отходить от собственно переводоведческих и лингвистических проблем в такие области, как литературоведение, культурология, психология, политика, социология, религия и философия». Он полагает, что такой поворот может привести к тому, что «практический аспект переводческой деятельности будет учитываться всё меньше, и личность переводчика будет играть всё более заметную роль» [Бузаджи, 2009, с. 38].

Исходя из выводов автора цитируемой статьи заметим следующее. Боязнь переводческой отсебятины пиарящихся «перелагателей», «которая облегчает не наделенному литературным талантом человеку путь к писательской славе» [там же, с. 36] — ещё не повод отвергать «междисциплинарный поворот» в современной теории и практике перевода.

В настоящее время самые ярые приверженцы ЛТП вынуждены признавать наличие иных концептуальных альтернатив, соглашаясь, что «существуют различные подходы к переводу — психологические и психолингвистические, литературоведческие, общелингвистические, лингвистические и некоторые другие». Однако отказываться окончательно от своих предпочтений они все-таки не намерены и защищают свою приверженность ЛТП прагматичностью решаемых ими задач по принципу «каждому своё»: «Ряд исследователей, — подчёркивают авторы пособия по классификации переводческих ошибок, — настаивая на междисциплинарной сущности самого феномена перевода, соответственно, выступают за междисциплинарные разработки проблем перевода». Они же в свою

очередь, не отрицая «онтологически междисциплинарного характера перевода», выбирают для себя ту модель, которая, по их мнению, наиболее целесообразна при решении конкретных задач, тот «дисциплинарный ракурс теории перевода, который наиболее соответствует характеру решаемой задачи». Поскольку авторы исследуют типологию ошибок, допускаемых переводчиками в «письменных специальных текстах», для анализа которых действительно во многом подходит «лингвистическая модель переводческих соответствий», теоретической базой для их спекуляций естественно служат классические труды по ЛТП А.В. Фёдорова, В.Н. Комиссарова, Я.И. Рецкера, А.Д. Швейцера, В.Г. Гака, В.С. Виноградова и др. [Бузаджи и др., 2009, с. 10–22].

Однако, сталкиваясь со случаями вынужденной «герменевтической интерпретации» фрагментов текста, не имеющих статуса «переводческих соответствий», авторы вынуждены прибегать к известному приёму, который В.Н. Комиссаров характеризовал как «адаптивное транскодирование». В этих случаях авторы пособия лукаво соглашаются, что принципы динамической эквивалентности (понятие Ю. Найды. — *Э.М.*) и адекватности требуют порой переводческих решений, которые с точки зрения осторожного и «консервативного» подхода могут казаться излишне смелыми, вольными, но вполне оправданны, и, совершенно уступая новым тенденциям в теории и методологии перевода, авторы вынуждены констатировать вслед за В.В. Гусевым, что «сегодня развитие междисциплинарного подхода к переводу как научной отрасли, лежащей на стыке теории коммуникации, лингвистики и психологии, позволяет рассматривать стратегию перевода как функцию субъекта деятельности, а именно — как способ её самоорганизации». И совсем уже — в качестве «отступного» — авторы соглашаются, что «комплексы устойчивых способов организации речевой деятельности переводчика формируются как вербально-когнитивные стратегии, уникальные для каждого конкретного субъекта перевода. Такая трактовка понятия “стратегии перевода” открывает возможности для появления в переводоведении новых концепций, которые не только позволят дать наиболее полную картину процесса перевода, но и будут способствовать расширению методологической базы оценки качества переводного текста как продукта деятельности переводчика» [там же, с. 21–23].

Уклончивая позиция авторов пособия вполне объяснима. Дело в том, что даже те переводоведы, которые относят себя к сторонникам интердисциплинарного подхода к построению общей теории перевода, слабо представляют себе философско-герменевтическую сущность «междисциплинарного поворота» и его методологических

стратегий и тактик в решении конкретных проблем взаимодействия контактирующих наук, позволяющего координировать их потенциальные возможности по предпониманию, пониманию и интерпретации ИТ и перевыражению его в ПТ на когнитивно-прагматическом, контентно-смысловом, функционально-стилистическом, образно-символическом, метасемиотическом, лингвокультурологическом и системно-структурном уровнях. Так, к примеру, Ю.Л. Оболенская в своей предметно интересной книге по истории, теории и практике перевода классической русскоязычной литературы на испанский язык заявляет: «Необходимость интердисциплинарного подхода к переводу осознается всеми современными специалистами в этой области, хотя пока утопично (sic!) предполагать, что на основе синтеза общего и прикладного языкознания, психолингвистики, теории текста, герменевтики, эвристики, теории информации, семиотики, философии, культурологии, психологии и еще почти десятка научных дисциплин, так или иначе связанных с проблематикой перевода, будет создана некая общая теория перевода — переводоведение, подобно тому, как все науки, изучающие человека и человеческую деятельность, превратятся в единую науку — человековедение» [Оболенская, 2010, с. 79].

Подытоживая исследование вопроса об истории становления междисциплинарности перевода, обратимся к точке зрения Н.К. Гарбовского, который, критически оценивая работу А.Д. Швейцера «Междисциплинарный статус теории перевода», опубликованную в «Тетрадах переводчика» (1999), формулирует свой взгляд на проблему следующим образом: «Теория перевода далеко выходит за рамки лингвистики, так как специфика изучаемого объекта требует привлечения данных и методов других научных дисциплин, а именно логики, культурологии, антропологии, этнографии, психологии, социологии и др. <...> перевод как объект может изучаться с разных сторон, разными научными дисциплинами. Теория перевода как самостоятельная научная дисциплина не может быть ни междисциплинарной, ни дефисной (sic!)». И далее: «...изучение перевода требует междисциплинарного подхода, но междисциплинарный подход к изучению объекта и междисциплинарный статус того или иного научного направления суть вещи разные. Междисциплинарный статус характеризует некую научную область, определившую уже свой объект, но не сформулировавшую свой предмет <...> На современном этапе теория перевода только начинает оформляться в самостоятельную научную дисциплину. Самостоятельность же любой науки определяется тем, имеет ли она четкие объект и предмет исследования». С другой стороны, учёному явно импонирует концепция «монистического взгляда» на теорию перевода: «И если

теория языка не представляет теории перевода необходимых оснований для теоретических обобщений [эмпирических наблюдений, полезных для развития переводческой практики], то это еще *не свидетельствует о невозможности построения монистической теории перевода* (курсив наш. — Э.М.) на иных основаниях. Проблема состоит в том, чтобы эти основания были выработаны достаточно точно, т.е. чтобы предмет теории перевода имел чёткие очертания. Иначе говоря, невозможность построения “монистической” лингвистической теории перевода не предполагает невозможности построения такой теории на иных основаниях, выходящих за пределы лингвистики» [Гарбовский, 2004, с. 201–204, 206 и др.]. Время показало, что всё-таки создание «монистической теории перевода» весьма иллюзорно.

То, что для некоторых отечественных ученых лишь постепенно наступает время «интердисциплинарного прозрения» в хитросплетениях классических догм в традиционном переводоведении, ведущие специалисты некоторых зарубежных школ вполне однозначно воспринимают максимы междисциплинарности в транслатологии как очевидную общепринятую константу. Так, швейцарский профессор Ханнелоре Ли-Янке (Hannelore Lee-Jahnke), будучи убеждённой сторонницей междисциплинарного подхода как «ключевого направления в рамках переводоведения» и, в частности, в дидактике перевода, констатирует, что «наиболее важными “смежными дисциплинами” переводоведения, которые делают возможным междисциплинарный подход, являются психолингвистика, нейробиология, когнитивистика, исследование творчества и эмоций, а также исследования компетенций и стратегий решения проблем» [Ли-Янке, 2013, с. 38–39]. Разумеется, круг дисциплин, которые могут быть привлечены для решения многочисленных проблем перевыражения ИТ на ПЯ, вполне открыт для его расширения в конкретных «пиковых ситуациях», но суть данной феноменологической редукции обозначена автором предельно точно: «...междисциплинарность значительно подкрепляет научную основу наших исследований» [там же, с. 39].

Таким образом, междисциплинарность перевода однозначно снимает вопрос о сугубо «внутрилингвистическом»/«внутритекстовом» толковании оригинала без обращения к фоновой предыстории его создания, так как «перевод предполагает погружение в историчность не только потому, что надлежит восстановить через интерпретацию то, что означал переводимый текст, но и потому, что нужно понять тот способ, посредством которого этот текст устанавливался, прибегая к ресурсам родного языка и зачастую обновляя

их характер, отношения с теми истоками и целями смыслополагания, которые он для себя определял» [Лоне, 2011, с. 69].

2. Недостатком вышеупомянутых и других концепций перевода является игнорирование или недооценка роли и места герменевтико-методологического и герменевтико-феноменологического факторов в междисциплинарных/трансдисциплинарных исследованиях. Герменевтика не идёт в ряду дисциплин — антропологии, социологии, семиотики, культурологии, психологии и др., обслуживающих науку о переводе, а являет собой наддисциплинарную теоретико-методологическую матрицу в виде «герменевтического методологического стандарта», эшелонирующего и упорядочивающего применение более 20 смежных наук в переводческом процессе. Эту идею еще в 90-е гг. XX в. пытался вербализовать известный французский теоретик Ж.-Р. Ладмираль, который категорически утверждал, что «идея перевода, начисто лишённого понятия *интерпретация*, абсолютна фантастична <...> Более того, было бы пустой затеей воображать себе, что идентификация, определение, фиксация того, что можно назвать смыслом текста, можно осуществить как-то иначе, нежели посредством *герменевтики*» (везде курсив наш. — Э.М.) [Ladmiral, 1994, p. 230].

Неустранимость герменевтической составляющей в переводческом процессе обуславливается таким когнитивно-смысловым и образно-символическим фактором как неизбежное несовпадение «прямого» перевода (т.е. с иностранного языка на родной) одного и того же текста разными переводчиками.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в лингвистическом корпусе взаимодействующих наук. Так, Н.Ф. Алефиренко в своей статье, посвящённой, в частности, герменевтико-феноменологическим аспектам лингвоантропологического дискурса, констатирует, что «в построении ценностно-смыслового пространства дискурса *герменевтика* (уже на уровне подсознания) выстраивает невидимые мосты между культурно-историческими ассоциациями и символическими кодами порождаемого текста. Это само по себе является настолько нетрадиционной стратегией вербального мышления, что привело к возникновению лингвистического постмодернизма с его выходящими за пределы текста конструктами — *интертекст* и *интердискурс* <...> Такая *междисциплинарная архитектоника лингвокреативного мышления* позже была названа «лингвистическим поворотом» в философии и культурологии. Его суть определяется выдвиганием лингвистических знаний в центр гуманитарной науки» [Алефиренко, 2012, с. 109].

Несомненно, теория и практика перевода — одна из наиболее значимых и заметных «гуманитарных вершин» общечеловеческой

культуры, а его междисциплинарный/трансдисциплинарный конструкт жидется в значительной мере на фундаменте «лингвокреативного» — лингвокультурологического и этнопсихолингвистического способа восприятия контентно-смысловой, функционально-когнитивной, образно-символической и метасемиотической авторской картины ИТ, пересоздаваемой переводчиком в виде результирующего ПТ посредством герменевтической парадигмы перевода (ГПП), и его методологической составляющей — «герменевтического методологического стандарта», о чём речь пойдёт далее.

Здесь же напомним, что исходная констатация междисциплинарности/трансдисциплинарности перевода требует чёткой концептуально-терминологической идентификации и верификации её сущности и иерархической упорядоченности искомых дисциплин, обслуживающих переводческий процесс на разных стадиях и уровнях её герменевтико-интроспективной рефлексии. Подчеркнём, что феномен междисциплинарности в современном науковедении есть лишь одна из четырёх других форм и ступеней комплексного изучения данного объекта соответствующими науками — «(моно-)дисциплинарность», «междисциплинарность», «поли-/мультидисциплинарность», и «трансдисциплинарность». Соответственно научные подходы, классифицируемые по степени полноты познания искомых объектов, можно верифицировать как «дисциплинарный подход», «междисциплинарный подход», «мультидисциплинарный подход» и «трансдисциплинарный подход».

В игровой форме различия и сходства между вышеназванными дисциплинарными подходами можно представить в виде «коробочных конфигураций». Одна «монодисциплинарная коробка» представляет одну отраслевую «персональную» научную дисциплину, в том числе традиционные классические фундаментальные науки типа «математика», «химия», «физика» и др. Считается, что «дисциплинарная коробка», вмещающая «монистическую» дисциплину со своим строго очерченным предметом исследования, — это хранилище «чистой науки», которая в какой-то степени накапливает знание ради самого знания.

Вопреки мнению А. Лешнера, о том, что «дисциплинарная наука умерла», существует и другая точка зрения: «Дисциплинарный (sic!) и трансдисциплинарный подходы не противоречат, но дополняют друг друга» [Кияшенко, Моисеев, 2009, с. 24].

«Междисциплинарная коробка» предстаёт в виде большой коробки, которая вмещает более одной дисциплины, но все «входящие сопутствующие дисциплины» подчиняются одной главной, *ведущей дисциплине*, а прочие дисциплины суть *ведомые*. Ведущая дисциплина как бы «сплавляет» различные теоретические допуще-

ния, методологии и практики, которые приходят от вовлекаемых в научное исследование дисциплин. Это означает, что, несмотря на возможность прямого переноса метода исследования, когнитивных схем из одной дисциплины в другую, результаты междисциплинарного исследования будут всегда трактоваться ведущей дисциплиной. Примерами могут служить так называемые «бинарные естественные науки» типа «биохимия», «биофизика», «биоэтика» и т.д. В современном языкознании находим массу подобных междисциплинарных наук — «психолингвистика», «этнопсихолингвистика», «лингвокультурология», «социолингвистика», «когнитивная лингвистика» и т.д.

При «мультидисциплинарности» научного потока знаний все дисциплины продолжают оставаться в своих коробках, образуя своеобразный «хаос коробок». Мультидисциплинарность — это не интегративная смесь дисциплин. Она не предполагает переноса методов исследования из одной дисциплины в другую. Каждая из них сохраняет собственную методологию и собственные теоретические допущения, не видоизменяя и не дополняя их, подвергаясь воздействию со стороны других дисциплин. Она не интерактивна.

Однако, сопоставляя результаты (моно-)дисциплинарных исследований, в рамках данного подхода удастся найти новые, ранее не обнаруживаемые сходства исследуемых предметных областей. А это, в свою очередь, позволяет специалистам *организовать новые междисциплинарные исследования.*

Примером типичной *полидисциплинарности* может служить учебное пособие, изданное в МГУ в 2003 г., «Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования». По-старому используется термин «междисциплинарное исследование». В нём объект описывается как предметы разных дисциплин, без переноса методов, с сохранением своей методологии. Образно говоря, все дисциплины остаются в своих коробках в большой корзине:

- 1) герменевтический аспект языка СМИ;
- 2) интерпретация политического дискурса в СМИ;
- 3) языковедческое описание публицистического функционального стиля;
- 4) перевод текстов СМИ;
- 5) средства массовой коммуникации как зеркало поп-культуры;
- 6) язык рекламы;
- 7) психолингвистические особенности языка СМИ;
- 8) лингвопрагматический аспект языка СМИ;
- 9) специфика межкультурной коммуникации в текстах СМИ и другие разделы.

Что касается **трансдисциплинарности**, то её изображают в виде некой пирамиды, выстроенной из стоящих одна на другой коробок. «Отец трансдисциплинарности» Ж. Пиаже считал, что «после этапа междисциплинарных исследований следует ожидать более высокого этапа — трансдисциплинарного, который не ограничится междисциплинарными отношениями, а разместит эти отношения внутри глобальной системы без строгих границ между дисциплинами». Тем самым создаётся холистическое видение предмета без резко очерченных границ между дисциплинами. Трансдисциплинарность представляет собой своеобразную «мета-методологию», которая стремится превзойти и преобразовать методики разных дисциплин [Трансдисциплинарность, 2015, с. 26].

Симптомы междисциплинарности/трансдисциплинарности отечественные учёные уже достаточно давно отметили и в лингвистике, и в переводоведении. Действительно, разные разделы теории и методологии перевода можно рассматривать в самых разных ипостасях, соотносить с самыми разными видами «дисциплинарности». Так, В.Н. Комиссаров — ярый сторонник ЛТП — в своей книге «Современное переводоведение» объективно констатировал следующий переводоведческий феномен: «В переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, разные склады мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки.

Переводом интересуются культурологи, этнографы, психологи, историки, литературоведы, и разные стороны переводческой деятельности могут быть объектом изучения в рамках соответствующих наук.

В то же время в науке о переводе — переводоведении — могут выделяться культурологические, когнитивные, психологические, литературные и прочие аспекты» [Комиссаров, 2001, с. 11].

3. В условиях неизбежного перехода теории и методологии перевода на современную трансдисциплинарную платформу встаёт вопрос о построении адекватной мета-методологии переводоведения и упорядоченной дистрибуции многочисленных наук, взаимодействующих и кооперирующихся с ним как учением о межкультурном общении и межъязыковом посредничестве.

Для решения этой проблемы используется разрабатываемая нами «герменевтическая парадигма перевода (ГПП)», базирующаяся, в свою очередь, на так называемом «герменевтическом методологическом стандарте (ГМС)».

ГПП идентифицируется нами как выстроенная по принципу дополнительной дистрибуции синергетически упорядоченная междисциплинарная/трансдисциплинарная целокупность современного

переводоведческого знания и практического опыта, воспринятую профессиональным сообществом в качестве образца решения актуальных исследовательско-прагматических задач.

ГПП — это системно выстроенная по принципу дополнительности дискурсивная соборность философо-/филолого-герменевтических, когнитивно-информационных, семиотико-интерпретирующих, деятельностных и иных теорий, моделей, стратегий и тактик перевода, способов и приёмов перевыражения, переложения, адаптации, перепорождения и других разновидностей игровой трансформации ИТ в ПТ на уровнях контентно-смысловом, образно-символическом, этнопсихолингвистическом, лингвокультурологическом, функционально-стилистическом и других в зависимости от рабочих текстотипов и их жанров.

Как один из возможных способов продвижения современной мета-методологии в междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования теории и практики перевода нами модифицируется вышеупомянутый ГМС, которым пользуются ученые в философской герменевтике и в некоторых смежных социально-гуманитарных науках [см.: Кузнецов, 2007, с. 110–111].

ГМС для ГПП в нашей модификации представляется в виде четырёхступенчатой матрицы, включающей, во-первых, **предпонимание** (т.е. расширенный трансдисциплинарный предпереводческий анализ ИТ); во-вторых, **понимание** (т.е. преодоление «чуждости» ИТ, усвоение его смысла, трансформация «непонятого остатка» в «понятное»; расшифровка недосказанных и невыраженных скрытых интенций автора, вживание в суть его «языковых игр» и т.д.); в-третьих, **интерпретация** (т.е. выработка «переводческого промежуточного языка», перебор вариантов перевода закономерных соответствий, способов перекодирования/перевыражения/переложения/пересоздания/перепорождения вторичного текста — ПТ); в-четвертых, **переводческое решение** (т.е. порождение окончательного результирующего «дискурсивно эквивалентного» или «прагматически адекватного» переводного/пересозданного текста, отчуждённого от переводчика в сферу читательской рефлексии).

Очевидно, что предлагаемые экспликация и дефинирование мета-методологических уровней матрицы ГМС, фундированные соответствующим трансдисциплинарным инвентарём, сущностно и предметно отражают собственно переводческую проблематику.

Инновационная стратегия междисциплинарного и трансдисциплинарного опыта исследования переводческого процесса и построения современной ГПП и его переосмысления позволят ученым эффективно развивать науку о межъязыковом посредничестве достойным образом.

Соединив апории корифеев мысли Х. Ортеги-и-Гассета и М. Хайдеггера, заключим часть первую настоящей работы симулякром: преодолеть стадию «нищеты перевода» и войти в стадию его «блеска» можно будет только тогда, когда переводческое сообщество согласится с максимой, гласящей, что успех науки во многом зависит от того, насколько она способна «на кризис своих основных понятий».

Список литературы

- Азов А.Г.* Поверженные буквалисты: из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы / http://www.e-reading.link/bookrader.php/1032070/Azov_-_Poverzhennye_bukvalisty.html [22.02.15], 148 с. (То же. Изд-во Высшей школы экономики, 2013. 308 с.).
- Azov, A.G.* Poverzhennye bukvalisty: iz istorii hudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920–1960-e gody [Prostrate literalists: from the history of literary translation in the USSR in 1920–1960s] / http://www.e-reading.link/bookrader.php/1032070/Azov_-_Poverzhennye_bukvalisty.html [22.02.15], 148 s. (To zhe. Izd-vo Vysshej shkoly ekonomiki, 2013. 308 s.) (in Russian).
- Бузаджи Д.М.* Переводчик прозрачный и непрозрачный // Мосты. 2009. № 2 (22). С. 31–38. thinkaloud.ru/feature/buz-transparent.pdf
- Buzadzhi, D.M.* Perevodchik prozrachnyj i neprozrachnyj. [Visible and invisible translator] // Mosty, N 2 (22), 2009. S. 31–38. thinkaloud.ru/feature/buz-transparent.pdf (in Russian).
- Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В.* Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. М.: Всероссийский центр переводов, 2009. 119 с.
- Buzadzhi, D.M., Gusev, V.V., Lanchikov, V.K., Psurcev, D.V.* Novyj vzgljad na klassifikaciju perevodcheskih oshibok [A new perspective on translation error classification], М.: Vserossijskij centr perevodov, 2009, 119 s. (in Russian).
- Винокур Г.О.* Введение в изучение филологических наук (Выпуск первый. Задачи филологии) // Проблемы структурной лингвистики. 1978. М.: Наука, 1981. С. 3–58.
- Vinokur, G.O.* Vvedenie v izuchenie filologicheskikh nauk [An Introduction into the Study of Philological Sciences] (Vypusk pervyj. Zadachi filologii) // Problemy strukturnoj lingvistiki, 1978, М.: Nauka, 1981. S. 3–58 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Garbovskij, N.K.* Teorija perevoda [The Theory of Translation], М.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2004. 544 s. (in Russian).
- Йоханссон Ф.* Эффект Медичи: возникновение инноваций на стыке идей, концепций и культур. М.: Вильямс, 2008. 192 с.
- Johansson, F.* Jeffekt Medichi: vzniknovenie innovacij na styke idej, koncepcij i kul'tur [The Medici Effect: Breakthrough insights at the intersection of ideas, concepts, and cultures], М.: Vil'jams, 2008. 192 s. (in Russian).
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
- Komissarov, V.N.* Sovremennoe perevodovedenie [Contemporary Translatology], М.: JeTS, 2001. 424 s. (in Russian).
- Кузнецов В.Г.* Герменевтический методологический стандарт // Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 110–111.

- Kuznetsov, V.G.* Hermenevticheskiy metodologicheskiy standart // Slovar' filosofskih terminov [Hermeneutical Methodological Standard // A Dictionary of Philosophical Terms], M.: INFRA-M, 2007. S. 110–111 (in Russian).
- Ли-Янке Х.* Законодатели мод и ключевые этапы в междисциплинарном, ориентированном на процесс переводе: познание, эмоция, мотивация // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 36–68.
- Lee-Jahnke, H.* Zakonodateli mod i kljuchevye jetapy v mezhdisciplinarnom, orientirovannom na process perevode: poznanie, jemocija, motivacija [Trendsetters and Milestones in Interdisciplinary Process-Oriented Translation: Cognition, Emotion, Motivation] // Vestn. Mosk. un-ta, Ser. 22, Teorija perevoda, 2013, N 1, S. 36–68 (in Russian).
- Лоне Марк де.* Какая герменевтика требуется для перевода? // Логос. 2011. № 5–6. С. 61–71.
- Lone, Mark de.* Kakaja hermenevtika trebuetsja dlja perevoda? [What kind of hermeneutics is required for translation?] // Logos, 2011, N 5–6, S. 61–71 (in Russian).
- Мирский Э.М.* Междисциплинарные исследования в современной науке. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН АН СССР, 1978. 57 с.
- Mirskij, Je.M.* Mezhdisciplinarnye issledovaniya v sovremennoj nauke. Nauchno-analiticheskij obzor [Interdisciplinary Research in Contemporary Science. A scientific-analytical review], M.: INION AN SSSR, 1978. 57 s. (in Russian).
- Мишкuroв Э.Н.* «Герменевтический поворот» в современной теории и методологии перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2014. № 1. С. 14–29; № 3. С. 24–46.
- Mishkurov, E.N.* «Germenevticheskiy povorot» v sovremennoj teorii i metodologii perevoda [Hermeneutical Turn in Contemporary Theory and Methodology of Translation] // Vestn. Mosk. un-ta, Ser. 22, Teorija perevoda, 2014, N 1. S. 14–29; N 3, S. 24–46 (in Russian).
- Оболенская Ю.Л.* Художественный перевод и межкультурная коммуникация. 3-е изд., испр. М.: Либроком, 2010. 264 с.
- Obolenskaja, Ju.L.* Hudozhestvennyj perevod i mezhkul'turnaja kommunikacija [Literary Translation and Intercultural Communication]. 3-e izd., ispr., M.: Librokom, 2010. 264 s. (in Russian).
- Переписка А.А. Реформатского и К.И. Чуковского // Переписка с московскими лингвистами. К. Чуковский. <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/Lingvisty.htm> [22.02.15]. С. 1–23.
- Perepiska A.A. Reformatskogo i K.I. Chukovskogo [Correspondence between Reformatskij and Chukovskij] // Perepiska s moskovskimi lingvistami, K. Chukovskij. <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/Lingvisty.htm> [22.02.15]. S. 1–23 (in Russian).
- Реформатский А.А.* Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе. 1952. С. 12–22.
- Reformatskij, A.A.* Lingvisticheskie voprosy perevoda [Linguistic Problems of Translation] // Inostrannye jazyki v shkole, 1952. S. 12–22 (in Russian).
- Роман Якобсон.* ТрансЕвропа / <http://transeurope.ru/vyidayshhiesya-perevodchiki-i-lingvis...> [20.01.15]. С. 1.
- Roman Jakobson.* TransEvropa / <http://transeurope.ru/vyidayshhiesya-perevodchiki-i-lingvis...> [20.01.15]. S. 1 (in Russian).

- Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2007. XVI. 731 с.
 Slovar' filosofskih terminov [A Dictionary of Philosophical Terms], M.: INFRA-M, 2007. XVI. 731 s. (in Russian).
- Устинофф М.* Роман Якобсон и французская школа перевода // *interlos.ru*>pdf/logos/2011-05/04pdf. С. 35–49.
- Ustinoff, M.* Roman Jakobson i francuzskaja shkola perevoda [Roman Jakobson and the French School of Translation] // *interlos.ru*>pdf/logos/2011-05/04pdf. S. 35–49 (in Russian).
- Фёрс Дж.Р.* Лингвистический анализ и перевод // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 25–35.
- Firth, J.R.* Lingvisticheskij analiz i perevod [Linguistic Analysis and Translation] // Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike: Sb. statej., M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1978. S. 25–35 (in Russian).
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика: эволюция связей // Вопросы филологии. 2008. № 3. С. 63–64.
- Shvejcer, A.D.* Perevod i lingvistika: evoljucija svjazej [Translation and Linguistics: Evolution of the Relationship] // Voprosy filologii, 2008, N 3. S. 63–64 (in Russian).
- Швейцер А.Д.* Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). М.: Наука, 1988. 215 с.
- Shvejcer, A.D.* Teorija perevoda (status, problemy, aspekty) [Theory of Translation (Status, Problems, Aspects)], M.: Nauka, 1988. 215 s. (in Russian).
- Швейцер А.Д.* Советская теория перевода за 70 лет // ВЯ. 1987. № 5. С. 9–16.
- Shvejcer, A.D.* Sovetskaja teorija perevoda za 70 let [The Soviet Theory of Translation through 70-year Period] // VJa, 1987, N 5. S. 9–16 (in Russian).
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод). М.: Воениздат, 1973. 280 с.
- Shvejcer, A.D.* Perevod i lingvistika (Gazetno-informacionnyj i voenno-publicisticheskij perevod) [Translation and Linguistics (Newspaper-Informational and Military-Publicistic Translation)], M.: Voenizdat, 1973. 280 s. (in Russian).
- Швейцер А.Д.* К вопросу об анализе грамматических явлений при переводе // Тетради переводчика. М.: Изд-во ИМО, 1963. С. 5–12.
- Shvejcer, A.D.* K voprosu ob analize grammaticeskikh javlenij pri perevode [On the Analysis of Grammatical Phenomena in Translation] // Tetradi perevodchika, M.: Izd-vo IMO, 1963. S. 5–12 (in Russian).
- Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сб. статей. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 16–24.
- Jakobson, R.* O lingvisticheskikh aspektah perevoda [On Linguistic Aspects of Translation] / Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike, Sb. statej, M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1978. S. 16–24 (in Russian).
- Johansson, F.* The Medici Effect: Breakthrough insights at the intersection of ideas, concepts, and cultures. Harvard Business School Press, 2004. 185 p.
- Ladmiral, J.-R.* Traduire: théorèmes pour la traduction. Paris: Gallimard, 1994. 308 p.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

А.В. Алевич,

аспирант Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: anisalevich@yandex.ru

О ПОЭТИЧЕСКОМ МИРОПОНИМАНИИ: ТВОРЧЕСТВО ДЖОНА ДОННА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ (ЧАСТЬ II)¹

Вторая часть статьи посвящена изучению языковых и культурологических особенностей поэтических произведений английского поэта и проповедника Джона Донна, отражению поэтической картины мира в тексте оригинала и тексте перевода, а также роли личности переводчика при выборе переводческих стратегий. В качестве материала исследования рассматриваются оригинальные тексты стихотворений Джона Донна из циклов «Songs and Sonnets», «Holy Sonnets», поэмы «The Anatomy of the World» и переводы его произведений, выполненные С.Я. Маршак, Б.В. Томашевским, И.А. Бродским, Д.М. Щедровицким, Г.М. Кружковым.

Ключевые слова: поэзия, Джон Донн, картина мира, метафизика, алхимия, проповедь, рубато, напряжённая строка, символ, интерпретация, перевод.

Anissa V. Alevich,

Postgraduate student at the Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: anisalevich@yandex.ru

POETIC WORLD REFLECTION OF JOHN DONNE'S WORKS THROUGH CULTURAL AND TRANSLATION STRATEGIES (PART II)

The second part of the article focuses on language and cultural peculiarities in literary works by John Donne whose original masterpieces are mapped out through the understanding of his personality and life represented in the Russian poetic worldview and viewed through the perspective of translator's personality in such poems as «Songs and Sonnets», «Holy Sonnets», «An Anatomy of the World» and translations by S. Marshak, B. Tomashevsky, J. Brodsky, D. Shchedrovitsky and G. Kruzhkov.

Key words: poetry, John Donne, worldview, metaphysics, alchemy, sermon, rubato, strong line, symbol, interpretation, translation.

Импровизатор из «Египетских ночей» А.С. Пушкина задаётся вопросом: «Почему мысль из головы поэта выходит уже вооружен-

¹ Часть I опубликована в Журнале Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 1.

ная четырьмя рифмами, размеренная стройными однообразными стопами?» Ответ заключается в том, что в основе стиха лежат музыкальные нормы конкретного языка. Слово «поэт» в греческом означало не только «стихотворец», но и «композитор». При сочинении стихов поэты Древней Греции держали в голове напев, на который они их полагали. Так, строфа (от греч. «*strefein*» «оборачиваться») изначально представляла из себя песенную фразу и означала «поворот во время пляски».

Стихотворение — это своеобразное пение без музыки, которое, преломляясь через перевод, обретает новое звучание. Наиболее точно этот феномен можно определить с помощью введенного Д.С. Лихачёвым термина «литературная трансплантация», когда «целые культурные пласты пересаживались на русскую почву и здесь начинали новый цикл развития» [Лихачёв, 1973, с. 22].

Картина мира, заключённая в поэзии, состоит из нескольких пазлов, составляющих единое пространство: размера, ритма, стопы, строфы. Эти элементы, каждый по отдельности и в совокупности, создают музыку стиха, индивидуальную для каждой культуры. Передача картины мира, нашедшая отражение в языковом знаке, — одна из основных трудностей, с которой сталкиваются переводчики в процессе переводческой деятельности, которая представляет собой «феноменологическую, семиотико-интерпретационную языковую игру в сфере межкультурной коммуникации» [Мишкурин, 2013, с. 82].

В триаде автор — переводчик — читатель роль переводчика сложно переоценить. Переводчик, подобно «прозрачному стеклу» [Костикова, 2010, с. 43], должен, с одной стороны, передать своеобразие подлинника, а с другой — вписать его в рамки принимающей культуры [Гарбовский, 2013, с. 21]. По мнению В. Беньямина, настоящий перевод «не заслоняет собой оригинал, <...> а, наоборот, позволяет чистому языку <...> сообщать оригиналу своё сияние всё более полно» [Беньямин, 2002, с. 105]. Добиться этого в переводе стихотворений необычайно трудно. Десять парадоксов Т. Сейвори можно свести к двум, которые, по замечанию С.Я. Маршака, заключаются в следующем: «Первое. Перевод стихов невозможен. Второе. Каждый раз это исключение» [Маршак, 1969, с. 375].

Поэтическое творчество Джона Донна в переводе

Отношение к творчеству Донна менялось на протяжении столетий. Восхищение сменялось неприятием, преклонение — отрицанием. Его переводили при жизни и предали забвению после смерти. «Короля всеобщей монархии ума» обвиняют в «переиз-

бытке глубокомыслия» и задаются вопросом: «Может ли человек с поэтическим вкусом прочесть хотя бы десяток строк Донна без отвращения? Нет» [Johnson, 1938, p. 13]. Творчество Донна оказалось созвучным XX в., когда появляются издания работ карманного формата, произведения расходятся на цитаты, а критики ставят его в один ряд с величайшими английскими поэтами.

Первые переводы Джона Донна на русском языке начинают появляться в середине XX в., когда читатель знакомится с английской литературой «вглубь». Веком ранее русские писатели обходили вниманием английских авторов, что весьма объяснимо: в России царила «монархия французского языка». Тем не менее именно к этому периоду относится первое упоминание имени Джона Донна в русской литературе. В статье А.С. Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе “Потерянного Рая” (1837) приводится цитата из трагедии В. Гюго «Кромвель», где лорд-протектор называет Мильтона «великим феологом и даже хорошим стихотворцем, хотя пониже Вайверса и Донна» [Пушкин, 1949, с. 814].

Джон Донн в переводе С.Я. Маршака

Одним из первых на русский язык Джона Донна перевел С.Я. Маршак. Десятый сонет из цикла «Holy Sonnets» («Священные сонеты») стал единственным обращением к творчеству поэта. Несмотря на то что некоторые исследователи правомерно упрекают С.Я. Маршака в чрезмерном удалении от текста оригинала, избегая «рабского следования за подлинником», перевод полностью передает и дух, и букву стихотворения.

Джон Донн, находясь в постоянном поиске новых поэтических структур, обыгрывал классические формы стихосложения. Особое внимание он уделял сонету, имевшему широкое хождение в творчестве поэтов того времени. Классический итальянский сонет, состоящий из двух катренов и трехстиший, в Англии несколько видоизменился. Родоначальником английского сонета по праву считается Уильям Шекспир, у которого он состоит из строфы в двенадцать строк, за которой следует двустишие. Донновский сонет с течением времени претерпел существенные изменения. В раннем творчестве сонет, писавшийся с одной буквой «n» («Songs and Sonets»), состоял из десяти строк и представлял особый жанр, похожий на песню. Сохранились сведения о том, что Донн писал музыку к своим стихотворениям и они исполнялись в соборе Св. Павла. После принятия сана священника меняется как содержание, так и форма сонета. В цикле «Holy Sonnets» («Священные сонеты»), пропитанном богоискательскими настроениями, слово

«sonnet» употреблено с двумя «п», а по форме сонет напоминает шекспировский.

В переводе С.Я. Маршак разбивает сонет, объединяя каждое предложение в строфу, тем самым сохранив логические акценты стихотворения. Донновское стихотворение раскручивается, как пружина, в том числе благодаря повторениям: строки 7, 10, 11, 12, 14 вводятся союзом *and*, что также присутствует в переводе (строки 4, 6, 14 начинаются с союза *и*). В стихотворении Донн говорит о победе над смертью, подчёркнуто обращаясь к ней на ты (*canst thou kill mee, why swell'st thou then, death, thou shalt die*). В стихотворении это местоимение встречается 10 раз, в переводе — 7 (И ты, о смерть, надеюсь, такова, / Ты же, смерть, умри). Провозглашенная в стихотворении победа жизни над смертью усиливается благодаря часто используемому отрицанию: «*Death be not proud / thou art not soe / Die not / nor yet canst thou kill mee / death shall be no more*». В переводе отрицание встречается дважды: «Смерть, не гордись, когда тебя зовут, / Но не гордись». Для восполнения этого компонента С.Я. Маршак вводит восклицательные предложения: «Жалкие слова! / Ты же, смерть, умри!».

С.Я. Маршак передаёт приём *enjambement*, заключающийся в переносе важных по смыслу слов на следующую строку. Этот приём, характерный для творчества Донна, редко встречался у поэтов елизаветинской эпохи:

<i>Death, be not proud, though some have called thee Mighty and dreadful, for thou art not so:</i>	Смерть, не гордись, когда тебя зовут Могучей, грозной. Жалкие слова!
--	---

При переводе слова *men* С.Я. Маршак прибегает к лексической трансформации и заменяет его гиперонимом «земные существа».

<i>And soonest our best men with thee do go Rest of their bones and souls' delivery!</i>	Ты лучшие земные существа Освободить спешишь от рабских пут.
--	---

Этот перевод несколько искажает смысл стихотворения, поскольку, по мнению Донна, именно душа отличает нас от животных, и человек создан ходить вертикально исключительно для того, чтобы смотреть на небо, являющееся центром притяжения души.

В переводе отсутствует слово *bones*, важный компонент для понимания смысла стихотворения.

<i>And soonest our best men with thee do go Rest of their bones and soul's delivery.</i>	Ты лучшие земные существа Освободить спешишь от рабских пут.
--	---

Согласно мифопоэтической традиции слово *bone* «кость» (др.-англ. *bān*) считалось символом бессмертия и божественного творения Мироздания и соотносилось с и.-е. *bha-*, *bheu-*, *bhu-* «Вселенная, Бытие», а также со словами «плодиться, размножаться». Как

показал Э. Бенвенист, вечность, бессмертие в языческом представлении означали «жизненную силу, дарованную божеством», или «проявление Божества во вселенской жизненной силе» [Маковский, 1996, с. 77]. Кость также считаласьместилищем души и священного огня: если в этот огонь бросить слово молитвы, оно долетит до Божества, ср: др.-англ. *bān* «кость» и др.-англ. *ben* «молитва». Связь между словами *bone* и *soul* прослеживается в данном стихотворении.

Однако это опущение вполне объяснимо. Согласно Г.В. Чернову, перевод стихотворений представляет особую сложность, поскольку не содержит нулевой информации. Каждый квант информации важен для понимания смысла всего произведения, а чем выше количество информации на каждый символ, «тем больше самобытность и оригинальность автора поэтического произведения» [Чернов, 1978, с. 63]. Учитывая жёсткие рамки ритма и рифмы, в которые поставлен переводчик, а также высочайший уровень перевода данного стихотворения в целом, это опущение представляется незначительным.

Джон Донн в переводах Б.В. Томашевского

Издание первого сборника переводов стихов Джона Донна на русский язык принадлежит выдающемуся пушкинисту Б.В. Томашевскому (1973). Тем не менее переводы «классика стиховедения» без филологического диплома, литератора, на рабочем столе которого рукописи соседствовали с математическими формулами, остались незамеченными.

Возможно, причина заключается в том, что мелодия языка А.С. Пушкина, знакомая с детства, заглушила донновское звучание фразы, и новаторство поэзии, не имевшей аналогов в русской литературе, ускользнуло от читателя. Так, современники отчетливо слышали музыкально-песенную основу лирики Донна. В отличие от алхимиков, которые сравнивали процесс приготовления эликсиров с музыкой, опираясь на учение Пифагора о космической «гармонии сфер», Донн использовал приём «рубато» (от итал. *tempo rubato*, букв. «похищенное время»), допускающий ускорение или замедление темпа в пределах заданного метра. «Поэзия напряжённой строки» (*strong-lined poetry*) выражалась в изменении ударения в словах (*blasphémous*), добавлении лишних слогов (*dungeon*), элизии (*b'occasion*) [Горбунов, 1989, с. 130] и приёма enjambement, при этом на следующую строку переносились не только слова, но и слоги (*and of good as forget // full as proud*). Рубленный ритм оригинала

в переводе сменил ямб, что неудивительно: А.С. Пушкин — «поэт ямбический».

Наиболее ощутимо влияние А.С. Пушкина заметно на уровне лексики. Переводы Б.В. Томашевского насыщены пушкинизмами:

Джон Донн	Б.В. Томашевский	А.С. Пушкин (Словарь языка А.С. Пушкина)
<i>But sucked on country pleasures, <u>childishly</u>?</i>	Иль <u>тешились</u> мы детской <u>игрой</u>	И бесы <u>тешились</u> проклятою <u>игрой</u> . Юноша (...) <u>тешится</u> быстрой <u>игрой</u> [т. 2, с. 348].
<i><u>True and false fears</u> let us refrain...</i>	Давай <u>отбросим</u> страх пустой...	Верь, коханочка, пустое; <u>Ложный страх отбрось</u> [т. 3, с. 185].
<i>My <u>face</u> in thine eye, thine in mine appears...</i>	Мой <u>лик</u> в твоих глазах, а твой — в моих...	Выходит Петр. Его глаза сияют. <u>Лик</u> его ужасен [т. 5, с. 228].
<i>My silence to any, who <u>abroad</u> hath been...</i>	Молчанье тем, кто повидал <u>чужбину</u> ...	Нам целый мир <u>чужбина</u> [т. 4, с. 952].
<i>And all your <u>graces</u> no more use shall have...</i>	Ненужной станет прелесть милой...	Вы <u>прелестью</u> лица и <u>прелестью</u> души К несчастью бесподобны [т. 3, с. 689].
<i>Then note they the ship's <u>sicknesses</u></i>	Корабль в <u>недуге</u>	В нем кровь и мысли взволновал Жар ядовитого <u>недуга</u> [т. 2, с. 787].
<i>Without <u>sharp north</u>, without declining west?</i>	Нет <u>вихрей</u> норда, угасанья веста.	Буря мглою небо кроет, <u>Вихри</u> снежные крутя [т. 5, с. 439].
<i>And find what <u>wind</u> Serves to advance an honest mind.</i>	Где на свете <u>веет ветер</u>	Попутный <u>веет ветер</u> . — Идет корабль [т. 1, с. 179].
<i>My truth to them who <u>at the court do live</u>;</i>	А правду — тем, кто связан с <u>высшим светом</u> .	Зачем у вас я на примете? Не потому ль, что в <u>высшем свете</u> Теперь являться я должна [т. 1, с. 448].
<i>And to my company my <u>wit</u></i>	Друзьям-поэтам — <u>вдохновенье</u>	Вы были вестницею славы и <u>вдохновеньем</u> для меня [т. 1, с. 221].
<i>War</i>	<u>Сраженье</u>	Восемь дней <u>сраженье</u> длилось [т. 4, с. 332].
<i>I <u>pity</u> thee</i>	Я <u>клян</u> у тех	Вокруг нее он молча бродит, <u>Клянёт</u> жестокий жребий свой [т. 2, с. 331].
<i>Pumping hath tired our men, and <u>what's the gain</u>?</i>	Мы к помпам сразу, <u>да что толку в этом?</u>	Дорога-то здесь; я стою на твёрдой полосе, <u>да что толку?</u> [т. 4, с. 528].

Пушкинизмы проскальзывают там, где переводчика не поддерживает текст оригинала: это добавления, необходимые для сохранения ритма фразы:

Джон Донн	Б.В. Томашевский	А.С. Пушкин (Словарь языка А.С. Пушкина)
<i>Thou, Love, by making me adore Her, who begot this love me before</i>	Так мне Любовь урок даёт: Любить лишь ту, в чьем <u>сердце мрак и лед.</u>	На <u>сердце</u> горестным уныньем <u>мрак</u> лежал [т. 2, с. 632]. Здесь речи — лёд, <u>сердца</u> — гранит [т. 2, с. 462].
<i>And I might live long wretched so, But that my fire doth with my fuel grow.</i>	И я живу, страданьями томим, Вздувая пламя топливом своим.	<u>Духовной жаждою томим</u> , В пустыне мрачной я влачился [т. 2, с. 149].
<i>England</i>	<u>Мать</u> Англия	(Москва) <u>мать</u> градов России [т. 4, с. 744].
<i>How in the port our fleet dear time did <u>leese</u>, Withering like <u>prisoners</u>.</i>	И видит: флот в порту еще томится, Как узник, прозябающий <u>в темнице.</u>	Тогда моей <u>темницы</u> вновь покину я немые своды [т. 4, с. 493].
<i>But when I <u>waked</u>, I saw that I <u>saw not</u>.</i>	<u>Очнувшись</u> , вижу, что в глазах всё <u>тмится</u> .	Наконец она <u>очнулась</u> [т. 3, с. 262]. Мрачнее <u>тмись</u> за тучами луна! [т. 4, с. 522]
<i>some forth their cabins peep...</i>	Другие вышли, <u>бледные</u> , как <u>тень</u> ...	И <u>тени бледные</u> погибших чад Беллоны [т. 4, с. 198].

Б.В. Томашевский использует конкретизацию (лексическую трансформацию):

Джон Донн	Б.В. Томашевский	А.С. Пушкин (Словарь языка А.С. Пушкина)
<i>Then all your beauties will be no more worth Than gold in mines, where none doth draw it forth.</i>	И будет не ценней <u>улыбка на устах</u> , Чем золото в забытых рудниках.	<u>Улыбка уст</u> , улыбка взоров [т. 4, с. 690].

Б.В. Томашевский опускает те слова, которые во времена А.С. Пушкина сочли бы антипоэтичными. Вопрос о том, какие слова можно использовать в поэзии, вызывал жаркие споры во времена, когда строфические формы были прочно привязаны к определенным жанрам, а метафизического языка, согласно А.С. Пушкину, «не существовало вовсе». В.К. Тредиаковский в 1750 г. упрекал А.П. Сумарокова в том, что тот написал «глаза» вместо «очи», «взгляни» вместо «воззри». Критика выговаривала А.С. Пушкину за использование слова «конечно», которое «в поэзию вводить опасно». В переводе Б.В. Томашевский заменяет *corse* на «могилу»:

Two graves must hide thine and my corse... Нас примет не одна могила...

В одном из переводов Б.В. Томашевский заменяет слово *King* на «владыку», а местоимение *She* переводит как «девица»:

Джон Донн	Б.В. Томашевский	А.С. Пушкин (Словарь языка А.С. Пушкина)
<i>Now, as those active kings...</i>	В победных войнах алчные <u>владыки</u> ...	<u>Владыко</u> дней моих! дух праздности унылой [т. 3, с. 421].
<i>Yet she...</i>	Та <u>девица</u> ...	Вся столица Содрогнулась, а <u>девица</u> — Хи-хи-хи! да ха-ха-ха! [т. 3, с. 364].

Речь не идёт о стилизации: когда всю жизнь занимаешься творчеством поэта, то его язык врастает в тебя, и ты говоришь так, потому что по-другому сказать не можешь.

Различие принципов грамматического строя во многом диктует выбор переводческих стратегий. Так, для английского языка, в отличие от русского, характерно одушевленное подлежащее. В переводе Б.В. Томашевский применяет грамматическую трансформацию, полностью перестраивает фразу и вводит деепричастный оборот:

Whose foreign conquest treasure brings. С врагов своих собрав побор великий.

В английском языке преобладает глагольный способ выражения предикативных отношений, в русском — именной. Эта языковая особенность проявилась и в переводе:

Receive more, and spend more, and soonest break... Быстрее гибнут от безмерных трат...

В результате процесса лексикализации глагол и дополнение в английском языке составляют одну фразеологическую единицу, поэтому в переводе Б.В. Томашевский использует приём расширения значения:

*And now good-morrow to our waking souls,
Which watch not one another out of fear* А нынче «С добрым утром!» говорим
Мы душам, в страхе замершим смятенно

В некоторых случаях используется стяжение грамматической формы:

If th' world had lasted, now it had been day Весь мир в небытие отхлынул прочь

Функциональная замена, заключающаяся в использовании иной грамматической формы или синтаксической структуры переводящего языка, близкой к исходной единице, — один из способов восполнения языковых лакун. В одном из переводов Б.В. Томашевский применяет грамматическую трансформацию, заменив герундий сложным бессоюзным предложением:

I'll undo the world by dying, because love dies too. Умру — весь мир любви умрет со мною.

В случаях, когда подобная замена невозможна, переводчик пропускает безэквивалентную форму. Нулевым переводом Б.В. Томашевский воспользовался при передаче следующих языковых лагун, которые появились в среднеанглийский период и окончательно сформировались в ранненованглийский, эпоху Джона Донна, ставшую, по выражению Генри Суита, временем «утраченных окончаний»:

1) Предлог *to* оформляет косвенное дополнение в результате тенденции к аналитизму в английском языке:

*To nature all that I in rhyme have writ;
And to my company my wit*

Природе все свои стихотворенья
Друзьям-поэтам — вдохновенья.

2) Служебное существительное *one* возникает как заместитель ведущего члена субстантивного словосочетания во времена Донна.

And from our tatter'd sails rags drop down so, А с мачт сползали рваные лохмотья,
As from one hang'd in chains a year ago. Как с трупа, что уж год на эшафоте.

3) Слово-заместитель *that* появилось благодаря тому, что ведущий член словосочетания не может отсутствовать, будучи представленным как лексически, так и грамматически в предложении.

*Thou, when thou return'st, wilt tell me,
All strange wonders that befell thee,*

Ты вернёшься в сединах
Возвестить о чудесах...

У Джона Донна встречаются союзы, типичные для ранненованглийского периода, например, союз *but that* (в значении *unless*), но невозможные в современном языке. Два слова в оригинале «сужаются» до одного в переводе, что изменяет ритм звучания фразы:

*I could eclipse and cloud them with a wink,
But that I would not lose her sight so long.*

Закрыв глаза, я их могу затмить,
Но не хочу терять я взор любимой.

Ведущим союзом в эпоху Донна был *if* в сочетании с наречием *ever* («если, когда бы»). В переводе этот союз не отражён:

*If ever beauty I did see,
Which I desired, and got, 'twas but a dream of thee.*

Я красоту увидел в первый раз
В тот час, как встретил взгляд твоих
желанных глаз

Несмотря на то что служебные слова подвергаются редукции, в переводе поэзии они становятся необходимы для организации фразы, в которой важен каждый звук.

При переводе особую роль играют индивидуальные особенности стиля автора. Например, Донн широко использует инверсию, однако в большинстве переводов порядок слов — прямой.

*My constancy I to the planets give
My truth to them who at the court do live*

Я постоянство отдаю планетам
А правду — тем, кто связан с высшим
светом.

Джон Донн для усиления значения действия, выраженного смысловым глаголом, использует вспомогательный глагол *do*, на который падает логическое ударение. В переводе этот оттенок значения утрачен:

*Her sons did seek a foreign grave
Downward again; and so when it did view*

Сыны могилу ищут на чужбине
Вновь на мгновение к земле прилег и
видит

Переводы Б.В. Томашевского свидетельствуют о значимости роли личного восприятия, знания и опыта. Переводы исследователя творчества А.С. Пушкина изобилуют пушкинизмами, а лексические и грамматические трансформации приводят к уподоблению текстов перевода звучанию поэзии «золотого» века русской литературы.

Джон Донн в переводах Д.В. Щедровицкого

Творчество Джона Донна нашло отражение в переводах выдающегося теолога и переводчика Д.В. Щедровицкого, где Донн выступает как поэт религиозный, о чём говорят названия переводимых стихотворений: «Annunciation» («Благовещение»), «Temple» («Храм»), «Resurrection» («Воскресение»), «Crucifying» («Распятие»).

Исследователю Библии принадлежит перевод поэмы «The Anatomy of the World» («Анатомия мира»), в которой смерть дочери близкого друга Донна сопоставляется с увядающим на глазах миром. Поэма, отданная в печать, а значит предназначенная для широкой аудитории, изданная в карманном формате, чтобы ее удобно было носить с собой, во многом напоминает проповедь. Однако, как отмечают исследователи, в XVI в., когда единого стандарта для проповедей не существовало, они варьировались от автора к автору, было неудивительно встретить «поэта и проповедника в одном лице» (перевод мой. — А.А.) [McCullough, 1998, p. 50]. Ричард Гринхем, настоятель церковного прихода близ Кембриджа, в 1584 году писал, что «проповедник скорее актер, нежели чем лектор, <...> который должен благодаря силе красноречия так сопрягать эмоции воедино, чтобы перед слушающими возникал зрительный образ, как в театре» (перевод мой. — А.А.) [Carlson, 2001, p. 257].

«Анатомию мира» отличает предельная метафорическая насыщенность: *diseases of the old* в значении *The sickness of the world; in length is man Contracted to an inch // Smallness of stature; the world's beauty is decay'd, or gone // Disformity of parts, To colour vicious deeds with good pretence // Weakness in the want of correspondence of heaven and earth*. В то же время переводы Д.В. Щедровицкого пропитаны библеизмами:

Джон Донн	Д.В. Щедровицкий	Отрывок из Библии
<i>Where loath to make the saints attend her long</i>	<u>Воздав хвалу</u> Святым за попеченье	И он тотчас прозрел и пошел за Ним, славя Бога; и весь народ, видя это, <u>воздал хвалу</u> Богу [Евангелие от Луки, 18:43].
<i>This world, in that great earthquake languished</i>	В тот миг наш мир <u>сотрясся и зачах</u>	После их молитвы дом, в котором они собрались, <u>сотрясся</u> [Деяния Апостолов, гл. 4]. Вам лучше его простить и утешить, а то как бы он не <u>зачах</u> от избытка горя [Новый завет, второе послание христианам в Коринфе].
<i>For in a common bath of tears it bled</i>	Он окровавлен, <u>плач</u> — в его <u>очах</u>	Горько <u>плачет</u> он ночью, и слёзы его на ланитах его. <...> Слёзы день и ночь, не давай себе покоя, не спускай зениц <u>очей</u> твоих [Плач Иеремии, 5: 82].
<i>That wound was deep, but 'tis more misery</i>	Ты так с Её уходом <u>исстрадался</u>	Видишь, как мы с Твоим отцом <u>исстрадались</u> , пока Тебя искали [Св. Евангелие от Луки, гл. 2].
<i>Be more than man, or thou'rt less than an ant Wronging each joint of th'universal frame</i>	Иначе ты — <u>презренный</u> муравей, При этом выпал мир из <u>колыбели</u>	И восстанет на место его <u>презренный</u> [Данииил, 11:21]. <u>Шатается земля и качается, как колыбель</u> , и беззаконие ее тяготеет на ней [Исаия, 24:20]
<i>The noblest part, man, felt it first: and then</i>	<u>Подпав</u> проклятью, первый Человек	Дабы не <u>подпасть</u> заклитию, как она; отвращайся сего и гнушайся сего, ибо это заклитое [Второзаконие, 7:26]
<i>Both beasts and plants, curs'd in the curse of man</i>	Зверей и травы в ту же <u>скорбь</u> поверг	Ибо <u>скорбь</u> близка, а помощника нет [Пс, 21:12]
<i>She, for whose loss we have lamented thus</i>	Она, о ком звучит наш <u>скорбный глас</u>	Я ходил <u>скорбный</u> , с поникшею головою, как бы оплакивающий мать [Пс, 34:14]. <u>Глас</u> Господа потрясает пустыню [Пс, 28:8]

Д.В. Щедровицкий использует добавления, говорящие о доскональном знании переводчиком религиозного дискурса:

<i>When that rich soul which to her heaven is gone</i>	Когда Её высокая душа, <u>Стяжав венец</u> , на небеса взошла	Но делают они это, чтобы получить «в награду» венец «земной» и тленный, мы же «хотим <u>стяжать себе» венец</u> неувыдаемый [Новый завет, первое послание христианам в Коринфе].
--	--	--

Выражение «стяжать венец» связано с мученичеством и добродетелью, что очень точно соответствует образу Элизабет Друри, воспринятому современниками неоднозначно. Бен Джонсон пи-

сал, что «Годовщина» полна богохульства» («Anniversarie was full of Blasphemies»), а хвала, возданная Элизабет, скорее подобает Деве Марии [Tayler, 1991, p. 9–10]. Донн, говоря о том, что он «описал идею Женщины, а не реальное лицо», в письме к Дж. Гарранду от 14 апреля 1612 года скажет: «Я признаю, что отдать в печать произведение, написанное стихами, было ошибкой. <...> Меня оправдывает лишь то, что я старался писать так хорошо, как только мог» (перевод мой. — А.А.) [Gosse, 1959, p. 302].

Переводы выдающегося богослова и теолога Д.В. Щедровицкого насыщены библеизмами. Переводчик, основываясь на предшествующем опыте, применяет метод описательного перевода, восполняя языковые лакуны смысловым развитием.

Джон Донн в переводах И.А. Бродского

«Кто это ко мне обращается? Ты — город? Ты — пространство? Ты — остров? Ты — небо? <...> Нет, это я, твоя душа, Джон Донн», — писал в «Большой элегии Джону Донну» (1963) И.А. Бродский, от которого многие читатели впервые услышали о великом поэте Англии.

Некоторые исследователи полагают, что И.А. Бродскому удалось при переводе передать на русский язык дух стихотворений Донна из-за сходности мироощущений, называя его русским поэтом-метафизиком. Сам И.А. Бродский это полностью отрицал. Впервые употребив слово «душа» в поэме «Зофья» (1962) до знакомства с творчеством Донна, он говорил, что «если однажды вы это сделаете, пути назад не будет» [Лотербах, 2000, с. 31]. Джона Донна и И.А. Бродского сближает поиск собственного творческого пути. Прислушиваясь к близким по духу поэтам, они разрабатывали собственные поэтические принципы, их литературное «я» никогда не заглушалось «чужой» эстетикой, а произведения не умещались в рамках привычных категорий.

В переводах И.А. Бродского стихотворения Донна заиграли новыми красками. В отличие от Б.В. Томашевского он не переводил конкретные стихотворения, а показал Донна таким, какой он есть, приблизив звучание стихотворений к проповеди. Однако это не проповедь Д.В. Щедровицкого в классическом понимании. Рубленный ритм фразы, шероховатость, усечение стоп, за что, по выражению Бена Джонсона, «его стоит повесить», предельное раскручивание метафоры — вот проповедь Донна, которую так тонко удалось передать И.А. Бродскому. В одном из переводов И.А. Бродский прямо заменяет «*moral counsels*» на «бесплодных проповедей хлам». «Наглая проповедь идеализма» — именно так он сформулирует свое поэтическое кредо в дальнейшем. Интересно, что именно

благодаря проповедям Донна идеализм заново открыли в XX в., а цитата «по ком звонит колокол» стала названием романа Э. Хемингуэя.

Работая над серией «Литературные памятники», И.А. Бродский перевёл лишь семь стихотворений Донна, объединённых, по мнению Л.Г. Фёдоровой, темой «прощания, разлуки и преодоления её духовной и творческой силой» [Фёдорова, 2010, с. 98]. Однако сборник, вступительную статью к которому готовил А.А. Аникст, так и не увидел свет: весной 1972 г. И.А. Бродский был вынужден уехать за границу, взяв с собой лишь старый кожаный чемодан отца, подарок для Уистена Хью Одена и сборник стихотворений Джона Донна.

Одним из первых И.А. Бродский перевел стихотворение «Блоха» («The Flea»), в котором блоха, укусив влюбленных, становится для них «храмом». По мнению выдающегося поэта начала XX в. Р. Брука, подобное сравнение «является пределом, который не дано преступить даже в самых смелых своих упованиях» [Брук, 1997, с. 40–41].

Вопрос о наделении предметов именами Джон Донн пытался разрешить на протяжении всей своей жизни. Для Донна, как и шекспировского Гамлета, с которым его сравнивали исследователи ввиду их возрастной близости, «вывихнутое время <...> вышло из пазов», поэтому выбор слова, заключающего в себе ключ к пониманию действительности, имел первостепенное значение. Говоря о том, что изначально все названия точно соотносились с предметом, а впоследствии эта связь стерлась, Донн призывал увидеть величие в малом. В своем творчестве он часто использует слова *cedar, amber, gold, lamb, bird, dog* [Donne, 2001, с. 23–24], которые сохранили свое первоначальное значение. Обращение Донна к природе не случайно. Дело в том, что Донн переводил Клавдия Элиана, древнеримского писателя, принадлежащего к стоической философской школе, который в своих произведениях воспевал разнообразие природы.

Исследователи отмечают, что при написании стихотворений Джон Донн опирался на зрительный образ. Так, И.А. Бродский включает слово «алтарь», которого не было в оригинале. Это добавление, возможно, связано с ассоциацией, возникшей на основе сочетания слов «храм» *marriage temple* и «янтарь» — *living walls of Jet*, поскольку в храме золотистый, янтарный свет присущ алтарю:

*This flea is you and I, and this
Our marriage bed, and marriage temple is.
Though parents grudge, and you, we're met,
And cloistered in these living walls of jet.*

Нет, больше чем женаты ты и я.
И ложе нам, и храм блоха сия.
Нас связывают крепче алтаря
Живые стены цвета янтаря.

И.А. Бродский бережно отнёсся к передаче ритма звучания стихотворения. Так, Донн широко использует аллитерацию [s] (*this, deniest, sucks, know'st, sin, loss, swells, alas, triumph'st, find'st, yield'st, waste, since, innocence*), что находит свое отражение в переводе И.А. Бродского («Твоя с моей в ней смешаны сейчас», «Пред вечным сном насытилась сполна», «Нас связывают крепче алтаря / Живые стены цвета янтаря»).

Стихотворение «Блоха» было также переведено Г.М. Кружковым, одним из крупнейших переводчиков английской поэзии. Если в переводе И.А. Бродского стихотворение приобрело мрачно-торжественное звучание, то в переводах Г.М. Кружкова — ироничное, что соответствует оригиналу. В переводе Г.М. Кружкова, как и в оригинале, используется нейтральная и разговорная лексика: *mark* — «взгляни и погляди», *suckt* — «куснула», *thou triumph'st* — «глядишь победно», *flea* — «блошка». В то же время у И.А. Бродского — устаревшая и книжная: *marke* — «узри», *purpled* — «обагрённый», *swells* — «насытилась сполна», *nor mee the weaker now* — «не ослабла мощь моя», *suckt* — «отпила».

Однако подобная ирония для российского читателя непонятна: стихотворение, в котором «блоха» сравнивается с «храмом» и поднимается вопрос греховности, воспринимается предельно серьезно. В то же время перевод И.А. Бродского полностью отвечает восприятию читателя: переводчик совершает прагматическую трансформацию, сознательно изменяя коммуникативный эффект исходного речевого произведения. В этом отношении перевод И.А. Бродского отвечает пониманию Ю.Д. Левина о «наилучшем способе переводить стихи», который заключается в необходимости «воссоздать не конкретное произведение, но эстетический идеал» [Левин, 1985, с. 8–9].

Социокультурный контекст и религиозно-этические представления в период создания произведения во многом определяют тональность, смысловое наполнение перевода. Так, в ярчайшем стихотворении Донна «A Valediction: Forbidding Mourning» Г.М. Кружков перевел слово *men* рядом синонимов («толпа», «суеверы» и «люди»):

*Moving of th' earth brings harms and fears;
Men reckon what it did, and meant;
But trepidation of the spheres,
Though greater far, is innocent.*

Страшат толпу толчки земли,
О них толкуют суеверы,
Но скрыто от людей вдали
Дрожание небесной сферы.

Слово «толпа» означает «скопление людей, сборище», а в переносном смысле «безликую массу людей в её противопоставлении выдающимся личностям». Однако во времена Донна вопросы мироздания, происхождения природных явлений носили философский характер, на них пытались найти ответ просвещенные люди эпохи. При этом всех ученых до XVIII в. называли философами,

а вступительная статья к первому изданию стихотворений Донна (1633) была озаглавлена «To the Understanders» («Для тех, кто понимает»). Этот фрагмент точно передан в переводе И.А. Бродского:

Землетрясение взор страшит,
Ввергает в темноту умы.
Когда ж небесный свод дрожит,
Беспечны и спокойны мы.

То есть И.А. Бродский показывает, что на эти вопросы ответ еще не был найден («Ввергает в темноту умы»), но его поиском занималась интеллектуальная элита («умы»). Не случайно слово *теп* передано местоимением «мы»: стихотворения Донна были адресованы образованному читателю.

Переводы стихотворений Джона Донна оказали влияние на становление И.А. Бродского как поэта. В Нобелевской лекции он скажет: «Самое большое, что можно сделать для того, кто лучше нас, — продолжать в его духе. И в этом, я думаю, суть всех цивилизаций» [Бродский, 1999, с. 256].

«Наши мысли родились великанами, — писал Донн. — Они простерлись с Востока до Запада, от земли до неба, они не только вмещают в себя Океан и все земли, они охватывают Солнце и Небесную твердь; нет ничего, что не вместила бы моя мысль. <...> Любая из мыслей моих пребывает рядом с Солнцем, воспаряет превыше Солнца, обгоняет Светило и пересекает путь Солнечный, и шага одного им на это достаточно» (перевод А.В. Нестерова) [Donne, 1923, p. 16]. Б.В. Томашевский, Д.М. Щедровицкий и И.А. Бродский в своих переводах Джона Донна на русский язык провели через свое мировидение мысли и творческие искания английского поэта. Переводы Б.В. Томашевского отсылали к «золотому» веку русской поэзии. Знакомая с детства мелодия стиха скрыла неравномерность композиции, прерывистое развитие сюжета, предельное развертывание метафоры и разорванный ритм фразы составили основу лирики Донна. В переводах Д.М. Щедровицкого, насыщенных библеизмами, Донн предстал поэтом религиозным, а переводы И.А. Бродского, которого некоторые исследователи называли русским поэтом-метафизиком, оказались сродни англоязычному оригиналу и духу эпохи. Создавая воплощение авторского «я», они избрали для себя путь, который можно определить как «золотой», «библейский», «свой собственный».

Список литературы

Беньямин В. Задача переводчика: предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера. СПб.: Академический проект, 2002. С. 87–111.

- Benjamin, W.* Zadacha perevodchika: predislovie k perevodu «Parizhskih kartin» Baudelaire [A translator's task: introduction to translations of Baudelaire's «Paris pictures»], SPb.: Akademicheskij proekt, 2002. S. 87–111 (in Russian).
- Бродский И.А.* Сочинения Иосифа Бродского. Т. V. СПб.: Пушкинский фонд, 1999.
- Brodsky, I.A.* Sochinenija Josepha Brodskogo [Joseph Brodsky's selected essays], Vol. V, SPb.: Pushkinskij fond, 1999 (in Russian).
- Брук Р.* Рецензия на «Стихотворения Джона Донна», изданные Гербертом Дж.К. Грирсоном // Литературное обозрение. 1997. № 5.
- Bruk, R.* Recenzija na «Stihotvorenija Jhona Donna», izdannye Gerbertom Dzh. K. Grirsonom [A review of «Poems of John Donne» edited by Herbert J.C. Grierson] // Literaturnoe obozrenie, 1997, N 5 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Сопоставительная стилистика и методология перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода, 2013. № 1. С. 14–35.
- Garbovsky, N.K.* Sopostavitelnaja stilistika i metodologija perevoda [Comparative Stylistics and Translation Methodology] // Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 22, Teorija perevoda, 2013, N 1. S. 14–35 (in Russian).
- Горбунов А.Н.* Поэзия Джона Донна, Бена Джонсона и их младших современников // Английская лирика первой половины XVII века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. 572 с.
- Gorbunov A.N.* Pojezija John Donne, Bena Johnson i ih mladshih sovremenikov // Anglijskaja lirika pervoj poloviny XVII veka [Poetry of John Donne, Ben Johnson and their contemporaries // English poetry of the first half of 17 century], М.: Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta, 1989. 572 s. (in Russian).
- Донн Джон.* Стихотворения и поэмы / Под ред. Г. Кружкова. М.: Эксмо, 2011. 480 с.
- John Donne.* Stihotvorenija i pojemy / Pod red. G. Kruzhkova [Songs and poems, ed. by G. Kruzhkov], М.: Jeksmo, 2011. 480 s. (in Russian).
- Костикова О.И.* Переводческая критика: «прозрачность» vs «зеркальность» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 3. С. 41–53.
- Kostikova, O.I.* Perevodcheskaja kritika: «prozrachnost» vs «zermalnost» [Translation Criticism: Transparency vs Reflection] // Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 22, Teorija perevoda, 2010, N 3. S. 41–53 (in Russian).
- Левин Ю.Д.* Русские переводчики XIX в. Эволюция художественного перевода. Л.: Наука, 1985. 297 с.
- Levin, J.D.* Russkie perevodchiki 19 v. Jevoljucija hudozhestvennogo perevoda [Russian translators of 19 century. Evolution of literary translation], L.: Nauka, 1985. 297 s. (in Russian).
- Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили / Д.С. Лихачев; Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1973. 254 с.
- Lihachev, D.S.* Razvitie russoj literatury 5–17 vv.: epochi i stili [Evolution of Russian literature of 5–17 centuries: epochs and styles] / D.S. Lihachev; Akad. nauk SSSR, In-t rus. lit., L.: Nauka, 1973. 254 s. (in Russian).
- Лотербах Э.* Гений в изгнании // Бродский Иосиф. Большая книга интервью. М.: Изд-во «Захаров», 2000. С. 305–328.

- Loterbah, E.* Genij v izgnanii // Brodsky Joseph. Bolshaja kniga intervju. [Joseph Brodsky: a genius in exile / Interviews' book], M.: Izd-vo «Zaharov», 2000. S. 305–328 (in Russian).
- Маковский М.М.* Язык — миф — культура: Символы жизни и жизнь символов. М.: Русские словари, 1996. 330 с.
- Makovsky, M.M.* Jazyk — mif — kultura: Simvolj zhizni i zhizn simbolov [Language — myth — culture: Life's symbols and symbols' life], M.: Russkie slovani, 1996. 330 s. (in Russian).
- Маршак С.Я.* Собрание сочинений в 8 т. М.: Худ. лит-ра., 1969. Т. 3. Избранные переводы. 816 с.
- Marshak, S.Y.* Sbranie sochinenij v 8 t. [Collected works in 8 volumes], M.: Hud. lit-ra., 1969, Vol. 3, Izbrannye perevody. 816 s. (in Russian).
- Мишкuroв Э.Н.* О «герменевтическом повороте» с современной теории и методологии перевода (часть I) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 69–91.
- Mishkurov, E.N.* O «germenevticheskom povorote» s sovremennoj teorii i metodologii perevoda (chast I) [On the «Hermeneutical Turn» in the Contemporary Theory and Methodology of Translation (Part I)] // Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 22, Teorija perevoda, 2013, N 1. S. 69–91 (in Russian).
- Нестеров А.В.* Рецепция поэзии Джона Донна в русской литературе: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2000. 192 с.
- Nesterov, A.V.* Reserpcija poezii John Donne v russoj literature [Reception of John Donne's poetry in Russian literature]: Diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.01, M., 2000. 192 s. (in Russian).
- Пушкин А.С.* Сочинения. М.: Гослитиздат, 1949. 654 с.
- Pushkin, A.S.* Sochinenija [Selected essays], M.: Goslitizdat, 1949. 654 s. (in Russian).
- Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Под ред. В.В. Виноградова, С.Г. Бархударова, Б.В. Томашевского. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956–1961.
- Slovar jazyka Pushkina: V 4 t. [A dictionary of Alexander Pushkin language] / Pod red. V.V. Vinogradova, S.G. Barhudarova, B.V. Tomashevskogo, M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1956–1961 (in Russian).
- Томашевский Б.* Поэзия Джона Донна // Джон Донн. Стихотворения. Л.: Худ. лит-ра, 1973. 168 с.
- Tomashevsky, B.* Pojezija Johna Donna [John Donne's poetry] // John Donne. Stihotvorenija, L.: Hud. lit-ra, 1973. 168 s. (in Russian).
- Фёдорова Л.Г.* Перевод как источник оригинала: Джон Донн и любовная лирика Бродского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2010. № 3. С. 95–104.
- Fedorova, L.G.* Perevod kak istochnik originala: John Donne i ljubovnaja lirika Brodskogo [Translation as a source of original text: John Donne and lyric poems of Brodsky], Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 9, Filologija, 2010, N 3. S. 95–104 (in Russian).
- Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. М.: Междунар. отношения, 1978. 208 с.
- Chernov, G.V.* Teorija i praktika sinhronnogo perevoda [Theory and practice of simultaneous translation], M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1978. 208 s. (in Russian).

- Carlson, Eric Josef.* The Boring of the Ear: Shaping the Pastoral Practice of Preaching in England, 1540–1640 // Preachers and People in the Reformations and Early Modern Period / Ed. by Larissa Juliet Taylor. Brill, 2001.
- Donne, John.* Collected poems / Ed. by Roy Booth. Wordsworth Editions Limited. 2002.
- Donne, John.* Devotions upon Emergent Occasions / Ed. by John Sparrow. Cambridge Univ. Press, 1923.
- Donne, John.* Essayes in Divinity / Ed. by Anthony Raspa. McGill-Queen's Univ. Press, 2001.
- Johnson, Samuel.* Cowley // Johnson Samuel. Lives of the English Poets. Vol. L. Oxford: Oxford University Press, 1938.
- McCullough, P.E.* Sermons at Court. Politics and religion in Elizabethan and Jacobean preaching. Cambridge University Press, 1998.
- Taylor, W. Edward.* Donne's Idea of a Woman: Structure and Meaning in The Anniversaries. Columbia University Press, 1991.

О.Ю. Иванова,

кандидат культурологии, доцент, декан факультета гуманитарных технологий НОУ ВПО «Российский новый университет»; e-mail: terentia@mail.ru

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И РУССКАЯ КАРТИНА МИРА (в чем Анненский-поэт убедил Анненского-переводчика)

Статья представляет собой экспериментальный опыт исследования вопроса о том, находит ли русская национальная ментальность специфическое отражение в оценке общекультурных и конкретно-исторических феноменов. Вопрос рассматривается на примере характеристики роли и места древнегреческой литературы в европейском культурном контексте. Основой для предпринятого автором анализа послужили избранные статьи С.С. Аверинцева и И.Ф. Анненского, посвящённые истории становления и особенностям древнегреческой литературы. Особая роль греческой культуры и греческого слова в становлении русской картины мира предполагает наличие специфического национального подхода к оценке определённых аспектов греческой античности. Работа не претендует на исчерпывающую полноту подбора фактов и анализа результатов. Она носит предварительный характер, намечая новое направление в исследовании русской ментальности и попытках понять специфику переводческой деятельности И. Анненского.

Ключевые слова: языковая картина мира, русская ментальность, древнегреческая литература, И. Анненский, поэтическое творчество и перевод.

Olga Yu. Ivanova,

Cand. Sc. (Culturology), Associate Professor, Dean of the School of Humanities, Russian New University, Russia; e-mail: terentia@mail.ru

ANCIENT GREEK LITERATURE AND RUSSIAN PERCEPTION OF THE WORLD: WHAT DID ANNENSKY THE POET CONVINCED ANNENSKY THE TRANSLATOR OF?

The article is an experimental research of the following subject: the reflection of Russian mentality in the evaluation of cultural and certain historical phenomena through the influence of the ancient Greek literature on the European culture. The analysis is based on selected articles by S.S. Averintsev and I.F. Annensky devoted to the history and peculiarities of the ancient Greek literature. The major role that the Greek culture and Greek literature played in Russian perception of the world suggests a special national approach to evaluating some aspects of Ancient Greece's culture. The research does not represent a through factual analysis; it only indicates a direction for further research of Russian mentality and attempts to understand the specifics of Innokenty Annensky's translation work.

Key words: Language perception of the world, Russian mentality, Ancient Greek literature, Innokenty Annensky, poetic activity and translation.

Вряд ли просвещённый филолог усомнится в том, что русская языковая картина мира и, шире, — сама русская ментальность формировались при активном участии греческого слова, а позднее — и древнегреческой литературы. Достаточно вспомнить о тех лексических заимствованиях из греческого, которые приводит в своем знаменитом и до сих пор популярном словаре Максимилиан Фасмер [Фасмер, 2004], чтобы понять, что даже истоки главных концептов творчества символической для русской духовности фигуры — Ф.М. Достоевского лежат в пространстве греческого слова¹, а сами эти концепты возникли как продукт культуроформирующей деятельности переводчиков.

Священные книги на греческом языке, а позднее — древнегреческая литература явились тем инструментом, благодаря которому русский человек вошёл в пространство европейской культуры и осознал свою собственную национальную идентичность, свое национальное и культурное «Я».

Для российского исследователя гуманитарной сферы, как и для вдумчивого, интеллигентного, образованного российского читателя², древнегреческая литература (в сравнении с Европой в значительно большей степени, чем римская) всегда остается не просто «колыбелью культуры», не абстрактным источником специальной научной терминологии, не только энциклопедией художественных образов и литературных аллюзий, а неким перманентно пребывающим пространством, обращение к которому, рефлексия о котором является обязательным и естественным компонентом саморефлексии.

Этой статьёй автор предполагает начать исследование, посвящённое систематизации и анализу общей оценки характера и роли древнегреческой литературы в работах отечественных учёных, педагогов и переводчиков. Итог работы, на наш взгляд, должен дать представление о национальной специфике этой оценки, разумеется, в сравнении с оценками, которые присутствуют в трудах зарубежных исследователей, посвящённых той же тематике. Определение специфики этой оценки важно и для осознания национальной методологии подхода к переводам греческой античной литературы на всех этапах, исторически связанных с проблемой рецепции античности в русской культуре, а также необходимо для выявления национальных особенностей интерпретации всех видов реалий греческой античности, которые, как нам кажется, определяются не

¹ Ср. «совесть» — калька с древнегреческого, пришедшая в русский язык в процессе перевода библейских текстов.

² Автор статьи, безусловно, даёт себе отчёт в том, что далеко не каждый читающий субъект (*homo legens*) в России имеет представление об античной литературе.

временем, а национальным характером и формируют, в свою очередь, в пространстве русского культурного текста свой особый «антиклизированный» идиостиль. Национальная специфика оценки древнегреческой литературы пока задана как гипотеза, которая опирается на тот факт, что при всей объективности научного знания «каждое научное сочинение рассматривается не только как изложение определенных взглядов <на явления природы>, но и как текст на естественном языке, где образ и стиль имеют фундаментально-определяющее значение для воссоздаваемой картины мира и построений теории. Этим наука включается во всё поле национальной культуры данного народа...» [Гачев, 1992, с. 4]. Эти слова Г. Гачева, как нам кажется, достаточно убедительно подтверждают мысль о том, что в национальном научном тексте как очевидная данность присутствуют черты национальной специфики отношения или интерпретации того или иного явления. Не менее важную роль в обосновании предлагаемой гипотезы играет и тот факт, что процесс формирования научных подходов, как и, в целом, характер научной деятельности, также во многом определяется спецификой национальной ментальности. Понятие «научная школа» всегда имело, имеет и, скорее всего, будет иметь национальные/ региональные черты, даже в условиях глобализации.

Воспользуемся в качестве методологического основания известным афоризмом А.Ф. Лосева: «Познание совершается путём сравнения» [Лосев, 1983] — и сравним оценки древнегреческой литературы, данные в отдельных работах С.С. Аверинцева и И.Ф. Анненского, сопоставив эти оценки с подходами, имеющими место в книге известной литовской исследовательницы Д. Дилите [Дилите, 2003].

Тот факт, что в качестве объектов изучения нами выбраны С.С. Аверинцев и И.Ф. Анненский с позиции их оценки античной литературы, не является случайным. Оба — филологи-классики, т.е. имеют возможность судить об античной древнегреческой литературе с профессиональной точки зрения, оба занимались поэтическими переводами античных авторов, оба внесли свой вклад в развитие отечественной филологии и культурологии. Вместе с тем Анненский, прежде всего, — поэт, переводчик и педагог, а Аверинцев, не чуждый поэтического и переводческого творчества, прежде всего, — учёный, философ. И.Ф. Анненский представляет культуру русского Серебряного века, а С.С. Аверинцев — один из крупнейших современных специалистов, давших исчерпывающий анализ культуры Серебряного века.

Для уяснения позиций обоих авторов мы выбрали те произведения, которые, с нашей точки зрения, в наиболее чёткой и объектив-

ной форме демонстрируют их взгляды: С.С. Аверинцев: «Греческая “литература” и ближневосточная “словесность”» [Аверинцев, 2004, с. 40–105]; И.Ф. Анненский: «Греческая литература» [Анненский, 2003, с. 269–282]. В представляемых работах С.С. Аверинцев и И.Ф. Анненский в наименьшей степени касаются рецепции античности, греческая литература анализируется здесь в своём самостоятельном значении.

Из работ Д. Дилите мы выбрали учебник «Античная литература», который, как мы считаем, достаточно объективно и полно представляет другую, отличную от С.С. Аверинцева и И.Ф. Анненского культурную традицию. В этой работе Д. Дилите не просто представляет точку зрения европейского исследователя, но аккумулирует в своем небольшом пособии практически все библиографические данные, касающиеся современных европейских исследований феномена древнегреческой литературы, масштабный и разнообразный современный западный научный аппарат.

Наша задача — выяснить, какие особенности древнегреческой литературы отмечает в своем исследовании каждый из выбранных нами авторов, что представляется ему наиболее важным и существенным. Мы не претендуем на исчерпывающие данные, а опираемся пока лишь на «вводные», обобщающие замечания.

Цель, которую ставит перед собой в своей работе С.С. Аверинцев, — показать, в чем состояла специфика древнегреческой литературы по сравнению с литературой ближневосточной и как, когда и почему произошла встреча этих литератур. Его оценки тезисно выглядят следующим образом [Аверинцев, 2004, с. 40–88]:

- История развития древнегреческой и ближневосточных литератур — это «не стадии одного пути..., а два разных пути, которые разошлись из одной точки в разных направлениях».

- «...в Греции “литература осознала себя именно литературой, т.е. самозаконной формой человеческой деятельности”». Свидетельством «автономизации» древнегреческой литературы является «возникновение специальной теории литературы, поэтики, литературной критики и филологии».

- Именно в Греции литература впервые осознаётся как специфическая деятельность, и сквозь черты певца-сказителя проступает «литератор», «живущий только для своего искусства», «непризнанный гений», «непонятый новатор», «пролагатель новых путей», «носитель новых духовных ценностей», «гений среди толпы», испытывающий временами «творческое одиночество».

- Диалог «как литературный жанр» выявил «коренную недиалогичность греческой литературы». Сократ — это «идеал радикально недиалогичного человека», который остается непроницаемым и не-

уязвимым, а поэтому сам «в состоянии манипулировать своими партнёрами как вещами».

- В греческой литературе присутствует личность, понятая объективно, «чужое я, наблюдаемое и описываемое как вещь», т.е. характер... греки увидели телесно-душевной облик человека, его «эйдос» и «этос», его «характер» как систему черт и свойств, как целостную и закономерную предметную структуру, подлежащую наблюдению в последовательном ряде ситуаций». «Каждый облик чётко очерчен в одном слове или нескольких словах».

- Понятию индивидуального характера строго соответствует понятие индивидуального стиля; по-гречески оба эти понятия покрываются термином характер».

- «Для греческой литературы способность состязаться с пластическими искусствами (“скульптурничать”, как выразился бы О. Мандельштам) есть одна из драгоценнейших её привилегий».

- «Греческий мир — это “космос”, по изначальному смыслу слова такой “наряд”, который есть “ряд” и “порядок”; иначе говоря, законосообразная и симметричная пространственная структура... Греческий космос покоится в пространстве, выявляя присущую ему меру».

- «До тех пор пока античная Греция оставалась сама собой, она была фатально невосприимчива к красоте чужого слова. С греком нужно говорить по-гречески — иначе он просто не услышит».

Что же касается И.Ф. Анненского, то его работа представляет собой конспект лекций по древнегреческой литературе. Его цель — показать, почему греки оказались первыми и в чём состоит специфика их литературы [Анненский, 2003, с. 269–281]:

- «Греки создали не только формы творчества. Ранее не было и самой литературы в тех основных чертах, которыми слово это определяется ещё и для современного сознания».

- «Причин исключительного творческого характера греческой литературы нельзя, конечно, искать в одной исключительной одарённости её авторов, допустимой, но ничего, в сущности, не объясняющей. Надо считаться и со свойствами народа и языка, её создавших, а также с общими историко-этническими условиями возникновения греческой культуры».

- «Гениальность греков вошла в поговорку.. Но чтобы понять свойство, особенность греческого гения, нам всё же недостает живых личных черточек. Сквозь литературные произведения просвечивает что-то стёртое, общетипическое...».

- ...следует отметить в греках чувство прочности типа. Они брали отовсюду то, что им было надо..., и что бы ни брали они, полезное для усвоения, если оно подходило к их типу, то они всегда делали

это чужое прекрасным. Варварским было для них не чужое, а лишнее, противоречащее той мере, которую они так любили в искусстве и в жизни»... «...в греческом словаре мало чужих элементов».

- Черты греков: общительность, любознательность, гибкость ума, приспособляемость, разносторонность.

- «Разносторонность греков своеобразно проявилась в их среде строгой специализацией литературных занятий. Трагик никогда не писал комедий, ямбограф — дифирамбов, историк не изготовлял речей. С другой стороны, характер творчества определял стиль, а с ним и диалект».

- «В характере эллина была несомненная склонность к эвдемонизму, основанному на умеренности. На страсть он смотрел как на болезнь, которую лечил трагик» [Анненский, 2003, с. 278].

- «Грек, и афинянин особенно, слишком много жил напоказ. В жизни он любил смену эффектов и требовал новизны прежде всего... Но эта-то именно черта, столь невыгодная, может быть, для политического роста народа, была в высшей степени полезна для развития литературных интересов, как импульс к творчеству и усовершенствованию».

- «Нужно ещё указать на очень яркую черту, а именно пластичность греческого изображения, которая выразилась в произведениях их литературы, дошедших до нас... Образы греческих произведений как живые стоят перед нами, и их рельефность ярко выступает со страниц греческих книг.. Эта способность пластики в области воображения имела огромное значение в создании мифологии и литературы».

Книга Д. Дилите — опыт интерпретации древнегреческой литературы, построенный как на основе собственных впечатлений, так и с учётом классических, хрестоматийных и новейших подходов к оценке античности:

- Греческая культура — это основа европейской культуры, её корни, её источник... В Древней Греции мы находим начала литературы, театра, философии, архитектуры...

- «Труднее ответить на вопрос, почему это были именно греки. ...Были и есть разные ответы. Их можно разделить на две группы: 1) географические и социальные условия; 2) греческие национальные черты. ...Многие исследователи считали причиной «греческого чуда» политический строй.

- «Распространено мнение, что древние греки были оптимистически настроенным народом... Конечно, никто не считает Древнюю Грецию блаженным раем, но теперь более популярна мысль, что греки на самом деле отличались неиссякаемой энергией и кипящей радостью жизни».

- «Любовь греков к состязаниям... Неоспоримое пристрастие греков к агону я бы считала качеством не самостоятельным, но подчиненным другой черте их менталитета — особому стремлению к ясности и прозрачности. Греки называли мир космосом (согласованность, порядок)... Он им представлялся упорядоченным, гармоничным и прекрасным. Стремление к порядку, ясности определяло две тенденции: 1) желание очертить контуры всех явлений, придать им определённую, обособить их и 2) желание их упорядочить, классифицировать, распределить».

- «Вообще, стремление видеть мир гармоничным и желание установить в нём порядок, по-видимому, нужно считать важнейшим качеством греческого менталитета, во многом определившим и появление “греческого чуда”. Благодаря этому качеству сформировались отдельные области и виды духовной жизни».

- «Они (греки) высвободили для автономного бытия теоретическое мышление... Из культа и явлений быта вычленялась литература. Внешним знаком существования литературы считается наличие литературной теории, критики и филологии — областей, осмысляющих литературные результаты... Внутренним признаком литературы считается факт, что греческая литература осознает себя как литературу».

- «Выделяя различные явления, определяя их, придавая им контуры, греки также обладали чувством меры. Они умели достигать определённости и ясности, не подчёркивая этого».

Итак, подведём некоторые итоги. Безусловно, в приведённых фрагментах есть много совпадающих позиций. Было бы удивительно, если бы этого не было. Кроме того, Д. Дилите хорошо знакома как с текстами И.Ф. Анненского, так и с текстами С.С. Аверинцева (эти тексты приведены в библиографии к пособию. Более того, на тексты Аверинцева имеются прямые ссылки в обзоре основных черт древнегреческой литературы). Среди совпадающих характеристик — оценка «греческого чуда», их любовь к пластичности и скульптурности, чувство меры, обретение литературы и проч.

Что же не совпадает? Примечательно, что в то время как Аверинцев и Анненский особо отмечают отсутствие в древнегреческой литературе личностного (в современном смысле этого слова) начала, замену его «маской», «характером» (Аверинцев), «общетипическим», специализацией (Анненский), Д. Дилите, несмотря на знакомство с текстом Аверинцева, не обращает на эту черту внимания, опускает её как несущественную или... как не соответствующую её позиции. Игнорирует она и отмеченную обоими отечественными авторами невосприимчивость греков к чужим влияниям, хотя именно эта черта как специфическая характеристика древних

греков находит отражение в работах и других российских исследователей.

Для русского национального сознания вопрос о «личности», «личностном начале» всегда имел важное значение, особенно в контексте художественной литературы: личность и история, личность и культура, личность и творчество. Не маска (персона, личина, характер) и даже не индивидуальность, а именно — личность. Отечественный исследователь, возможно, просто не может не затронуть этот вопрос в силу его архетипичности для русской ментальности. Для Д. Дилите эта позиция не является маркерной, поэтому она её и не выделяет. Она прекрасно знакома с русской культурой, но она — человек западноевропейской традиции, где царит индивидуальность. Индивидуальность и личность — понятия разных контекстов. Обретение личности — путь к соборности. Соборность и индивидуальность — несовместимы.

Как же эта «архетипическая» позиция отразилась на творчестве И.Ф. Анненского?

Во-первых, как нам кажется, именно здесь можно найти путь к объяснению того, почему в качестве объекта для перевода, ставшего главным делом его жизни, Анненский выбрал произведения Еврипида. До сих пор ни один из исследователей его творчества не дал однозначного ответа на этот вопрос (см., в частности, работы А.И. Любжина), допуская, в том числе, и момент случайности. Для Анненского-поэта с его приоритетом личностного начала, признаком сопричастности, маркером обретения «своего» в «другом», поводом для возможности сделать «другого» «собой» («Книги отражений») является то обстоятельство, что «другой» — это созвучная поэту личность. Эту преференцию он пытается перенести и в методологию своей переводческой деятельности, понимая перевод как средство познания, путь отражения себя — в другом, другого — в себе. Еврипид, по признанию многих, опередил своё время. Его герои — ещё не личности, но уже не маски и не только «характеры». В своей интерпретации Еврипида Анненский, не заметив, сократил дистанцию между ним и собой, попытался понять в своих переводах его, опередившего своё время, и его героев как личностей и именно в этом проиграл, вызвав критику в свой адрес со стороны коллег (Ф.Ф. Зелинский, а в наше время — М.Л. Гаспаров).

Не исключено, что неудовлетворенность переводами трагедий Еврипида, возникшая из-за невозможности реализовать себя в них с позиции личности и личностной симпатии, в исходном, этимологическом значении последнего слова заставляет Анненского искать другой путь самовыражения в античном контексте, и, как результат этого поиска, появляется его оригинальная версия античного

театра, построенная на тех же «симпатических, личностных» принципах, что и его «Книги отражений» (см. «Меланиппа-философ» и другие произведения). Этот выбор, как более предпочтительный вариант творческого самовыражения, был предопределён предпочтениями ментальности. Так в душе Анненского поэт победил переводчика.

Список литературы

- Аверинцев С.С.* Образ античности. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.
- Averincev, S.S.* Obraz antichnosti [Image of antiquity], SPb.: Azbuka-klassika, 2004. 480 s. (in Russian).
- Анненский И.Ф.* История античной драмы: Курс лекций. СПб.: Гиперион, 2003. 416 с.
- Annenskij, I.F.* Istoriya antichnoj dramy: Kurs lekcij [History of the antique drama: Course of lectures], SPb.: Giperion, 2003. 416 s. (in Russian).
- Гачев Г.Д.* Наука и национальная культура (гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1993. 320 с.
- Gachev, G.D.* Nauka i nacional'naya kul'tura (gumanitarnyj kommentarij k estestvoznaniyu) [Science and national culture (the humanitarian comment to natural sciences)], Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1993. 320 s. (in Russian).
- Дилите Д.* Античная литература / Пер. с лит. Н.К. Малинаускене. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2003. 487 с.
- Dilite, D.* Antichnaya literatura [Antique literature], Per. s lit. N.K. Malinauskene, M.: Greko-latinskij kabinet YU.A. Shichalina, 2003. 487 s. (in Russian).
- Лосев А.Ф.* Двенадцать тезисов об античной культуре // Студенческий меридиан. 1983. № 9–10.
- Losev, A.F.* Dvenadcat' tezisov ob antichnoj kul'ture [Twelve theses about ancient art] // Studencheskij meridian, 1983, N 9–10 (in Russian).
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: АСТ, Астрель, 2004.
- Fasmer, M.* Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of Russian]: V 4 t., M.: AST, Astrel, 2004 (in Russian).

Ю.А. Дымант,

аспирант, преподаватель кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета; e-mail: yu.dymant@gmail.com

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПЕРВИЧНОГО И ВТОРИЧНОГО ТЕКСТОВ В АВТОПЕРЕВОДЕ

В статье рассматривается проблема соотношения свойств первичности и вторичности в тексте художественного перевода. В качестве одного из определяющих предлагается фактор личности переводчика, сочетающий в себе герменевтический и прагматический аспекты. На примере автопереводов В.В. Набокова продемонстрировано, что именно прагматический аспект оказывает решающее влияние на соотношение первичного и вторичного текстов в автопереводе. Автоперевод, в данном случае, предлагается рассматривать не как перевод в традиционном понимании, а как доработку оригинала, его исправленную и дополненную версию.

Ключевые слова: перевод, первичные и вторичные тексты, автоперевод, фактор личности переводчика, прагматический фактор, лингвокультурная адаптация.

Yulia A. Dymant,

Postgraduate Student, Lecturer at the Department of Translation Theory and Intercultural Communication, the Department of Romance and Germanic Philology, Voronezh State University, Russia; e-mail: yu.dymant@gmail.com

DEFINING PROPORTIONS OF PRIMARY AND SECONDARY TEXT FEATURES IN SELF-TRANSLATION

The article reviews the problem of proportions of primary and secondary features in the text of literary translation. One of the key factors influencing this proportion is the translator's personality. The factor includes both hermeneutic and pragmatic levels. Studying self-translations by Vladimir Nabokov demonstrates that the pragmatic factor determines the proportion of primary and secondary features in the text of self-translation. The author concludes that self-translation is not pure translation but rather a review and further edition of the original.

Key words: translation, primary and secondary texts, self-translation, pragmatic factor, cultural adaptation, translator's personality factor.

В теории и практике перевода сложилось устойчивое представление о переводе как особом виде вторичного текста: он создаётся после оригинала, на его основе и предназначен для адекватной передачи как его содержания, так и структурно-стилистических особенностей. Тем не менее в последнее время исследователи уже не рассматривают абсолютную вторичность текста перевода по отношению к оригиналу как непреложный факт. Вторичность, безус-

ловно, является одним из неотъемлемых свойств перевода, однако всё большую актуальность приобретает вопрос о её степени, о соотношении вторичности и первичности в тексте перевода и тех факторах, которыми оно определяется [Нестерова, 2005; Bassnett, 2002].

Одним из таких факторов, и довольно значительных, безусловно, является личность самого переводчика, выступающего как в роли читателя, получателя оригинала, так и в роли автора, создателя вторичного текста. Следовательно, данную проблему можно рассматривать как в герменевтическом, так и в прагматическом аспекте.

В плане герменевтики основная проблема заключается в наличии у исходного текста множества вариантов интерпретации. Безусловно, речь здесь будет идти в основном о текстах художественных и публицистических. Автор исходного текста ориентируется на определённого читателя, представителя одной с ним культуры. При этом огромное влияние на оригинал оказывает внеязыковая действительность, общая в данном случае для отправителя и получателя. Являясь, в первую очередь, получателем исходного текста, переводчик должен как можно более полно понять оригинал, заложенные автором идеи, эмоции, те цели, которые он перед собой ставил, увидеть не только сказанное напрямую, но и подразумеваемое. Так, Н.К. Гарбовский придерживается мнения о том, что способность переводчика расшифровать то, что зашифровано автором в тексте оригинала, влияет на переводческий выбор. Исследователь выделяет три сферы, в которых «простирается выбор переводчика»: сфера реального (описываемые в тексте предметы реальной действительности), идеального (представления автора текста о значениях этих предметов, его впечатления, эмоции) и знакового (речевые формы, выбранные для изображения идеального). Причём самое главное — понять идеальное, то есть передать замысел автора, его видение описываемого [Гарбовский, 2004, с. 283]. В то же время, согласно идеям деконструктивизма, любое прочтение текста сопровождается смысловым сдвигом, а перевод представляет собой череду осмыслений текста. Переводчик выступает в роли активного интерпретатора и вкладывает в текст собственные смыслы. В свете же идеи о диктате языка, высказанной Р. Бартом, переводчик обязан (в идеале) увидеть не только подразумеваемое автором, но и смыслы, заложенные в текст самим языком, обусловленные культурой и формировавшиеся на всём протяжении истории данного языка.

В связи с упомянутыми проблемами нам представляется интересной ситуация автоперевода, которая, казалось бы, исключает воздействие субъективного фактора переводчика-посредника не только в герменевтическом, но и в прагматическом плане, и, сле-

довательно, такому переводу должно отдаваться предпочтение. Однако, с другой стороны, отмечается, что довольно часто автор, приступая к переводу, понимает, что не может создать «такой же» текст на другом языке, и вносит определённые изменения, которые могут быть обусловлены как языковыми и культурными различиями, так и чисто субъективными факторами. Так, например, известный учёный К. Леви-Стросс в предисловии к французскому сборнику своих статей писал о трудностях, с которыми столкнулся при их переводе с английского: «В ходе работы я сам был поражен тем, насколько различны стиль и порядок изложения в статьях на том или другом языке. <...> Это различие, разумеется, отчасти объясняется социологическими причинами: при обращении к французскому или англосаксонскому читателю изменяется как образ мышления, так и манера изложения мыслей» [Леви-Стросс, 2001, с. 5–6]. Таким образом, даже если проблема понимания авторского замысла автоперевод не затрагивает, оригинал всё же претерпевает определённые изменения, обусловленные прагматическим фактором. При этом у автора, самостоятельно выполняющего перевод, свободы гораздо больше, чем у «обычного» переводчика, так как этот «обычный» переводчик должен придерживаться определённых норм и правил, и перевод, разительно отличающийся от оригинала, будет подвергнут жёсткой критике.

Соответственно, встаёт проблема оценки такого перевода, определения его статуса. Не всегда понятно, как относиться к такому тексту: как ко вторичному, зависящему от оригинала, или же как ко вполне самостоятельному, который существует и развивается независимо от исходного текста, хотя, безусловно, и обязан ему своим появлением. Проблемными в отношении автоперевода остаются следующие вопросы: являются ли оба текста самостоятельными произведениями? Являются ли они законченными произведениями? Можно ли назвать автоперевод отдельным типом текста? Может ли каждый вариант принадлежать системе какого-либо одного языка и культуры? Как соотносятся оригинал и перевод? [Grutman, 2009].

Ответы на эти вопросы мы попытались найти, проанализировав результаты автопереводческой деятельности русско-американского писателя В.В. Набокова и, в частности, сопоставив три варианта его автобиографии: изначальную версию «Conclusive Evidence: A Memoir», изданную в 1951 г. в Америке, её перевод на русский язык со значительными дополнениями, получивший название «Другие берега» и вышедший в 1954 г., а также опубликованную ещё через 13 лет дополненную и исправленную английскую версию уже под названием «Speak, Memory: An Autobiography Revisited».

Стоит сразу же отметить, что большинство своих произведений Набоков переводил сам (как с английского на русский, так и с русского на английский). При этом автор не раз отмечал в предисловиях к своим работам, что в процессе перевода заново создавал текст, открывая новые грани, находя более удачные выражения и избавляясь от ненужного. Так, к примеру, в предисловии к «Другим берегам» Набоков пишет, что «основой и отчасти подлинником этой книги послужило ее американское издание, т.е. «Conclusive Evidence» [Набоков, 2004, с. 6]. Однако, приступив к работе, Набоков понял, что точный перевод невозможен, многое придётся менять и переделывать, так как, с одной стороны, в английском тексте много лишнего, а с другой — некоторые моменты требуют пояснения для русского читателя.

Проведённый сопоставительный анализ показал, что каждая последующая версия автобиографии подвергалась писателем порой весьма значительной доработке и/или переработке. Условно все несовпадения и расхождения между тремя версиями книги мы разделили на следующие группы (в зависимости от того, какими факторами они обусловлены):

1) несовпадения, обусловленные временной дистанцией (что выражается в изменении содержания, фактической информации);

2) несовпадения, обусловленные прагматикой и связанной с ней ориентацией на разную читательскую аудиторию, необходимостью лингвокультурной адаптации;

3) несовпадения на структурном и стилистическом уровнях текста, обусловленные субъективным фактором, включающим личность переводчика, в том числе языковую (на уровне текста это проявляется как большая/меньшая образность; наличие экспрессивного синтаксиса; авторские отступления; цитаты и аллюзии ссылки на другие варианты книги).

К первой группе относятся, пожалуй, наиболее очевидно проявляющиеся расхождения — расхождения на содержательном уровне. Причём это могут быть как единичные изменения, например, имени и возраста героя или даты и места действия, так и довольно объёмные дополнения. Сам Набоков в предисловии к переработанной английской версии «Speak, Memory» отмечает, что дополнил фактическую составляющую и исправил ошибки и неточности, допущенные в первоначальной версии в связи с тем, что не было возможности проверить имеющуюся информацию и приходилось полагаться только на собственную память [Набоков, 1989]. Интересно, что из русского варианта автор исключает одну из глав (глава 11), объясняя это тем, что подробно развил её тему в романе «Дар» и не видит смысла повторяться.

Именно в последнюю версию («Speak, Memory») внесено наибольшее количество изменений, которые заключаются в более подробном описании некоторых событий и исправлении информации, содержащейся в предыдущих версиях. Так, например, рассказывая о деревенском учителе, в более ранних версиях Набоков упоминает, что после революции тот был расстрелян. Впоследствии Набоков, судя по всему, узнал подробнее о судьбе своего воспитателя и внёс в «Speak, Memory» соответствующие изменения: учителю удалось эмигрировать. Интересно также, что русская версия получается у Набокова более личной и выразительной: так, например, писатель вспоминает своих тётки, которые не принимали либеральных идей и называли учителя «красным». Очевидно, что данный комментарий рассчитан исключительно на русского читателя.

Conclusive evidence	Другие берега	Speak, Memory
A fiery revolutionary (later, under Lenin's regime, to be executed with other non-Communist radicals, members of the Social-Revolutionary Party), he would gesture vehemently on our country rambles and speak of humanity and freedom and the badness of warfare (здесь и далее выделено мной. — Ю.Д.) [Набоков, 2004, с. 26].	Он был, как говорили мои тётки, шипением своего ужаса, как кипятком, ошпаривая человека, «красный»; мой отец его вытащил из какой-то политической истории (а потом, при Ленине, его по слухам расстреляли за эсэрство) [Набоков, 2004, с. 27].	Under Lenin's regime, when all non-Communist radicals were ruthlessly persecuted, Zhernosekov was sent to a hard-labor camp but managed to escape abroad, and died in Narva in 1939 [Nabokov, 1989, p. 14].

Помимо уточнения информации, ещё одной причиной несовпадений в текстах является временная дистанция. В частности, это касается суждений и эмоций автора, претерпевающих изменения в связи с меняющейся действительностью. Так, например, рассказывая о судьбе одного из знакомых отца, генерала Куропаткина, и её причудливых проявлениях в собственной жизни, Набоков упоминает случай, когда уже после революции они, направляясь в Крым, случайно столкнулись с генералом:

Whether or not old Kuropatkin, in his rustic disguise, managed to evade Soviet imprisonment is immaterial [Набоков, 2004, с. 22].	Дело не в том , удалось ли или нет опростившемуся Куропаткину избежать советского конца (энциклопедия молчит, будто набрав крови в рот) [Набоков, 2004, с. 23].	I hope old Kuropatkin, in his rustic disguise, managed to evade Soviet imprisonment , but that is not the point [Nabokov, 1989, p. 14].
--	--	---

Если в первых двух версиях дальнейшая судьба генерала не слишком волнует автора, то в последней он всё же выражает на-

дежду на то, что тому удалось спастись. При этом в «Других Берегах» появляется ещё и комментарий с игрой слов, построенной на русской поговорке «молчит, будто воды в рот набрал», — только с учётом трагизма ситуации и исторических событий у Набокова вместо воды кровь.

Вторую группу составляют несовпадения, обусловленные прагматикой и необходимостью адаптировать текст под носителей разных культур. Автор вносит изменения в текст в зависимости от ориентации на англоязычную или русскую аудиторию, добавляя комментарии или опуская некоторые моменты. Например, в англоязычных версиях Набоков довольно часто сопоставляет ступени американского образования и русского (дореволюционного периода). Так, поясняя американским читателям, что такое русская гимназия, он указывает на то, что она примерно соответствует последним классам школы и началу обучения в колледже (*corresponding to a combination of American «high school» and «junior college»*) (здесь и далее курсив мой. — Ю.Д.). Такое сравнение вводится автором с целью помочь американским читателям составить более ясное представление о том, какого рода учебным заведением являлась гимназия в царской России. Ещё один пример сопоставления систем образования касается уже Тенишевского училища, в котором учился сам автор. Он рассказывает о том, что обучение в училище длилось 16 семестров и сопоставимо с последними шестью классами школы и первыми двумя курсами колледжа. Писатель также подчёркивает прогрессивность этого учебного заведения, основанного в 1898 г. и ставшего одним из самых известных в Петербурге.

В некоторых случаях Набоков прибегает к генерализации, опуская некоторые подробности и заменяя их на более общие описания. Так, если в английских версиях, упоминается, к примеру, британский детский журнал *the Boy's Own Paper*, то в русской версии название журнала опускается, так как вряд ли о чём-то скажет русскому читателю (*а в одном из детских моих английских журналов мне попала статья про феноменального индуса*). То же самое происходит и с другим английским названием: для *Pears' Soap* в русском варианте Набоков даёт описательный перевод — *дегтярное лондонское мыло*. Интересно, что некоторые английские реалии писатель передаёт комбинированным способом, сочетая в переводе транскрипцию или даже фразу на английском с собственным внутритекстовым комментарием: «*За брекфастом яркий паточный сироп, golden syrup, наматывался блестящими кольцами на ложку, а оттуда сползал змеей на деревенском масле намазанный русский чёрный хлеб*». При этом в данном случае усиливается к тому же и русская культурная составляющая: деревенское масло и русский

чёрный хлеб, в отличие от нейтрального *Russian bread-and-butter*, передают ностальгическое настроение самого писателя и, по всей вероятности, должны вызывать сходные чувства у русскоязычных читателей.

Ещё один пример культурологического комментария — описание в русском варианте традиции на рождество вешать у изголовья кровати носок для подарков: *По английскому обычаю, гувернантка привязывала к нашим кроваткам в рождественскую ночь, пока мы спали, по чулку, набитому подарками, а будила нас по случаю праздника сама мать и, деля радость не только с детьми, но и с памятью собственного детства, наслаждалась нашими восторгami при шуршащем развертывании всяких волшебных мелочей от Пето*. Столь подробное описание самого обычая, а также авторский комментарий, указывающий на то, что это именно английский обычай, рассчитаны, безусловно, на русского читателя и в английских версиях отсутствуют.

Культурными особенностями объясняется и различие в передаче имён собственных. Так, если в английских версиях Набоков называет всех по фамилиям (в частности, гувернанток и воспитателей), то в русской, где это возможно, по имени и отчеству. Например, *Miss Clayton* становится в переводной версии *Викторией Артуровной*, а своего дядю Набоков в «Conclusive Evidence» и «Speak, Memory» называет так же, как его называли друзья французы и итальянцы, а также родные, говорившие с ним по-французски, — *Ruka*, сокращенно от Рукавишников, в то время как в русском варианте книги указано его полное имя — Василий Иванович.

Порой в русской версии Набоков прибегает к явной русификации, особенно если речь идёт о каких-либо реалиях. Так, например, в английском варианте он пишет «*having to depend on the torpid trot of dejected izvozchik [cab] horses to get him to his pupils*», транскрибируя русское слово *извозчик* и поясняя его в скобках, в то время как в русском варианте появляется другое название: «он всецело зависел от несчастных, шлепающих рысцой в нек».

В ряде случаев наблюдаются отличия между соответствующими фрагментами текстов в плане использования культурно-специфических, порой даже просторечных (русская версия) и нейтральных (английская версия) лексических средств: вместо *belt* — *кушак извозчика*; *cigarette* — *папироска собственной набивки*; *Бог весть в какие ранние годы*; *кабы зорче тогда гляделось мне в них* и т.д.

Помимо комментариев к английским реалиям в русском тексте встречаются также и, наоборот, комментарии к русским реалиям в английском тексте. Так, в одной из глав Набоков описывает случай, когда его отец сразу же покинул кафе, заметив за одним из

столиков японских офицеров. В «Других берегах» писатель лишь замечает, что шёл 1904 г., и этого пояснения уже должно быть достаточно для русского читателя (по крайней мере, современника автора), чтобы понять причину такого поступка. В то же время в английских версиях Набоков сопровождает данный эпизод комментарием о том, что в 1904 г. шла русско-японская война, из чего англоязычные читатели могут сделать вывод, что отец Набокова не желал находиться в одном помещении с офицерами вражеской армии.

На примере того, как переводит Набоков реалии и поясняет читателям те ли иные культурные особенности, легко можно убедиться, что и здесь он остаётся верен своему принципу буквального перевода, заключающемуся в стремлении максимально передать смысл каждого слова и связанные с ним ассоциации. Сам писатель говорил: «Прежде всего, “буквальный перевод” предполагает следование не только прямому смыслу слова или предложения, но и смыслу подразумеваемого, это семантически точная интерпретация, не обязательно лексическая (относящаяся к передаче значения слова, взятого вне контекста) или структурная (следующая грамматическому порядку слов в тексте). Другими словами, перевод может быть и часто бывает лексическим и структурным, но буквальным он станет лишь при точном воспроизведении контекста, когда переданы тончайшие нюансы и интонации текста оригинала» [Набоков, 1998, с. 555]. Зачастую это приводит к тому, что автор вынужден дополнять текст обширным комментарием.

Интересен пример своего рода игры, описываемой Набоковым. В конце каждого занятия автор просил учителя английского рассказать ему один и тот же лимерик. При этом в соответствии с содержанием четверостишия учитель в конце сильно сжимал руку мальчика. И если в английской версии приводится, конечно же, само четверостишие, то в русской Набоков, во-первых, объясняет читателю, что такое лимерик, во-вторых, в описательной форме приводит его содержание, объясняя суть игры, и лишь после этого — перефразированное русское четверостишие.

Usually at the end of the lesson a certain limerick was asked for and granted, the point of the performance being that the word «screamed» in it was to be involuntarily enacted by myself every time Mr. Burness gave a formidable squeeze to my hand, which he held in his beefy paw as he recited the lines:

Перед самым его уходом я выпрашивал у него любимую пытку. Держа в своем похожем на окорок кулаке мою небольшую руку, он говорил **лимерик (нечто вроде пятистрочной частушки весьма строгой формы) о lady from Russia, которая кричала, screamed, когда её сдавливали, crushed her**, и прелесть была в том,

Usually at the end of the lesson a certain limerick was asked for and granted, the point of the performance being that the word «screamed» in it was to be involuntarily enacted by oneself every time Mr. Burness gave a formidable squeeze to the hand he held in his beefy paw as he recited the lines:

There was a young lady from
Russia Who [squeeze]
whenever you'd crush her.
She [squeeze] and she
[squeeze]...

by which time the pain
would have become so
excruciating that we never
got any farther [Набоков,
2004, с. 118, 120].

что при повторении слова
«screamed» Бэрнес всё
крепче и крепче сжимал
мне руку, так что я никогда
не выдерживал лимерика
до конца.

**Вот перефразировка
по-русски:**

Есть странная дама из
Кракова: орёт от пожатия
всякого, орёт наперед и все
время орёт — но орёт не
всегда одинаково [Набоков,
2004, с. 119, 121].

There was a young lady
from Russia
Who (squeeze) whenever
you'd crush her
She (squeeze) and she
(squeeze)...

by which time the pain
would have become so
excruciating that we never
got any farther [Nabokov,
1989, p. 40].

Таким образом, путём к экспликации Набоков передаёт и форму, и содержание, включая в перевод собственные рассуждения мета-языкового характера.

Ещё один очень интересный пример, который является наглядной демонстрацией переводческого метода Владимира Набокова, — варианты названия черёмухи в разных версиях книги. В «Conclusive Evidence» писатель выбирает более общее английское название *mahaleb*, в «Других берегах» добавляется аллюзия на русского поэта (с характерной авторской оценкой) — это уже «безумного Батюшкова млечная черёмуха», а в последней версии «Speak, Memoгу» сначала даётся транскрипция *cheryomuha*, после чего Набоков приводит различные варианты на английском со ссылкой на свой перевод романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», в комментарии к которому он подробно объясняет значение слова и связанные с ним в русской культуре ассоциации, тем самым обосновывая своё переводческое решение при выборе соответствия на английском.

Then, in June again,
when the fragrant
mahaleb was in foamy
bloom... [Набоков,
2004, с. 80]

И опять в июне, на
восхитительном севере,
когда весело цвела имени
безумного **Батюшкова**
млечная черемуха... [Набо-
ков, 2004, с. 81]

Then, in June again, when the
fragrant *cheryomuha* (**racemose**
old-world bird cherry or simply
«racemosa» as I have baptized it in
my work on «Onegin») was in foamy
bloom... [Nabokov, 1989, p. 30]

Что касается последней группы несовпадений (на стилистическом и структурном уровнях), то сюда относятся примеры того, что Набоков, как уже отмечалось ранее, нередко добавляет русскому тексту экспрессивности с помощью ярких эпитетов или опять же личных комментариев и замечаний. Так, упоминая то время, когда он жил в Берлине и вынужден был зарабатывать на жизнь репетиторством, Набоков выражает куда более яркие и определённо отрицательные эмоции в русской версии, в отличие от нейтральной английской:

Это было всего лишь свойственное восьмилетнему возрасту чувство, возобновление которого едва ли предвидишь в зрелые лета; однако мне пришлось испытать нечто очень похожее спустя четверть века, когда в чужом, ненавистном Берлине, будучи сам вынужден преподавать английский язык, я, бывало, сидел у себя и ждал одного особенно упрямого и бездарного ученика, который с каменной неизбежностью наконец появлялся (и необыкновенно аккуратно складывал пальто на добротной подкладке, таким пакетом на стуле), не смотря на все баррикады, которые я мысленно строил поперек его длинного и трудного пути [Набоков, 2004, с. 115].

Здесь, как мы видим, Набоков не скрывает своих эмоций, называя город чужим и ненавистным, а ученика особенно бездарным, в то время как в английских версиях проявляет большую сдержанность (<...> *in my furnished rooms in Berlin, I awaited a certain stone-faced pupil, who would always turn up despite the obstacles I mentally piled in his way*).

В русской версии Набоков не просто нейтрально описывает происходящее, он хочет, чтобы читатель сам увидел и услышал, буквально почувствовал всё, о чём он ему рассказывает.

Presently the valet would come to drop the blue voluminous blinds and draw the flowered window draperies [Набоков, 2004, с. 116].

Приходил камердинер, **звучно** включал электричество, **неслышно** опускал пышно синие шторы, **с перестуком колец** затягивал цветные гардины и уходил [Набоков, 2004, с. 117].

Presently the valet would come to drop the blue voluminous blinds and draw the flowered window draperies [Nabokov, 1989, p. 39].

Объяснить это, как нам кажется, можно влиянием фактора личности писателя-переводчика, его происхождения и воспитания, а также отношения к обоим языкам, о чём красноречиво свидетельствуют его же слова: «Моя голова говорит по-английски, сердце — по-русски, а ухо предпочитает французский» [<http://nabokovandko.narod.ru/biography.html>].

Возвращаясь к вопросу о соотношении первичного и вторичного текстов в автопереводе, поставленному в начале этой статьи, хотелось бы прежде вспомнить сказанное самим В.В. Набоковым в теоретической статье «Искусство перевода» о том, каким должен быть идеальный переводчик художественной литературы: во-первых, он должен быть единомышленником автора и обладать равным автору оригинала литературным талантом; во-вторых, он должен быть необычайно образован, прекрасно разбираться в обеих культурах, досконально изучить авторский стиль и используемые им художественные методы; и наконец, переводчик должен уметь подстраиваться под автора, полностью перевоплощаться, воспроизво-

дить его манеру речи и поведения [Набоков, 2001]. В случае автоперевода выполняются все три условия, ведь автор и переводчик — одно лицо. Но каков же результат? Можно ли говорить об идеальном переводе? И можно ли в подобном случае говорить о переводе вообще? На наш взгляд, определённая доля вторичности по отношению к первой версии, конечно, присуща двум последующим, однако количество изменений и дополнений, обусловленных временной дистанцией и культурными различиями, настолько велико, что, пожалуй, это позволяет говорить уже не о переводе в традиционном понимании, а скорее о доработке и дополнении единого произведения. Таким образом, мы предлагаем рассматривать все три версии Набокова как единый текст, созданный на разных языках, что позволило автору задействовать самые разные способы и возможности языкового выражения. Возможно, именно такой перевод имел в виду Вальтер Беньямин, когда писал, что «вырастая в переводе, оригинал как бы поднимается в более высокую, более чистую атмосферу», представляющую собой тот «чистый язык», который переводчик высвобождает в процессе перевода, соединяя два «земных» языка [Беньямин, 2012, с. 260].

Список литературы

- Барт Р.* Семиотика. Поэтика [Электрон. ресурс] / Ролан Барт. — Режим доступа: http://royallib.ru/read/rolan_bart/semiotika_poetika_izbrannie_raboti.html#0
- Барт Р.* Semiotika. Pojetika [Semiotics. Poetics], URL: http://royallib.ru/read/rolan_bart/semiotika_poetika_izbrannie_raboti.html#0 (in Russian).
- Беньямин В.* Учение о подобии. Медиаэстетические произведения / В. Беньямин. Сб. статей (Серия: «Современные гуманитарные исследования», Кн. 1). М.: РГГУ, 2012. 288 с.
- Be'jamin W.* Uchenie o podobii. Mediajesteticheskie proizvedenija [Doctrine of the Similar. Media-aesthetic writings], Sb. statej (Serija: «Sovremennye humanitarnye issledovanija», Кн. 1), М.: RGGU, 2012, 288 s. (in Russian).
- Владимир Набоков: биография [Электрон. ресурс] / Режим доступа: <http://nabokovandko.narod.ru/biography.html>
- Vladimir Nabokov: biografija [Biography of Vladimir Nabokov], URL: <http://nabokovandko.narod.ru/biography.html> (in Russian)
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Garbovskij N.K.* Teorija perevoda [Translation Theory], М.: Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta, 2004. 544 s. (in Russian).
- Леву-Стросс К.* Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
- Levi-Strauss C.* Strukturnaja antropologija [Structural Anthropology], Per. s franz. Vjach. Vs. Ivanova, М.: Izd-vo EKSMO-Press, 2001. 512 s. (in Russian).
- Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. СПб.: Искусство-СПБ; Набоковский фонд, 1998. 928 с.

- Nabokov V.V.* Kommentarij k romanu A.S. Pushkina «Evgenij Onegin». Perevod s anglijskogo [Eugene Onegin: A Novel in Verse: Commentary], SPb.: Iskustvo-SPB; Nabokovskij fond, 1998. 928 s. (in Russian).
- Набоков В.В.* Лекции по русской литературе / Пер. с англ. [Электрон. ресурс]. М.: Издательство Независимая Газета, 2001. Режим доступа: <http://zagumyonnov.nm.ru/nabok.htm>
- Nabokov V.V.* Lekcii po russkoj literature, Per. s angl [Lectures on the Russian Literature], М.: Izdatel'stvo Nezavisimaja Gazeta, 2001, URL: <http://zagumyonnov.nm.ru/nabok.htm> (in Russian).
- Набоков В.* Другие берега: Мемуары. М.: Захаров, 2004. 448 с.
- Nabokov V.* Drugie berega: Memuary [Other Shores: A Memoir], М.: Zaharov, 2004. 448 s. (in Russian).
- Нестерова Н.М.* Вторичность как онтологическое свойство перевода: Дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.19. Пермь, 2005. 368 с.
- Nesterova N.M.* Vtorichnost' kak ontologicheskoe svojstvo perevoda [Translation as an ontologically secondary text]: Diss. ... dokt. filol. nauk: 10.02.19, Perm, 2005. 368 s. (in Russian).
- Bassnett, Susan.* Translation Studies (New Accents) [Электрон. ресурс]. Routledge, 3 edition, 2002. Режим доступа: [http://www.translationindustry.ir/Uploads/Pdf/Translation_Studies,_3rd_Ed_-_Bassnett,_Susan_\(Routledge\).pdf](http://www.translationindustry.ir/Uploads/Pdf/Translation_Studies,_3rd_Ed_-_Bassnett,_Susan_(Routledge).pdf)
- Grutman, Rainier.* Self — translation // Mona Baker & Gabriela Saldanha (eds.), Routledge Encyclopedia of Translation Studies, London & New York: Routledge, 2009. P. 257–260.
- Nabokov V.* Speak, Memory: an Autobiography Revisited. New York, Random House, Inc., 1989.

Ю.Н. Исаев,

кандидат филологических наук, профессор кафедры чувашского языкознания и востоковедения им. М.Ф. Чернова Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, Россия, Чебоксары; e-mail: isaev2828@yandex.ru

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И КАК МЕТОД КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрены особенности ассоциативного эксперимента, ассоциативной модели языковой семантики. Материалы данного ассоциативного эксперимента направлены для изучения лексической системности, семантической структуры фитонимов, культурноязыковых сопоставлений. Определены проблемы, возникающие при составлении словарной статьи в двуязычном (русско-чувашском) ассоциативном словаре.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, языковая картина мира, русский и чувашский языки, ассоциативное поле фитонимов, информант, коммуникативное значение, национально-культурный компонент семантики.

Yury N. Isayev,

Cand. Sc. (Philology), Professor at the M.F. Chernov Department of Chuvash Linguistics and Oriental Studies, I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: human2000@yandex.ru

ASSOCIATION EXPERIMENT AS A SOURCE OF STUDYING LINGUISTIC WORLDVIEW AND AS A METHOD OF COGNITIVE STUDIES

The features of the association experiment and associative models of language semantics are analyzed. The association experiment is aimed at studying the lexical and semantic systems of phytonyms as well as cultural and language comparisons. Problems in drafting dictionary entries in a bilingual (Russian and Chuvash) associative dictionary are researched.

Key words: association experiment, linguistic worldview, Russian and Chuvash, associative field of phytonyms, informant, communicative value of the national-cultural component of semantics.

Процесс ассоциирования включает в себя процесс установления ассоциативной связи между двумя объектами, основанный на личном, субъективном опыте, «который может лежать в плоскости общественного опыта, культуры и принятых обществом традиций» [Фрумкина, 2003, с. 117]. В данном процессе происходит усвоение социального опыта, что является определяющим в понимании особенностей национальных языковых картин мира. Ассоциативный метод можно рассматривать как «специфичный для данной

культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [Уфимцева, 2001, с. 66].

Способом изучения ассоциаций и видов ассоциативных связей служит методика ассоциативного эксперимента, которая является достаточно разработанной техникой семантического анализа. Результатом ассоциативного эксперимента выступает ассоциативный словарь. В частности, первый словарь ассоциативных норм русского языка был издан в 1977 г. под редакцией А.А. Леонтьева [САНРЯ, 1977], подготовленный на материале 500 слов-стимулов. Словарная статья в ассоциативном словаре, как принято, начинается со стимульного слова, затем идет ранговое упорядочение реакций по частоте. Например, вот как представлено в словаре ассоциативное поле стимула «дерево»: статистика по запросу: всего реакций на стимул — 520, различных реакций на стимул — 172, одиночных реакций на стимул — 108 и т.д.

Нами был проведён свободный ассоциативный эксперимент со стимулами-фитонимами с группой информантов: а) студентов филологического факультета и факультета чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (500 человек); б) жителей Чебоксарского, Моргаушского, Янтиковского, Аликовского, Козловского, Шемуршинского, Батырёвского районов Чувашской Республики (1000 чел.); в) представителей чувашской диаспоры вне территории ЧР (в настоящее время в 55 субъектах Российской Федерации насчитывается от 1000 и более чувашей: в Поволжье (75%), на Урале (10%), в Западной Сибири (5,3%). Для определения национально-культурного компонента семантики слов-фитонимов каждый информант получил следующую инструкцию: 1. Внимательно прочитайте нижеприведенные слова, обозначающие деревья, кустарники, и переведите их на чувашский язык. 2. Напишите рядом с каждым словом слова, которые приходят Вам в голову. При этом Вы должны писать предельно быстро, не раздумывая: быстрота Ваших реакций является обязательным условием работы в нашем с Вами эксперименте. В дальнейшем Ваши результаты в ассоциативном эксперименте могут иметь применение в самых разнообразных сферах Вашей деятельности — от реализации контекстного поиска в сети интернет до составления наиболее убедительных рекламных текстов на русском и чувашском языках. И информанты напротив предложенного слова-стимула должны были записать первое слово, которое придёт им в голову. Отметим, что в качестве стимулов используются не только целые слова, но и сочетания букв или звуков, а также словосочетания.

По характеру способа ассоциирования слова-реакции информантов разделились на два основных типа: парадигматические (слова-реакции того же грамматического класса, что и слова-стимулы, подчиняются принципу максимального контраста, согласно которому чем меньше отличаются слова-стимулы от слов-реакций по составу семантических компонентов, тем более высока вероятность актуализации слова-реакции в ассоциативном процессе) и синтагматические (ассоциации, грамматический класс которых отличен от грамматического класса слова-стимула).

В ходе ассоциативного эксперимента также нами были использованы такие методы, как метод шкалирования, метод семантического дифференциала, метод построения и моделирования семантических пространств.

Первый метод можно рассматривать как промежуточный этап между ассоциативным экспериментом и методом семантического дифференциала. Метод шкалирования представляет собой оценку (в баллах) реципиентом какого-либо явления (понятия, слова и т.д.) с точки зрения степени выраженности в нем предложенного экспериментатором признака (признаков). В целом, система шкалирования по тому или иному признаку выглядит так: 1 балл — признак не проявляется; 2 балла — слабое проявление признака; 3 балла — среднее проявление признака; 4 балла — высокое проявление признака; 5 баллов — очень высокое проявление признака. Данную методику можно использовать при фоносемантическом анализе текста, в частности текстов с фитонимами. Вот как звучало подобное задание «Флора в творческой картине писателя (сравнение прозаических и поэтических флористических текстов русских и чувашских писателей)» (параметры задания: а) общая оценка текста; б) неудачно использованные слова; ваши альтернативные слова, улучшающие текст; семантический объем флорем: 1) исходное значение, закрепленное за фитонимом в словарной дефиниции; 2) приобретенное, контекстное значение; 3) мифологическое, символическое значение; 4) коммуникативное значение, возникающее в результате современного взаимодействия, выраженной моделью «язык <-> автор <-> текст <-> действительность <-> читатель». Примерные тексты: *Ку ёс ёлэк-авалах пулса иртнё. Пёр сулхине кёр ир килнё. Йываёс сулсисем таякнма та ёлкёреймен, санталак хытай сивётсе пйрахнй. Вёсен кайаксем карталанса кайтй-ралла васканй. Сёлен-калтасем, пётём вярманти чёрчунсем сивёрен хайсен ийтйакёсене, йываёс хавялёсене кёрсе пытаннй. Пёр пёчэк кайак сес суначё хусайлине пула ништа та вёссе каяйман, хирте витёр сил синче шайнса кутнё. Ларать сапла хуйхярса пёчэкскер зрём тёмё айёнче, мён тумалла — нимён те пёлмест.* «Нивушлё сакантах шайнса

*вилмелле-ши вара?» — тет. Уй хёрринче сём вёрман пусланнй. «Вёрмана кайса пяхам-ха, тен, йываьссем мана хёрхенёс те хайсен тураттисен айне хёл кашма йышайнёс», — шухайшланй пёчёк кайак, вара вёрман еннелле сиккелесе кайнй (Чаваш халэх юмахёсем). — Это было давным-давно, в незапамятные времена. Как-то в один из годов очень рано наступила осень. Еще и листья с деревьев не опали, а уже завернули сильные холода. Птицы начали сбиваться в стаи и заторопились в теплые страны. Змеи, ящерицы, всякие лесные зверушки, спасаясь от холода, залезли в свои норы и дупла. Всё живое или улетело, или попряталось. Лишь маленькая птичка с пораненным крылом не смогла улететь со стаей и осталась одна в чистом поле на пронизывающем ветру. Сидит птичка под кустиком полыни, горюет, что делать — не знает. Неужто так и придется погибать? А на краю поля начинался большой дремучий лес. «Поскачу-ка я в этот лес, может, деревья сжалятся надо мной и пустят на свои ветки перезимовать», — подумала птичка и, оберегая свое раненое крылышко, поскакала к лесу. 2. *Хура вёрман кёр кёрлет. Ыл тухать те ыл каять, Высй кашкар нек ўлет. Ысём пёрмай суттине Вёрман айне сутатать. Тёттём вёрман айёне Пёр юланут кустарать. Лаша пырать тулхёрса, Вёрман айне янтракса, Иккён ларнй утланса, Лаша ситет ыванса. Йываьс ларать улап нек, Тёттём сёрте кашласа: «Чипер кайяр!» — теет те Пуэне таять сул парса (К. Иванов). — Лес густой шумит, а ветер / Воет, как голодный волк. / Лес дремучий освещая, / Всюду молнии блестят. / По тропинке тёмной чаши / Скачет всадник наугад. / Громко фыркая, несётся / Конь горячий напролом; / Устает он, — мчатся двое / На хребте его крутом. / Дуб стоит во тьме, как улап — / Великан, шумя листвою; / Говорит: Счастливым путь вам!» / И кивает головой.**

При изучении эмоционального пространства соответствующих текстов испытуемые определяли и выделили зоны текста, несущие положительную и отрицательную эмоциональные модальности; оценивали степень проявления положительных и отрицательных эмоций, используя вышеназванную градацию, и полученные данные представляли в виде таблицы или рисунка, в зависимости от возможностей табличной и графической форм презентации результатов в каждом конкретном случае.

Второй метод, метод семантического дифференциала, в современной лингвистике получил широкое применение в исследованиях, связанных с восприятием и поведением человека, с анализом социальных установок и личностных смыслов. И популярность метода можно объяснить тем, что исследователи получили возможность определять такие латентные процессы, как отношение субъекта к миру вещей, социальному окружению и самому себе.

Данный метод успешно используется в настоящее время в связи с проблемой экспликации слоёв (уровней) субъективной семантики. Так, Е.Ю. Артемьева выделяет три таких уровня: перцептуальный уровень, уровень картины мира и уровень образа мира [Артемьева, 1999]. Ядерным для личности является уровень образа мира, характеризующийся максимальной семантической нерасчлененностью. Семантический дифференциал ассоциативного поля фитонимов может состоять из антонимичных пар (красивый — некрасивый, лёгкий — тяжёлый, грустный — радостный и т.д.). Например, было предложено задание «Пополните синонимический ряд фитонимов, выражающих положительные и отрицательные эмоции человека: а) «человек легкомысленный, несерьезный»: *йыва́с, тунката*, ... б) «человек беспорядочный, бессовестный»: *кёлте, сёлё кёлти*, ... в) «человек жадный»: *тимёр пёрса*, ... г) «человек легкомысленный, несерьезный»: *а́вас сұлси*, ... д) «человек глупый, тупой, недалекий»: *арна пус, вёрман тункати, уй тункати*, ... е) «человек неаккуратный, неряшливый»: *пёрса мёлки*, ... ж) «сухопарый человек»: *хытнй юман*, ... и т.д.

Третий метод направлен на изучение организации субъективного мира человека. Основной метод исследований в этой области — моделирование. Построение моделей основывается прежде всего на постулате о существовании систем личностных смыслов, через призму которых каждый человек воспринимает окружающую его действительность (см. таблицу). «Фоно (звуко)-семантические параметры слов-фитонимов по антонимическим парам».

Фоно(звуко)-семантические параметры слов-фитонимов по антонимическим парам

Красивы — корявый Добрый — злой	берёза	ель	сосна	рябина	калина	черемуха	клён
Светлый — тёмный							
Грубый — нежный							
Весёлый — грустный							

Система личностных смыслов создается на основе усвоенных личностью систем значений: психологическая онтология «разворачивается» на базе социальной онтологии. Соответствующие системы как психологические образования отражают отношение индивида к значению языковых единиц.

Модели семантических пространств (СП) складываются из многообразия параметров. Размерность СП равна числу независимых векторов и определяется обычными алгебраическими и вероятностными способами [Артемьева, 1999, с. 33]. Соответствующее моделирование включает следующие процедуры: а) с помощью различных методик выявить семантические связи между анализируемыми объектами (в качестве методической базы используются ассоциативный эксперимент и метод шкалирования; на основе ассоциативного эксперимента моделируется структура связей между объектами; шкалирование предполагает размещение реципиентами объектов на заданных признаковых шкалах; метод семантического дифференциала выявляет градуальное распределение оценок объектов на шкалах, полюса которых представляют собой антонимичные пары признаков); б) применение различных способов математической обработки полученных реакций (процедуры классификации, факторный анализ, построение разного рода шкал, кластер-анализ); в) представление выявленных структур семантических связей в виде кластеров.

Структура словарной статьи в двуязычном или полиязычном ассоциативном словаре должна быть построена в сопоставительном плане. Например, в русско-чувашской словарной статье за порядковым номером словарной статьи должно следовать слово-стимул и его перевод на русский язык (одним словом или, если необходимо, несколькими словами); после чувашского ассоциата дается его русский перевод, являющийся более или менее нейтральным, общим по значению словом (при полисемии или омонимии приводятся два слова), причем при выборе русского эквивалента к чувашскому ассоциату, прежде всего, должна учитываться его ассоциативно-семантическая связь с исходным словом.

Частотность слова-стимула должна определяться по частотным словарям русского и чувашского языков.

Двуязычные словари со всей остротой выявляют и проблемы, связанные с переводом стимульных слов и его адекватностью [Словарь ассоциативных норм русского языка, 1977, с. 191]. Остро встает и проблема грамматических соответствий в сравниваемых нормах.

Результаты ассоциативного эксперимента следуют из таких положений: а) каковы общие реакции различных социальных слоев, вовлеченных в эксперимент, на синтагматические и парадигматические модели фитонимов; б) какова глубинная семантическая структура тех или иных семантических классов — фитонимов); в) установить типичные модели ассоциативного поля фитонимов.

Список литературы

- Артемьева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука, 1999. 349 с.
- Artemyeva, E.Yu.* Osnovy psihologii subjektivnoj semantiki [The fundamentals of psychology of subjective semantics. M.: Nauka, 1999. 349 pages] (in Russian).
- Залевская А.А.* Текст и его понимание: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 178 с.
- Zalenskaya, A.A.* Tekst i ego ponimanie: Monografia [Text and its understanding. Tver: Tver state un-ty, 2001. 178 pages] (in Russian).
- Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 191 с.
- Slovar' assotsiativnyh norm russkogo yazyka [Dictionary of the associative norms of the Russian language / Ed. by A.A. Leontyev. M.: Moscow state un-ty, 1977. 191 pages] (in Russian).
- Уфимцева Н.В.* Сопоставительное исследование языкового сознания славян // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. 181 с. С. 65–71.
- Ufimtseva, N.V.* Sopotavitel'noye issledovanie yazykovogo soznaniya slavyan // Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki [Comparative investigation of the language consciousness of Slavs // Methodological problems of cognitive linguistics. Voronezh: Voronezh state un-ty, 2001. 181 pages. P. 65–71] (in Russian).
- Фрумкина Р.М.* Психолингвистика. М.: Академия, 2003. 320 с.
- Frumkina, R.M.* Psiholingvistika [Psycholinguistics. M.: Akademia, 2003. 320 pages] (in Russian).

О.Н. Калита,

аспирантка, преподаватель русского языка и литературы, преподаватель русского языка как иностранного Российского университета дружбы народов; e-mail: kalitaxenia@gmail.com

ТРУДНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В ГРЕЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ

При изучении русских глаголов движения греки, как правило, сталкиваются с большими трудностями при выборе подходящего глагола. Трудности подобного рода возникают в связи с отсутствием в греческом языке категории глаголов движения, как таковой, а также в силу сложности понимания лексических и семантических свойств этих глаголов. Глаголы, выражающие движение, не соответствуют системе парных глаголов движения русского языка, поэтому в учебном процессе, сопоставительный анализ русских глаголов движения с греческими аналогами, передающими движение, является эффективным вспомогательным средством. Целью данной работы является выявление основных трудностей в изучении функционирования русских глаголов движения без приставок и с приставками, их семантика и закономерности функционирования, свойственные греческой аудитории.

Ключевые слова: русские глаголы движения, сопоставительный анализ, трудности в обучении греческой аудитории, греческие аналоги, повышения эффективности учебного процесса.

Oksana N. Kalita,

Postgraduate Student at the Russian People's Friendship University, Moscow, Teacher of Russian Language and Literature, Teacher of Russian as a Foreign Language; e-mail: kalitaxenia@gmail.com

DIFFICULTIES IN STUDYING THE FUNCTIONING OF RUSSIAN VERBS OF MOTION IN GREEK AUDIENCE

In the study of Russian verbs of motion Greek students tend to face greater difficulties in choosing the right verb. Difficulties of this kind occur in the absence of the corresponding Greek category of verbs of motion per se, and also because of the difficulty of understanding lexical and semantic properties of the verbs. Particularly, Greek verbs that express movement do not correspond to the pair of verbs of motion in the Russian language; therefore, in the learning process a comparative analysis of Russian verbs of motion and their Greek equivalents is an effective aid. The scope of this work is to identify the main difficulties in the study of the functioning of Russian verbs of motion with and without prefixes, their semantics, and rules of functioning peculiar to the Greek audience.

Key words: Russian verbs of motion, comparative analysis, difficulties faced by Greek auditory during the learning process, Greek analogs, increasing the learning process effectiveness.

Введение

С наступлением нового века и при стремительном развитии межкультурных связей появились новые тенденции в обучении иностранным языкам. В последние годы в Греции русский язык стал не просто популярным, но и значимым. Образование русско-греческих организаций, обмен и совместное развитие проектов в области культуры, туризма и спорта способствовали не только резкому увеличению желающих изучать русский язык, но и значимости переводческой деятельности. Исследования по теории перевода всегда являются актуальными, потому что пока не изобретён другой вид общения между разными этносами (народами). Кроме того, зачастую проблемами перевода занимаются не только лингвисты, но и обучающиеся не лингвистического направления, которые хотят соответствовать современному уровню общения в их профессиональной деятельности.

Перевод является сложной коммуникативной деятельностью, направленной на процесс взаимодействия и взаимопроникновения культур. Целью перевода является способствование межличностному общению между людьми, принадлежащими к разным языкам и культурам. Проблемы перевода изучаются не только в лингвистике, но и в психолингвистике, социологии, культурологии и в других науках. При подготовке профессиональных переводчиков современная методика должна обязательно активизировать внимание на координации языкового обучения с изучением компонентов межкультурной коммуникации, для того чтобы переводчик был по-настоящему компетентным.

Основные трудности, с которыми сталкивается переводчик, связаны с особенностями языков и способами их использования для наименования объектов и описания ситуаций. Можно назвать три типа трудностей: специфичность семантики языковых единиц; несовпадение картин мира, создаваемых языками для отражения внеязыковой реальности; различия в самой реальности. Для распознавания таких явлений необходимо знание культуры и социальных условий. Изучение языковых факторов создает условия для преодоления создающихся трудностей [Юларджи, Рудых]. Однако, в отличие от преподавания языка, при обучении переводу основное внимание следует обращать не на трудности понимания, а на трудности выражения мысли подлинника на родном языке.

При подготовке в греческой аудитории специалистов в области русского языка, которые планируют связать свою будущую профессиональную деятельность с переводческой практикой, актуальным

является изменение методов и способов обучения. Обязательным для оптимизации процесса обучения является учёт этнопсихологических особенностей, традиций, культур, менталитета и языков двух народов, что позволяет предупредить специфические ошибки.

Русский и греческий языки генетически связаны между собой. Очевиден общий индоевропейский характер фонетического строя, общее происхождение графических систем алфавита, достаточно много русских слов греческого происхождения. Однако уместно отметить, что существует как сходство систем, так и различия.

Помимо трудностей в целом, возникающих в процессе обучения русскому языку, в данной работе мы будем рассматривать основные трудности, с которыми сталкиваются обучающиеся, на примере глаголов движения без приставок и с приставками, их семантики и закономерностей функционирования.

Текущее состояние

Глаголы движения русского языка образуют группу, у которой свои грамматические и стилистические особенности и большая коммуникативная значимость. Они часто используются в общении: в разговорной речи, в учебных и деловых сферах, а также в литературном и научном стиле.

По результатам проведённого опроса греков, изучающих русский язык, одним из сложных аспектов грамматики русского языка являются бесприставочные и приставочные глаголы движения [Kalita, Balykxina, Gartsov, 2014]. Категория глаголов движения, как таковая, отсутствует в греческом языке, а глаголы, выражающие движение, не соответствуют системе русского языка [Сопоставительный анализ..., 2012]. Учёт данных о сходстве и различии русских и греческих глаголов, передающих движение, может послужить опорой в более качественном усвоении данного материала, поскольку сложность составляет не столько формообразование, сколько семантические отличия, обусловленные различиями языковых картин мира [Амириди, 2010]. Изучение лингвистической и методической литературы показало, что специальных работ, посвящённых сопоставлению русских и греческих глаголов движения, в методических целях не проводилось. До данного момента не проводились и исследования по выявлению трудностей, возникающих в процессе обучения русским глаголам движения без приставок и с приставками, их семантика и закономерности функционирования, свойственные греческой аудитории. Этим и обусловлена актуальность предпринятого исследования. Полученные результаты

имеют как теоретический, так и практический смысл. В частности, они могут быть использованы для оптимизации процесса обучения русским глаголам движения для греческой аудитории, а также послужить ценным материалом при создании полномасштабной этноориентированной методики преподавания РКИ (Русский как иностранный) для греческой аудитории.

Задачами данной работы является выявление характера трудностей обучения русским глаголам движения ГД в греческой аудитории, основываясь на сходстве и различии русских и греческих глаголов, передающих движение. Теоретической базой данной работы в области описания грамматики русского языка как иностранного послужил учебник: Величко (2009), а также работы в области изучения глаголов движения, а именно Муравьёва (1995), Битехина (1966), некоторые исследования по обучению греков русскому языку — Μαχαλοῦ (2007), Триандафиллу (2004), Μπορίσοβα (2013), Амириди (2003), Есакова, Литвинова (2010), Данилиду (2007), Οικονόμου (1828), а также, работы, посвящённые основным трудностям при изучении русского языка: Метс (2019), Колосницина (2009). Основные положения данных исследований дают основания для проведения анализа ошибок, изучающих русский язык.

Лексико-грамматическая группа глаголов движения

Глаголы движения (ГД) — устойчивая структурно-семантическая группа глаголов несовершенного вида, обладающая специфическими характеристиками, присущими только этой группе, на уровне морфологии, синтаксиса, а также на уровне функционирования [Русская грамматика, 1982, с. 591]. В практике преподавания русского языка как иностранного традиционно выделяют два относительно самостоятельных аспекта: употребление ГД без приставок и употребление глаголов движения с приставками [Муравьёва, 1995; Битехина, 1966].

Группу ГД в русском языке составляют 18 пар глаголов, которые указывают на один и тот же тип перемещения, но при этом оба являются глаголами несовершенного вида. Следует отметить, что последние четыре пары находятся на периферии системы ГД и специально не вводятся в практический курс РКИ. По этой причине, анализируя трудности, связанные с ГД, остановимся на 14 парах ГД, которые представлены практически во всех учебных пособиях русской грамматики РКИ [Метс, 2010].

В глагольных парах первый глагол (I группы, типа «идти») обозначает однонаправленное движение, но в разное время приобретает

некоторые смысловые оттенки. Другой глагол (II группы, типа «ходить») обозначает неоднаправленное движение и во всех трёх временах сохраняет своё основное значение: движение разнонаправленное, движение регулярно повторяющееся, движение туда и обратно, движение как свойство субъекта¹.

Таблица 1

Глаголы движения русского языка

Непереходные глаголы	Переходные глаголы	Возвратные глаголы
Идти — ходить	Вести — водить	Катиться — кататься
Ехать — ездить	Везти — возить	Нестись — носиться
Бежать — бегать	Нести — носить	Тащиться — таскаться
Лететь — летать	Катить — катать	Гнаться — гоняться
Плыть — плавать	Тащить — таскать	
Брести — бродить	Гнать — гонять	
Лезть — лазить		
Ползти — ползать		

Среди ГД выделяются *непереходные и переходные*. *Непереходные* глаголы передают движение субъекта, в то время как *переходные* — движение субъекта вместе с объектом.

Употребление глаголов движения без приставок

Группа русских глаголов, которые входят в группу ГД, могут дифференцировать движение по способу и обстоятельствам передвижения, указывая где, с какой скоростью, на какой поверхности происходит движение [Метс, 2010]:

- движение по твёрдой поверхности;
- использование/неиспользование средства передвижения по твёрдой поверхности;
- среда передвижения (земля — воздух — вода);

¹ Dimensions of an Etho-Oriented Distance Learning Methodology Greek Students who Learn Russian Language / Kalita O., Balykxina T., Gartsov A., Pavlidis // 5th IEEE Internati Crete, Greece onal Conference on Information, Intelligence, Systems and Applications (IISA2014), 07–09.07.2014.

- скорость передвижения;
- отсутствие или наличие принуждения к движению;
- направление (однаправленное/неоднаправленное).

Употребление глаголов движения с приставками

Бесприставочные глаголы каждой из групп могут присоединять к себе множество различных приставок, при этом они меняют своё лексическое значение и по-разному образуют видовые пары. В случае русских глаголов движения с префиксом «способ перемещения» и тип «движения» представлены в корне и в суффиксе глагола, в то время как «направление», как правило, выражается через префикс. Объединение двух компонентов семантически завершает глагол. Приставки, присоединяющиеся к глаголам движения, не однородны по своей семантике. Они делятся на две большие группы: приставки с пространственным значением и приставки с непространственным значением (приставки с количественно-временным значением) — и употребляются с определёнными предлогами, которые требует соответствующий падеж.

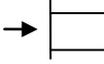
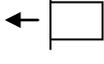
Приставки с пространственным значением

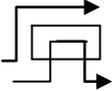
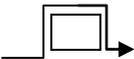
Приставки с пространственным значением не однородны по своей семантике, поэтому, соединяясь с ГД, они меняют их лексическое значение. Трудности при употреблении приставок с пространственным значением заключаются в уточнении значения каждой из приставок в зависимости от того, в каком контексте они употребляются, с соответствующим предлогом.

Таблица 2

Префиксы с пространственным значением и соответствующими предлогами

Приставки	Соответствующие предлоги	Графическое представление	Значение и употребление приставок
При-	в / на с / из к от		1. Прибытие и доставка чего-л. в определённое место. 2. Появление кого-л., где-л.
У-	из на от		1. Удаление субъекта (объекта) откуда-л. 2. Отдаление (в определённом контексте)
В (о) -	в / на		1. Движение внутрь, в пределы чего-л. 2. Движение наверх (въехать, вбежать, влезть, внести, вкатить, втащить)

Приставки	Соответствующие предлоги	Графическое представление	Значение и употребление приставок
Вы-	из / с / из-за / из-под в / на		1. Движение изнутри, из пределов чего-л., из-под, из-за чего-л. 2. Покинуть помещение на время, отлучиться. 3. Совершить движение на открытое место, к какому-л. ориентиру; оказаться где-л., попасть куда-л. 4. Совершив движение, появиться где-л., перед кем-л. 5. При обозначении начала движения, срочного отправления (офиц.), отправления воздушного транспорта
Вз- (взо-)	на		Движение вверх, на поверхность предмета (взбежать, взойти, взлететь, всплыть)
Под-	к		Приближение с видимого расстояния
От-	от в		1. Отдаление на некоторое расстояние (незначительное). 2. Доставка объекта куда-л., кому-л. (только переходные глаголы). 3. Отправление (обо всех видах транспорта, кроме воздушного)
С-	с / со		Движение с поверхности чего-л., вниз или в сторону
Раз- (разо-)	по в		Движение из центра в разные пункты, доставка объектов в разные пункты
Про-	через мимо		1. Поступательное движение вперёд, возможно с указанием маршрута. 2. Движение внутрь, в пределы чего-л., к кому-/чему-л. 3. Движение куда-л. с преодолением препятствия. 4. Констатация факта движения. 5. Преодоление расстояния (возможно, с указанием затраченного времени). 6. Ошибочное движение дальше, чем нужно, пропуск чего-л.

Приставки	Соответствующие предлоги	Графическое представление	Значение и употребление приставок
За-	за в / на к		1. Попутное движение. 2. Движение куда-л. на короткое время. 3. Значительное удаление куда-л.; ошибочное, случайное движение куда-л. 4. Движение за предмет. 5. Движение внутрь (зайти, заехать, забежать, залететь, завести). 6. Движение вверх (залезть, загнать)
До-	до		1. Достижение неконечной границы движения. 2. Достижение конечной границы движения. 3. Характеристика движения (оценка) с точки зрения соответствия норме и состояния субъекта
Об- (об-, обо-)	Вокруг		1. Движение в обход чего-л., не прямо. 2. Движение вокруг чего-л. 3. Движение с пребыванием во многих пунктах, охват движением ряда объектов
Пере-	через в / на с / из		1. Движение с одной стороны на другую. 2. Движение из пункта в пункт, от предмета к предмету. 3. Движение сверху над чем-л.
С-ся	в / на		Движение в один центр из разных пунктов

Приставки с количественно-временным значением

Приставки с непространственным значением (приставки с количественно-временным значением), выражают повторяемость движения, комплексное движение, показывают, что движение не будет продолжаться долго. Они присоединяются к глаголам неоднаправленного движения, которые приобретают смысл глагола совершенного вида.

Префиксы с количественно-временным значением с соответствующими предложениями

Приставки	Соответствующие предлоги	Значение и употребление приставок
По-	в, на, к, по	Приставка по- ограничивает продолжительность ненаправленного движения (походили по выставке, поехали по городу) или количество повторений двунаправленного движения (походили на спектакли этого режиссёра, поехал в разные страны);
Про-	По	подчёркивает, что всё указанное время было занято движением — ненаправленным или двунаправленным (проездили по городу полдня — проездили в город полдня)
С-	в, на, к	с- подчёркивает однократность двунаправленного движения куда-либо (съездили в Петербург)
За-	—	выделяет момент начала ненаправленного движения (птица испуганно залетала по комнате)

Основные трудности в употреблении глаголов движения в греческой аудитории

Во многих других языках, в том числе и греческом, описание движения отличается от русского языка. В греческом языке категория глаголов движения как таковая отсутствует. Это создаёт трудность в выборе правильного глагола при построении высказывания. Подобные ошибки вызваны различием в понимании явлений, отличающихся от явлений в греческом языке².

В связи с этим можно выделить основные трудности, возникающие при изучении русских глаголов движения в греческой аудитории:

1. Трудно учитывать дифференциацию по способу движения.

В отличие от русского языка в греческом языке ГД не дифференцируются по способу движения: движение пешком и движение на транспорте обозначается одинаково, поэтому возникает трудность при выборе правильного глагола.

² Учёт этнопсихологических особенностей греческих учащихся как путь оптимизации обучения русскому языку. Defining the national and psychological characteristics of greek students in the process of optimizing the teaching of the russian language / Калинта О.Н., Гарцов А.Д., Павлидис Г.С. // III Международная научно-практическая конференции «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе». Халкидики. 26.04–01.05.2013.

Русские глаголы движения *идти* — *ехать* — *лететь* — *плыть* могут быть заменены греческими *πάω* (*πηγαίνω*). В сочетании с транспортом при глаголах *πάω* (*πηγαίνω*) используется предлог *με* свинительным падежом: *πάω (πηγαίνω) με το ταξί* — *я еду на такси*, *με το αυτοκίνητό* — *на машине*, *με το λεωφορείο* — *на автобусе*, *με το πλοίο* — *на теплоходе*, *με το αεροπλάνο* — *на самолёте*.

Поэтому различие и соответствующее использование нужных глаголов вызывает большое затруднение, вследствие чего возникают и ошибки в речи.

2. *Трудно дифференцировать однонаправленного и неоднаправленного движения бесприставочных ГД.*

Однонаправленность/неоднаправленность движения в русском языке выражается с помощью противопоставления глагольных пар типа «идти» и «ходить». Трудностью является то, что эти лексические противопоставления и семантическая значимость в двух языках неравноценны. Можно сказать, что в греческом языке такое явление практически нейтрализуется. В предложениях, выражающих однонаправленное и неоднаправленное движение в русском языке, употребляется один и тот же греческий глагол, обозначающий движение. Такие предложения, как: *Αυτός πάει (πηγαίνει) στο θέατρο. Αυτός τρέχει στο στάδιο. Αυτός πετάειγιατην Μόσχα*, могут быть переведены на русский язык, как: *Он идёт в театр. Он бежит на стадион. Он летит в Москву*. Но им также могут соответствовать русские предложения: *Он ходит в театр. Он бегаёт на стадион. Он летает в Москву*.

Ещё одной трудностью дифференциации ГД неоднаправленного движения является разграничение *ненаправленного* движения, которое не так легко понять носителям языка; *комплексного* движения как движения туда и обратно и *движения как способности, навыка, свойства*. Грамматическая структура описания движения субъекта в русских глаголах движения и глаголах, выражающих движение в греческом языке, различаются, поэтому выбор правильного глагола создаёт определённые трудности.

3. *Трудно различать глаголы СВ и НСВ с омонимичными пространственными и непространственными приставками про-, за-, с-.*

Непространственные приставки *про-*, *за-*, *с-* присоединяются главным образом к глаголам группы *ходить*, образуя при этом глаголы совершенного вида, обычно одновидовые. Движение характеризуется по времени, количеству реализаций, интенсивности, результативности. Вследствие омонимичных приставок непространственного и пространственного значения и специфики образования видовых пар у глаголов движения существуют разнородные омонимы типа:

заходить по комнате (<i>αρχίζω να βηματίζω μέσα στο δωμάτιο</i>)	заходить — зайти в магазин (<i>περνώ, μπαίνω από το μαγαζί</i>)
проходить полчаса (<i>τριγυρίζω μίση ώρα</i>)	проходить — пойти мимо дома (<i>περνώ κοντά από το σπίτι</i>)
сходить в библиотеку (<i>πετάγομαι στη βιβλιοθήκη</i>)	сходить — сойти по лестнице вниз (<i>κατεβαίνω τις σκάλες</i>)
сводить друга в кино (<i>πληγαίνω τον φίλο μου ανεμά</i>)	сводить — свести ребенка с лестницы (<i>κατεβάζω το παιδί από τις σκάλες</i>)

У греческих обучающихся возникают ошибки в связи с тем, что не было понято или не было реализовано противопоставление глаголов несовершенного вида с приставками пространственного значения и глаголов движения совершенного вида с приставками непространственного движения³.

4. Трудно дифференцировать значение некоторых пространственных приставок: При- | До- | Под-; Пере- | Про-; Вы- | У-.

В греческом языке не существует особо выделенной группы ГД. Глаголы, соответствующие русским ГД, с данными приставками имеют близкие значения, указывающие на близость или удаление в разной степени достижения точки достижения. В результате чего возникают трудности в точном понимании значения каждого глагола, что способствует не различению, смешению этих глаголов и появлению ошибок в речи учащихся⁴.

Πρῖντι домой. Φτάνω στο σπίτι.

Доῖти до дома. Φτάνω ἕως το σπίτι.

Ποδοῖти к дому. Πλησιάζω το σπίτι.

Переῖти через дорогу. Διασχίζω το δρόμο.

Проῖти через лес. Προσπερνῶ το δάσος.

В следующих примерах и в первом и во втором случаях передается движение «из внутри», но в первом — в значении покинуть место, а во втором — в значении оставить на какое-то время.

ῶти из дома пять минут назад. Ἐφυγα από το σπίτι πριν πέντε λεπτά.

Выйти из дома на пять минут. Βγήκα από το σπίτι για πέντε λεπτά.

5. Трудно передать значения переходных глаголов движения без приставок и с приставками на греческий язык.

³ Величко А.А. Книга о грамматике: Русский язык как иностранный: Учеб. пособие. М., 2004.

⁴ Adjusting the Tests According to the Perception of Greek Students Who are Taught Russian Motion Verbs via Distance Learning / Kalita O., Pavlidis G. // AIAI 10th International Conference on Artificial Intelligence Applications and Innovation, 19–21.10.2014, Greece, Rhodes Island.

В отличие от русских переходных ГД греческие аналоги, выражающие движение, русским переходным ГД не дифференцируются по способу передвижения и по направлению⁵.

Дети идут в школу и несут цветы. Τα παιδιά πάνε στο σχολείο και κουβαλάνε (περπατώντας) λουλούδια.

Обычно папа возит дочку в школу на машине. Συνήθως ο πατέρας πηγαίνει την κόρη του στο σχολείο με αυτοκίνητο.

Гид ведёт туристов в музей. Ο ξεναγός καθοδηγεί τους τουρίστες στο μουσείο.

Достаточно сложнопередать значение на греческий язык переходных ГД без приставок и с приставками совершенного и несовершенного вида, так как в греческом языке не существуют аналогов для передачи направления движения переходных русских ГД. В случае правильного выбора переходных глаголов с приставками в нужной ситуации греческие обучающиеся основываются на выборе глагола, с помощью которого совершается перемещение объекта, и на значении самой приставки. **Я привезла тебе подарок из Москвы.** Σου έφερα (με κάποιο μεταφορικό μέσο) ένα δώρο από την Μόσχα.

Мама отвела сына в школу. Η μητέρα πήγε (καθοδήγησε από το σπίτι) το γιό της στο σχολείο.

Учительница вошла в класс и внесла тетради. Η καθηγήτρια μπήκε στην αίθουσα και έφερε(μέσα) τα τετράδια.

6. **Трудно преодолеть ошибочный стереотип соответствия непереходных и переходных глаголов движения.**

Часто при высказывании мы говорим и о движении субъекта, и о движении объекта. В этом случае мы употребляем два глагола движения. Трудность заключается в том, что очень часто греческие обучающиеся усваивают идею о соответствии непереходных и переходных глаголов движения, не соответствующую русской действительности.

У них формируется ошибочный стереотип: если «ехать», значит «везти», а если «идти», значит «нести». Как мы видим из таблицы 4, в русском языке возможны и другие соответствия непереходных и переходных глаголов движения. Такие соответствия требуют не только специального объяснения, но и специального обучения — формирования специального навыка.

⁵ Сопоставительный анализ русских и греческих глаголов движения в аспекте создания национально-ориентированного мультимедийного учебник / Калита О.Н., Гарцов А.Д., Павлидис Г.С. // Халкидики. 25–29.04.2012.

Соотношение переходных и переходных глаголов движения

Способ передвижения субъекта		Способ перемещения объекта	
		Используются средства передвижения	Не используются средства передвижения
Субъект не пользуется средствами передвижения	Идти/брести/ползти	Везти	Вести/нести/катить/тащить/гнать
Субъект пользуется средствами передвижения	Ехать/лететь/плыть	Везти	

Женщина идёт и катит коляску. *Γυναίκα περιπατάει και τσουλάει το καρότσι.*

Спортсмен прибежал на стадион и принёс мяч. *Ο αθλητής έφτασε στο στάδιο και έφερε τη μπάλα.*

Друзья прилетели из Москвы и привезли мне подарки. *Οι φίλοι μου ήρθαν από την Μόσχα (με μεταφορικό μέσο) και μου έφεραν δώρα.*

6. Трудность использования винительного падежа направления и предложного падежа места с ГД.

При выражении направления глаголов движения с винительным падежом главной трудностью является неправильный выбор падежа. Предпочтение отдаётся предложному падежу места, так как в греческом языке не существует различия в использовании падежей, в обоих случаях выражается винительным падежом.

Завтра я поеду в Москву. *Αύριο θα πάω στην Μόσχα.*

Я уже пять лет живу в Москве. *Εγώ μένω στη Μόσχα εδώ και πέντε χρόνια.*

Выводы

Наши наблюдения и личный опыт привели нас к выводу, что трудности при изучении ГД встречаются, как правило, у всех обучающихся, изучающих русский язык. Это связано с особенностями группы ГД русского языка, которые отличаются исключительной сложностью своего содержания, так как лексические компоненты в глагольных значениях тесно переплетены и постоянно взаимодействуют с грамматическими и лексико-грамматическими компонентами. Греческие обучающиеся часто затрудняются в выборе нужного глагола из близких по значению. Они не всегда могут са-

мостоятельно определить дифференциальные признаки таких глаголов и нуждаются в соответствующих разъяснениях. Характерной особенностью допускаемых ошибок при употреблении русских ГД является то, что они в большинстве случаев носят интерференционный характер. К типичным могут быть отнесены ошибки, связанные с неразличением семантических категорий глаголов движения, с нарушением лексической и грамматической сочетаемости указанных единиц, с объединением значений разных глаголов в рамках одного и т.д. Преподаватель, в свою очередь, должен владеть обучающим материалом так, чтобы наиболее чётко и адекватно донести его до обучающихся, что поможет лучше понять обучающимся, как используются ГД в практической речи. Для повышения эффективности учебного процесса нужно обратить особое внимание на адаптационные процессы греческих обучающихся и на сходства и различия русских ГД и глаголов, выражающих движение, в греческом языке. Принцип опоры на родной язык является одним из базовых в методике обучения иностранным языкам. Можно утверждать, что родной язык играет немаловажную роль в порождении ошибок при употреблении грамматических явлений, отсутствующих в родном языке. Типологическое сопоставление русского и греческого языков помогает глубже понять причины ошибок, являющихся следствием интерференции родного языка, и правильно определить те задачи, которые приходится решать учащимся при усвоении каждой закономерности русского языка.

Список литературы

- Амириди С.Г.* Русский язык в греческой аудитории: преподавание, проблемы, перспективы (из опыта преподавания русского языка во Фракийском университете) // II Междунар. науч.-практ. конф. Салоники, 2010.
- Amiridi, S.G.* Rysskij jazyk v grecheskoj auditorii: prepodavanie, problem, perspektivy (iz opyta prepodavaniya russkogo jazyka vo Frakijskom universitete), II Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija, Saloniki, 2010 [Russian in the Greek audience: teaching, problems, prospects (from experience of teaching Russian in Thracian university), II International scientific and practical conference. Thessaloniki, 2010] (in Russian).
- Амириди С.Г.* Менталитетное мышление студентов-греков, изучающих русский язык // Годишник ИЧС. София, Болгария, 2003.
- Amiridi, S.G.* Mentalitetnoe myshlenie studentov-grekov, izuchajushhix russkij jazyk, Godishnik ICHS, Sofia, Bolgarija, 2003 [Mentality of thinking greek students studying Russian. Godishnik ICHS, Sofia, Bulgaria, 2003] (in Russian).
- Балыхина Т.М.* От методики к этнометодике. М.: РУДН, 2010.
- Balyxina, T.M.* Ot metodiki k jetnometodike, Moskva, RUDN, 2010 [From methodology to ethno methodology. Moscow: RUDN, 2010] (in Russian).

- Битехина Г.А., Муравьёва Л.С., Юдина Л.П.* Употребление глаголов движения в русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966.
- Bitexina G.A., Murav'jova L.S., Judina L.P.* Upotrebljenje glagolov dvizhenija v ruskim jazyke, MGU, 1966 [The use of verbs of motion in Russian language, Moscow State University, 1966] (in Russian).
- Величко А.А.* Книга о грамматике. Русский язык как иностранный: Учеб. пособие. М., 2004.
- Velichko, A.A.* Kniga o grammatike: Russkij jazyk kak inostrannyj: uchebnoe posobie, Moskva, izdatel'stvo Moskva, 2004 [Grammar book: Russian as a foreign language: Textbook, Moscow: Publishing House of Moscow, 2004] (in Russian).
- Данилиду Н.* Русский для греков. Салоники, 2007.
- Danilidu, N.* Russkij glja grekov, Saloniki, 2007 [Russian for Greeks, Thessaloniki, 2007] (in Russian).
- Есакова М.Н., Литвинова Г.М., Харацидис Э.К.* Русская фонетика и интонация для говорящих на греческом языке. Салоники, 2010.
- Esakova, M.N., Litvinova, G.M., Haracidis, Je.K.* Russkaja fonetika i intonacija dlja govorjashhix na grecheskom jazyke, Saloniki, 2010 [Russian phonetics and intonation for speaking in Greek, Thessaloniki, 2010].
- Колосницына Г.В. Макова М.Н., Шведова Л.Н., Шупицо Л.В.* Грамматические этюды. М.: Москва, 2009.
- Kolosnicina, G.V., Makova, M.N., Shvedova, L.N., Shipico, L.V.* Grammaticheskie jetjudy, Moskva, izdatel'stvo Moskva, 2009 [Grammatical Studies. Moscow, publishing house Moscow, 2009] (in Russian).
- Калита О.Н. Гарцов А.Д., Павлидис Г.С.* Сопоставительный анализ русских и греческих глаголов движения в аспекте создания национально-ориентированного мультимедийного учебника // III Междунар. науч.-практ. конф. «Русский язык и культура в зеркале перевода». Халкидики, 2012.
- Kalita, O.N., Garcov, A.D., Pavlidis, G.S.* Sopostavitel'nyj analiz russkix i grecheskix glagolov dvizhenija v aspekte sozdanija nacional'no-orientirovanogo mul'timedijnogo uchebnika, Xalkidiki, 2012 [Comparative analysis of the Russian and Greek verbs of motion in the aspect of the creation of a national-oriented multimedia tutorial, III International scientific-practical conference «Russian language and culture in the mirror of translation», Xalkidiki, 2012] (in Russian).
- Калита О.Н., Гарцов А.Д., Павлидис Г.С.* Учёт этнопсихологических особенностей греческих учащихся как путь оптимизации обучения русскому языку // III Междунар. науч.-практич. конф. «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе». Халкидики, 2013.
- Kalita, O.N., Garcov, A.D., Pavlidis, G.S.* Uchjot jetnopsixologicheskix osobenostej grecheskix uchashhixsja kak tut' optimizacii obuchenia russkomu jazyku. III Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Russkij jazyk v sovremennom mire: tradicii i inivacii v prepodavanii russkogo jazyka kak inistrannogo i v pereводе», Xalkidiki, 2013 [Defining the national and psychological characteristics of greek students in the process of optimizing

the teaching of the russian language, III International scientific-practical conference «Russian language in the modern world: tradition and innovation in teaching Russian as a foreign language and in translation», Chalkidiki, 2013] (in Russian).

Метс Н.А. Трудные аспекты русской грамматики для иностранцев. М.: ИКАР, 2010.

Mets, N.A. Trudnye aspekty russoj grammatiki dlja inostrancev, Moskva, izdatel'stvo IKAR, 2010 [Difficult aspects of Russian grammar for foreigners. Moscow publishing house ICAR, 2010] (in Russian).

Муравьёва Л.С. Глаголы движения в русском языке (для говорящих на англ. яз.). 6-е изд. М.: Русский язык, 1995.

Murav'eva, L.S. Glagoly dvizhenija v russkom jazyke (dlja govorjashhix na russkom jazyke), 6-e izdanie, Moskva, izdatel'stvo Rus. jaz., 1955 [Verbs of motion in Russian (for speakers of English. Lang.), 6th ed. Moscow: Publishing House of Rus. Lang., 1955] (in Russian).

Русская грамматика. М.: Наука, 1982. Т. 1.

Russkaja grammatika, Moskva, izdatel'stvo Nauka, 1982, t. 1 [Russian grammar, Moscow, Science Publishing House, 1982, Vol. 1] (in Russian).

Триантафиллу Ф., Мустайоки А., Протасова Е. Межкультурная педагогика в Греции и понтийские греки // Русскоязычный человек в иноязычном окружении. М.: Сфера, 2004.

Triandafillu, F., Mustajoki, A., Protasova, E. Mezhdunarodnaja pedagogika v Grecii i pontijskie greki, red. Ruskojazychnyj chelovek v inijazychnom okruzenii, Moskva, izdatel'stvo Sfera, 2004 [Intercultural pedagogy in Greece and Pontian Greeks, (Ed.) Russian-speaking people in the foreign language environment, Moscow, publishing house Scope, 2004] (in Russian).

Юларжи А.С., Рудых А.М. Реферат: Некоторые аспекты перевода. Разные картины мира.

Julardzhi, A.S., Rudyx, A.M. Referat: Nekotorye aspekty perevoda. Raznye kartiny mira [Abstrakt: Some aspects of translation. Different picture of the world] (in Russian).

Kalita, O., Pavlidis, G. Adjusting the Tests According to the Perception of Greek Students Who are Taught Russian Motion Verbs via Distance Learning, AIAI 10th International Conference on Artificial Intelligence Applications and Innovation. Greece, Rhodes Island, 2014.

Kalita, O., Balykxina, T., Gartsov, A., Pavlidis, G. Dimensions of an Etho-Oriented Distance Learning Methodology Greek Students who Learn Russian Language, 5th IEEE International Conference on Information, Intelligence, Systems and Applications (IISA2014). Crete, Greece, 2014.

Οικονόμου, Κ. Δοκίμιον περί της πληρεστάτης συγγενείας της σλαβονορωσικής γλώσσης προς την ελληνικήν — Πετρούπολη, 1828.

Μπορίσοβα, Τ., Πογκόσοβα, Ι., Τριανταφυλλίδου, Τ. Ρωσική γραμματική στα ελληνικά. Αθήνα: Perugia. 2013.

Μαμαλούι Σ., Τραζιάδας, Α. Γραμματική της ρωσικής γλώσσας, University Studio Press, Θεσσαλονίκη, 2003.

О.И. Костикова,

доцент, кандидат филологических наук, заместитель директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: garok@list.ru

ИСТИННОСТНЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА СКАЗКИ

Как переводить сказку? Этот вопрос наверняка задавало себе не одно поколение переводчиков, начиная с глубокой древности, в разных странах и в разные эпохи. Древнейшая дошедшая до нас сказка — египетская повесть о двух братьях — датируется XIII в. до н.э. Наличие сходства сказочных сюжетов в разных странах подтверждает мысль о «миграции» этого жанра в литературном или устном коммуникативном пространстве.

Диапазон определения сказки — от достояния детей до поэтической формулы философии жизни и культурно-исторического памятника — так же широк, как разнообразны и её функции. Рождённая в недрах устного народного творчества, сказка представляет собой особый литературный жанр с характерной установкой на вымысел, с одной стороны, и определённым образом связанный с действительностью — с другой. Эта связь определяет идейное содержание, язык, характер сюжетов, мотивов и образов. Она же лежит в основе национальных особенностей сказок, отражающих уклад жизни того или иного народа, его быт, труд, природные условия, а иногда и политическую ситуацию. В то же время сказки являются универсальным средством воспитания и познания у самых разных народов и имеют широкое бытование как во времени, так и в пространстве.

Сказочный дуализм универсального и специфического, вымысла и реальности делает сказку особым объектом с точки зрения её переноса на новую культурную, литературную, этническую почву, в иную языковую среду путём её перевода. Принимаясь за перевод сказки, переводчик ищет универсальную стратегию, стремясь принести «чужой» вымысел в «свою» реальность. Балансируя между «одомашниванием» к «очуждению», он дозирует соотношение соответствий на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровнях. Среди множества вопросов, на которые ему приходится искать и находить ответ, один лейтмотивом возвращается на каждом этапе творчества: «Кто читатель?».

Ключевые слова: перевод, сказка, интерпретирующая система.

Olga I. Kostikova,

Cand. Sc. (Philology), Deputy Director of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University; e-mail: garok@list.ru

TRANSLATING FAIRY TALES: TRUTH AND VALUE ASPECTS

What is the way to translate a fairy tale? This question might have been asked by translators of many generations since ancient times, in different countries and in different centuries. The oldest extant tale is the Egyptian *Tale of Two Brothers* that dates back to the 13th century B.C. Similar plots found in the fairy tales of different countries prove the idea that this genre «migrates» through either literary or oral transportation.

The definition given to a fairy tale that ranges from a children's patrimony to a poetic formula of life philosophy or a cultural and historical monument is as wide as varied are its functions. Born in the heart of folklore, a fairy tale is a specific literary genre based on fantasy, on the one hand, and somehow connected with reality, on the other hand. This correlation determines the ideological content, language and nature of plots, motives and images. It underpins the national traits of fairy tales that reflect the way peoples live and work, their natural environment and even the political context. At the same time, fairy tales have been a universal educational and cognitive tool for different nations, widespread both historically and geographically. This «fabulous» dualism, *the universal vs the specific, fantasy vs reality*, makes a fairy tale a subject of a special kind in terms of its transportation to a new cultural, literary and ethnic ground as well as another language environment, i.e. in terms of its translation. From domestication to foreignization, dosing a ratio of equivalents at the semantic, syntactic and pragmatic levels, a translator looks for a universal strategy to turn a «foreign» fantasy into one's own reality. Out of many questions that a translator has to answer there is one that sounds like a leitmotif at every stage of his creative work, namely «Who is the reader?».

Key words: translation, fairy tale, interpreting system.

Тема статьи возникла как реакция на собственный переводческий опыт. В течение года автору дважды довелось принимать участие в чрезвычайно увлекательном и вместе с тем трудоёмком проекте — переводе сказок с французского языка на русский. Одна книга уже вышла¹, а вторая готовится к изданию. В процессе работы над переводом у авторов возник ряд соображений теоретического и методологического характера, осмысление которых и легло в основу статьи.

С точки зрения исследовательского метода данная работа сочетает как подход, ориентированный на процесс и основанный на интроспекции, так и традиционный для переводоведения и переводческой критики ретроспективный анализ путём сопоставления результата переводческой деятельности — текста перевода — с текстом оригинала. В онтологическом плане мы вслед за Н.К. Гарбовским рассматриваем перевод как интерпретирующую системную деятельность с ключевой функцией социально-коммуникативного посредничества [Гарбовский, 2004, с. 242, 214].

Прежде чем приступить к рассмотрению проблем, связанных с конкретным актом перевода, представляется необходимым изложить несколько тезисов общего характера для уточнения специфики рассматриваемого объекта перевода, т.е. сказки как таковой, определения границ перевода как деятельности с точки зрения его задач и функций, и выявления сложившихся на основе исторического опыта доминирующих стратегий переноса сказок из одной культурно-языковой среды в другую.

¹ Сказки диких зверей / Сост. М. Пленар. Пер. с фр. О. Костиковой и Н. Гарбовского. М.: Редкая птица, 2014. 128 с.

1. Сказка как феномен человеческой культуры

Сказка представляет собой многомерный феномен человеческой культуры, как с точки зрения пространственно-временного и композиционно-сюжетного бытования, так и в плане возможностей интерпретации, разнообразия её функций и вариативности адресатов.

В обыденном сознании сказка чаще всего соотносится с литературой для детей, а в философском осмыслении, например у представителей романтизма, сказка трактуется как поэтическая формула философии жизни. Представители исторической школы рассматривали сказку как культурно-исторический памятник, а формалисты искали в ней материал для развития юридической концепции словесного искусства. Психологи обращались к сказочному материалу, интерпретируя его в своих целях, позднее сказкой заинтересовались врачи и педагоги, возникло целое направление лечения сказкой — «сказкотерапия» — с целью развития творческих способностей, расширения сознания и интеграции личности в окружающий мир.

Исследованию сказок посвящено много научных работ. Начиная с конца XIX — начала XX в., когда наука о сказке начала выделяться в самостоятельную дисциплину, учёные разных научных школ вносили свой вклад в определение этого объекта. Представители мифологической школы (Я. и В. Гримм, Ф. Буслаев, А. Афанасьев и др.) рассматривали сказку как отголосок древнего мифа, объясняя сходство явлений в фольклоре разных этносов общей для них древнейшей мифологией, унаследованной от единого предка. Приверженцев компаративизма (Th. Benfey, J. Polivka, A. Aarne, А.Н. Веселовский) интересовало совпадение сюжетных схем и отдельных мотивов в сказках евразийских (необязательно родственных) народов, которое они объясняли либо через заимствования, либо через существование общего источника. Последователи антропологической школы (Э. Тэйлор, А. Lang) разработали теорию о единой бытовой и психологической основе самозарождения сказочных сюжетов. Наконец, развитие идей структурализма (В. Пропп, Е. Мелетинский и др.) позволило дать системологическое описание сказки, раскрыть её структуру и функции и разработать на этой основе типологию.

Учёные сходятся во мнении, что сказка зародилась в недрах устного народного творчества и на ранних стадиях развития общества представляла собой один из видов мифа, выполняя производственные и религиозные функции. В этом видится её универсальный характер. На более поздних стадиях сказка становится особым ли-

тературным жанром, отличающимся специфическим композиционно-стилистическим построением и содержанием.

Прежде всего, в сказке четко прослеживается характерная установка на вымысел. Это еще одно универсальное свойство сказки, независимо от ее этнической принадлежности — она повествует о необычных в бытовом смысле событиях и апеллирует к фантазии и воображению слушателя или читателя. При этом зачастую стремится убедить адресата в истинности описываемых событий, для чего используются формулировки типа «это истинная правда» (*c'est la vérité vrai*), «истинно говорю Вам» (*c'est la vérité je vous le dis*), «и я там был...» и т.п. Ведь одна из задач сказки — (правдоподобно?) объяснить явления окружающего мира: отчего волк на луну воет, почему крокодилы не едят кур, откуда у пчелы жало, почему жуки валяются кверху лапками, почему у кабана плоское рыло и т.п.

В этом проявляется другая особенность сказки: она, как правило, определённым образом связана с действительностью, что определяет идейное содержание, язык, характер сюжетов, мотивов и образов. Эта связь лежит в основе национальных особенностей сказок, отражающих уклад жизни того или иного народа, его быт, труд, природные условия, а иногда и политическую ситуацию. Так, например, в европейских сказках о животных традиционными персонажами оказываются *лиса, медведь, заяц, волк, кошки, мыши* и т.п. За каждым закреплён свой образ, свой характер. Хотя и здесь существует определенное различие: если в русских сказках речь идет о *хитрой лисице*, то в европейских сказках выступает ее гендерный антипод — *лис*, а у эвенов северный сородич — *снежный лис* (т.е. *песец*).

Иная картина в африканских сказках, где в качестве протагонистов выступают *крокодилы, страусы, носороги, шакалы, леопарды и павианы*, в австралийских — это *игуаны и змеи*, в индейских — *бизоны и мустанги* и т.п. Индийские и индонезийские сказки повествуют о *раджах*, европейские — о *царях и королях*, в сказках северных народов встречаются *шаманы*, а в арабских — *визири*. И хотя учёные еще не пришли к однозначному выводу о том, «описывает ли сказка систему обрядов, относящихся к какой-либо определенной стадии культуры, или же её сценарий инициации оказывается «воображаемым», т.е. не связан с каким-то историко-культурным контекстом, а выражает внеисторическое архетипическое поведение психики» [см. об этом: Пропп, 1946; Элиаде], система персонажей и образов, контекст (а в некоторых случаях аллюзии и реминисценции) позволяют соотнести сказку с тем или

иным этно-географическим ареалом и выявить определённые специфические черты. Принцип бытования сказки (см. ниже) косвенным образом это подтверждает.

Таким образом, в отличие от мифа — «сказания истинного», сакрального и космогонического характера, сказка — «сказание вымышленное», скорее светского профанного характера, «отделяется от мифологического и божественного мира и «уходит» к народу» [Фрис, 1956, с. 178, цит. по: Элиаде/эл.ресурс], вплетаясь в историко-культурный контекст.

Сказочные сюжеты и образы, несмотря на их фантастичность, достаточно легко отождествляются с реальными жизненными ситуациями и учат осознавать главнейшие истины человеческой жизни. В этом ещё одна особенность сказки, относящаяся к универсалиям и придающая ей особую ценность. Имеются в виду её познавательная и воспитательная функции.

На определённом этапе исторического развития чтение сказок стало восприниматься как развлекательное действие. По мнению М. Элиаде, это свойственно только демифологизированному сознанию, в частности, сознанию современного человека. Но глубинная психика по-прежнему способна распознать сценарий инициации (его сказка унаследовала от сакрального мифа), который не теряет серьезности и продолжает передавать соответствующие заповеди и вызывать изменения. Поэтому, не отдавая себе отчета и считая, что он развлекается и отвлекается от реальности, современный человек всё ещё продолжает пользоваться воображаемой инициацией, содержащейся в сказках [Элиаде, эл. ресурс].

Видимо, не случайно психологи уже давно сходятся во мнении, что сказки — это неотъемлемая составляющая воспитания человека. Они способствуют развитию правильной речи на ранних этапах ее формирования: сказки помогают расширить словарный запас, строить связную речь, учат разговаривать не только правильно, но при этом ещё и эмоционально и образно.

С помощью сказок развивается фантазия, которую можно направить в положительное русло. Как правило, сказки несут в себе многовековую народную мудрость, при этом в них просто и ясно объясняются разные аспекты жизни человека, отделяется добро от зла. Чтение сказок формирует основы общения и поведения. Они развивают воображение и повышают творческие возможности, расширяя познание окружающего мира. Наконец, помимо усвоения основ нравственности и морали, по законам которой предстоит жить и детям и взрослым (принцип *docendo discimus* в данном слу-

чае особенно актуален), чтение сказок помогает духовному сближению детей и взрослых. В этом видится основная ценность сказки.

Таким образом, сказка как феномен человеческой культуры оказывается глубоко дуалистичной по своей природе.

Генезис сказки, её широкое бытование в историческом и географическом плане, сходство сюжетов и композиционных черт, функциональная общность характеризуют её как явление универсальное для человеческой культуры. В то же время сказкам присущ ряд специфических черт в зависимости от источника (авторская или народная сказка, литературная или фольклорная и т.п.), адресата (сказка, предназначенная для взрослых, может отличаться от детской сказки), культурно-исторического ареала, в котором сказка возникла (персонажи африканских сказок отличаются от персонажей сказок европейских, хотя зачастую являют собой одни и те же образы — хитрец, жадина, мудрец, смелый и т.п.). Сказочное повествование основано на вымысле, но обязательно имеет связь с реальностью, что делает сказку такой привлекательной для читателей, будит воображение, создаёт комфортную для сознания среду, благодаря торжеству добра над злом, раскрывает модели поведения в обществе и их последствия, объясняет мир, существующий вокруг. Наконец, являясь скорее жанром развлекательным по своему характеру, сказка в то же время является проверенным временем средством воспитания и познания у самых разных народов.

Этот сказочный дуализм, проявляющийся в оппозициях, — универсальное *vs* специфическое, вымысел *vs* реальность, людическое *vs* дидактическое — делает сказку особым объектом перевода, т.е. переноса на новую культурную, литературную, этническую почву, в иную языковую среду.

2. Перевод как социальная деятельность. Границы перевода

Что есть перевод? Определение этому виду человеческой деятельности в разное время давали философы и историки, писатели и поэты, литературоведы и лингвисты. Как справедливо отмечает М. Гидер, сложность в едином и всеобъемлющем определении перевода заключается во множественности его форм и сфер бытования. Само слово «перевод» и его производные отсылают к различным и постоянно изменяющимся явлениям [Guidère, 2013, p. 16]. В самом деле, между абстрактными определениями философов, признающих перевод единственной и основной способностью человеческого ума (А.В. Шлегель), а понимание — онтологической сущностью перевода (Дж. Стейнер) и воззрениями лингвистов и

переводоведов (см. например, определения, приведенные у Н.К. Гарбовского в книге «Теория перевода» [Гарбовский, 2004, с. 6–9]), определяющих перевод максимально скрупулезно и рельефно, но как правило фрагментарно, т.е. высвечивая ту или иную сторону определяемого объекта, находится многогранное и ускользящее явление, которое справедливо было названо «самым сложным процессом из всех, возникших когда-либо в ходе эволюции космоса» (А. Ричардс). Т. Сэйвори подтвердил этот тезис на примере известных шести парадоксов [Savory, 1957, p. 50]. А Э. Кари развил, объяснив извечную полемику вокруг основных переводческих антиномий (напр.: переводимость vs непереводимость, смысл vs форма, своё vs чужое и т.п.): «понятие перевода, в самом деле, очень сложное не только потому, что в наше время оно приобрело столь удивительную вариативность, но еще и потому, что на протяжении столетий оно постоянно менялось. Возможно, это и затрудняло размышления многих авторов, которые, соглашаясь с мнением предшественников либо оспаривая его, не замечали, что не всегда говорили об одном и том же» [Cary, 1985, p. 81].

Что же понимать под переводом? Устные и/или письменные формы²? Где заканчиваются его границы? Будут ли к нему относятся смежные виды деятельности, такие как составление глоссариев и терминологических справочников? А каков в этой связи статус адаптации и подражания? Можно ли, например, рассматривать как перевод творчество Чосера или Жуковского, которое находилось на стыке личного авторства, перевода и адаптации? Вспомним ремарку Ричарда Бентли о переводах Гомера, выполненных Александром Поупом: «Это прекрасные стихи, Мистер Поуп, но Вы не можете называть их гомеровыми».

По мнению одних ученых, возникновение перевода как деятельности связано с необходимостью в общении между народами, племенами или этническими группами, поэтому предположить возникновение перевода можно, связав его исторически с возникновением языков [Гарбовский, 2004, с. 29; Van Hoof, 1991, p. 7]. Другие полагают, что перевод возникает лишь тогда, когда появляется потребность переноса в иную культуру письменных текстов, которые изначально были созданы для того, чтобы передаваться внутри одной культуры иногда и в устной форме [De Launey, 2006, с. 14]. Несмотря на внешнее различие, в обеих позициях четко

² Ответ не столь очевиден, когда мы от русского языка, где оба вида деятельности имеют одинаковое наименование, переходим к другим европейским языкам, где для каждого вида деятельности существует свое наименование.

прослеживается общая прагматика, объясняющая суть переводческой деятельности: она возможна лишь в связи с потребностью социума, идет ли речь об устной коммуникации или о работе с письменными памятниками.

Это означает, что перевод является деятельностью социальной *sui generis* в том смысле, что она востребована, осуществляется и оценивается обществом, вернее его конкретными представителями [см. подробнее: Garbovskij, Kostikova, 2011, p. 138–141].

Кроме того, перевод текста никак не сводится к поиску эквивалентных слов и выражений исходного языка в языке перевода [Робинсон, 2007, с. 159]. Он включает в себя и общение с заказчиками (в разные эпохи это могли быть царствующие особы, богатые вельможи, меценаты, представители духовенства, издатели и т.п.), и налаживание социальных контактов (как для поиска заказов, так и для непосредственной работы — консультаций, рабочей силы, литературной обработки, редактирования и т.п.), а также научно-исследовательскую и поисковую работу, использование современных переводчику технологий (в разное время это были глиняные или деревянные дощечки со стилусом, затем папирус, пергамент, вельень и бумага, перья, ксиллограф и печатный станок, гарнитура для синхронизации восприятия устной речи и говорения в микрофон, ЭВМ, затем компьютер и т.д. и т.п.).

Это означает, наконец, что именно от общественных установок будет во многом зависеть *что, как, когда и с какой целью* будет перенесено из одной культуры в другую, станет достоянием языка и литературы, развивая и обогащая их или, наоборот, максимально приспособляясь к ним. А быть может, канет в лету, так и не получив общественного признания, или замрёт в ожидании смены культурных ориентиров, общественных установок, политической конъюнктуры и т.п.

Что же касается определения границ перевода, то в Европе, например, на смену грустному скепсису Данте в трактате Пир (1304–1307)³, закону перевода, провозглашенному Дю Белле в трактате «Защита и прославление французского языка» (1549)⁴, и пяти правилам перевода, выведенных Доле в его трактате «О способе хоро-

³ «...ни одно произведение, мусикийски связанное и подчиненное законам ритма, не может быть переложено со своего языка на другой без нарушения всей его сладости и гармонии...»

⁴ «...каждый язык имеет нечто, свойственное только ему, и если вы попытаете передать это на другом языке, соблюдая законы перевода, которые заключаются в том, чтобы не выходить за рамки, установленные автором, ваш перевод будет признанным, холодным и лишенным грации».

шо переводить с одного языка на другой» (1540), пришла эстетика классицизма, принеся с собой помимо осознания превосходства века «нынешнего над стариной», чего иначе и быть не могло в эпоху короля-солнце, увлечение рационализмом, правилами хорошего тона (этикета), в том числе и в языке, и примат общественного (салонного) поощрения в любом виде творчества. «Прекрасные неверные» оказали настолько сильное влияние на общественное сознание, что их отголоски в переводческой деятельности ощущались и продолжают ощущаться вплоть до наших дней.

Именно в тот период осознание границ перевода расширилось, что, видимо, позволило Драйдену (Dryden. J. Ovid's Epistles, 1680) предложить уже не правила перевода (как это было в предшествующие эпохи), а типологию способов перевода. Он описал её в предисловии к переводу «Понтийских посланий» Овидия (1680) — это *метафраза*, или перевод слово в слово, *парафраза*, или перевод свободный, когда переводчик не упускает из виду автора и ориентируется в большей степени на смысл, чем на форму, и *подражание*, или перевод на грани, вариация на тему оригинала.

Полтора столетия спустя о разных методах перевода задумается Ф. Шлейермахер (лекция «О разных методах перевода», прочитана 24 июня 1813 г.) и сформулирует знаменитую антитезу: «Либо переводчик оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу, либо оставляет в покое читателя, и тогда идти навстречу приходится писателю. Оба пути совершенно различны, следовать можно только одним из них, всячески избегая их смешения, в противном случае результат может оказаться плачевным: писатель и читатель могут вообще не встретиться». С этого момента на первый план выходит осознание интерпретативного характера переводческой деятельности, а антитеза позже даст рождение двум основополагающим понятиям современной теории перевода, отражающим две стратегии перевода в плане освоения «иного» — «одомашнивание», или «доместикация», и «очуждение», или «форенизация» [см.: Venuti, 1995].

Следует отметить, что осознание наличия разных способов перевода⁵, сформулированных в конце XVII в. Драйденом и получивших дальнейшее развитие в Европе (например, в Германии), отнюдь не означает, что самих способов не существовало и ранее. В частности, стратегии «одомашнивания» и «очуждения» могут быть

⁵ Речь идёт именно о способах художественного перевода, поскольку о разном подходе к переводу поэзии и научной литературы говорилось и в более ранние эпохи.

хорошо проиллюстрированы на примере перевода текстов Священного писания, начиная с «Септуагинты». На протяжении всей истории перевода библейских текстов переводчики колеблются между попыткой сделать текст доступным массовому читателю, а значит придать ему особую ценность, и сакральным свойством самого текста, где «и порядок слов есть таинство» (Бл. Иероним), а то, что «закрыто от глаз наших, сказано правильно и правдиво» (Бл. Августин), а значит сохранить неискаженной истину.

Изучение переводов сказок дает представление о подвижности границ перевода в связи с избираемой переводчиком стратегией.

3. «Внутренняя» и «внешняя» миграция как способ бытования сказки. Стратегии переноса сказок из одной культурно-языковой среды в другую

Как переводить сказку? Этот вопрос наверняка задавало себе не одно поколение переводчиков, начиная с глубокой древности, в разных странах и в разные эпохи. Древнейшая дошедшая до нас сказка — египетское повествование о двух братьях — датируется XIII в. до н.э. Сказочные реминисценции присутствуют и в аккадском эпосе о Гильгамеше, и в ассирийском — об Ахикаре, в греческом и римском эпосе — «Илиаде», «Одиссее», «Энеиде», у Плавта, Овидия, Апулея, Геродота, а также в Талмуде и Библии.

Бытование сказки — особое явление в культуре. Народные сказки передавались в устной форме и исполнялись особыми рассказчиками — сказочниками. Поэтому одна и та же сказка в устах разных исполнителей могла преобразовываться и изменяться как в зависимости от таланта и вкусов самого сказочника (субъективные причины), так и в зависимости от характера аудитории (объективные причины). Таким образом, переходя из уст в уста, сказка претерпевала творческую обработку ее носителя, который, как правило, оказывался со-автором или со-творцом. Можно говорить о своего рода «внутренней» миграции сказки, бытовавшей в нескольких вариантах. При этом на первый план здесь выступает связь личности творца с обществом: общество выбирает творческую личность и принимает её, а та создаёт определённый продукт — сказку для конкретной среды. Причём среда эта состоит отнюдь не только из детей. Так, на Руси в XVI–XVIII вв. сказочник был на службе у царей и во многих зажиточных семьях. В XIX в. существовали дворовые-сказочники. До начала XX в. сказка — любимое развлечение крестьян всех возрастов, а также рабочих, служивых и т.п. Схожая ситуация наблюдается и в других европейских странах.

Наличие сходства сказочных сюжетов в разных странах подтверждает мысль о межкультурной, т.е. внешней «миграции» этого жанра в литературном или устном переносе. Некоторые ученые, например, считали, что благодаря переводам санскритского фольклорного памятника «Панчатантра» в Европе появилась целая группа сказочных сюжетов [см. напр.: Benfey, 1859]. То же можно сказать и о сборнике восточных сказок «Тысяча и одна ночь»: сначала сказки были переведены на французский язык, а уже с французского на языки народов Европы.

Что касается русской сказки, то среда её бытования занимала промежуточное положение между Востоком и Западом, поэтому в ней обнаруживаются следы восточного влияния (Византия, Турция, Иран). Элементы русских сказок заимствовались в западную сказочную культуру: финскую, западно-славянскую, германскую. Сама же русская сказка также творчески перерабатывала известные мотивы и эпизоды в виде новых комбинаций, иногда создавая их заново, отливая в новые формы и придавая иную социальную окраску.

История внешней миграции сказок свидетельствует о том, что точный перевод был явлением крайне редким. Переносу как правило сопутствовал процесс обработки и переработки заимствуемого сюжета или мотива и его адаптация к новой воспринимающей среде. При этом «одомашнивание» происходило на уровне национального социального и бытового и переосмысления.

Так, например, если в начале эпохи средневековья европейская литература подчинила сказку своим церковно-клерикальным интересам, превратив её в поучительную притчу, то с XII в. появляются светские переводчики и переводы подчиняются уже не столько религиозным, сколько политическим задачам, как это происходило со знаменитыми романами-сказками «Рейнградт Лисица», «Ланцелет» и т.п. Речь шла о стратегии «одомашнивания» в чистом виде, так как содержание переводимого произведения максимально оказывалось «локализованным» в переводную культуру со всеми её социальными и политическими реалиями [см.: Гийом, 2011, с. 41].

Современные стратегии перевода, вышедшие на первый план к концу 90-х гг. XX в., со всей очевидностью проявляются при переводе сказок. Стратегия «одомашнивания», т.е. «адаптации» переводного материала и его приспособления к лингвистическим, национальным, социальным реалиям переводной культуры, уступает место противоположной тенденции. Переводчики стараются сохранить в своих сказочных текстах как можно больше от оригинала. Это проявляется, в частности, при работе с ономастическим пространством сказки.

Отказавшись от «одомашнивания», но и не стремясь к другой крайности — «очуждению», способному лишить сказку ее людическо-дидактической функции в силу излишней сложности и неузнаваемости, переводчик вынужден дозировать соотношение соответствий на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровнях перевода как интерпретирующей системы. Переводчик находится в поиске некоей универсальной стратегии, чтобы сделать «чужой» вымысел своей реальностью, где сказка индейцев и на русском языке останется сказкой индейцев Северной Америки со всеми присущими ей сюжетно-композиционными и лингвостилистическими особенностями. Иными словами, его задача — сохранить в переводе истинность, не утратив специфической ценности.

Среди множества вопросов, на которые ему приходится искать и находить ответ, один лейтмотивом возвращается на каждом этапе творчества: «Кто читатель?» — Ребенок? Взрослый? А если это книга «для чтения взрослыми детям» — необходимо вновь возвращаться к истокам сказки — устному творчеству, ведь тогда сказка не будет читаться, а будет звучать.

Список литературы

- Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов (т. 1–3, 1865–1869) / Репринтное издание. М.: Индрик, 1994.
- Afanasyev, Alexander.* Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izuchenija slavjanskih predanij i verovanij v svjazj s mificheskimi skazanijami drugih rodstvennyh narodov [The Slavs' Poetic Outlook on Nature: Comparative study of Slavic fables and beliefs with folk tales of related peoples] (t. 1–3, 1865–1869) / Reprintnoe izdanie, M.: Indrik, 1994 (in Russian).
- Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1861. 1196 с.
- Buslaev, Fedor.* Istoricheskie ocherki ruskoj narodnoj slovesnosti i iskusstva [Historical Essays of Russian Folk Literature and Art], Sankt-Peterburg: Tipografija tovarishhestva «Obshhestvennaja pol'za», 1861. 1196 s. (in Russian).
- Веселовский А.Н.* Опыт по истории развития христианской легенды // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. Апрель, май, 1875. С. 48–130, 283–331.
- Veselovsky, Alexander.* Opyt po istorii razvitija hristianskoj legendy [Essay on the history of Christian legend development] Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija, SPb. Aprel', maj, 1875. S. 48–130, 283–331 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

- Garbovsky, Nikolay*. Teorija perevoda [Theory of translation], M.: Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta, 2004 (in Russian).
- Гийом А.* Перевод в Средние века: чехарда смыслов / Пер. с фр. под ред. О. Костиковой // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. № 1. 2011. С. 39–66.
- Guillaume, Apollinaire*. Pervod v Srednie veka: cheharda smyslov [Translation in Middle Ages: a leapfrog of sense], Per. s fr. pod red. O. Kostikovej // Vestnik Mosk. un-ta, Serija 22, Teorija perevoda, N 1, 2011. S. 39–66 (in Russian).
- Гримм Я.* Немецкая мифология / Пер. с нем. А.А. Гугнина. М.: Директ-Медиа, 2007. 45 с.
- Grimm, Jacob*. Nemeckaja mifologija [Germanic mythology], Per. s nemeckogo A.A. Gugnina, M.: Direkt-Media, 2007. 45 s. (in Russian).
- Мелетинский Е.М.* Миф и сказка [Эл. ресурс: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky11.htm>]
- Meletinsky, Eleazar*. Mif i skazka [Myth and Tale] [Jel. resurs: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky11.htm>] (in Russian).
- Пропн В.* Исторические корни волшебной сказки. Ленинград, 1946.
- Propp, Vladimir*. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [Historical Roots of the Fairy Tale], Leningrad, 1946 (in Russian).
- Пропн В.Я.* Морфология сказки. 2-е изд. М.: Наука, 1969.
- Propp Vladimir*. Morfologija skazki [Morphology of the Folktale], 2-e izd., M.: Nauka, 1969 (in Russian).
- Робинсон Д.* Как стать переводчиком. М.: Кудиц-Пресс, 2007. 301 с.
- Robinson, Douglas*. Kak stat' perevodchikom [Becoming a translator], M.: Kudic-Press, 2007. 301 s. (in Russian).
- Тэйлор Э.* Первобытные культуры / Пер. Д.А. Коропчевского (Tylor Edward Burnett. Primitive Culture. L., 1871). Эл. ресурс: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/library/taylor/taylor.html>
- Tylor, Edward*. Pervobytnye kul'tury [Primitive Culture], Per. D.A. Koropchevskogo (Tylor Edward Burnett. Primitive Culture. L., 1871), Jel. resurs: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/library/taylor/taylor.html> (in Russian).
- Фрис Ян. де.* Размышления о сказках прежде всего в их взаимосвязи со сказаниями о героях и с мифами. Хельсинки, 1954.
- Jan de Vries*. Razmyshlenija o skazkah prezhde vsego v ih vzaimosvjazi so skazanijami o gerojah i s mifami [Observations on the Fairy Tale], Hel'sinki, 1954 (in Russian).
- Элиаде М.* Аспекты мифа [эл. ресурс: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/86078/Eliade_-_Aspekty_mifa.html]
- Eliade, Mircea*. Aspekty mifa [Aspects of myths], jel. resurs: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/86078/Eliade_-_Aspekty_mifa.html] (in Russian).
- Aarne, A.* Leitfaden der vergleichenden Märchenforschung. Hamina, 1913. 86 p.
- Benfey, Th.* Panschatantra. Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen. Leipzig, 1859. 672 p.
- Bohte, J., Polivka, J.* Anmerkungen zu den Kinder — und Hausmärchen der Brüder Grimm I Bd. 1913. II. Bd. 1915. III. Bd. Leipzig, 1918.
- Cary, E.* Comment faut-il traduire? Lille, 1985.

- Garbovsky, N., Kostikova, O.* Dimension sociologique de l'activité traduisante // La traduction: philosophie et tradition, Ch Berner, T. Milliaressi (éds.). Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 2011. P. 129–144.
- Guidère, M.* Introduction à la traductologie. Bruxelles: De Boeck, 2013. 176 p.
- Lang, A.* Customs and Myths (1885). Kessinger Publishing, 2004. 320 p.
- Launey, M. de.* Qu'est-ce que traduire? Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 2006. 125 p.
- Savory, Th.* The Art of Translation. London: Jonathan Cape, 1957. 159 p.
- Steiner, G.* Après Babel. Paris: Albin Michel, 1991. 470 p.
- Van Hoof, H.* Histoire de la traduction en Occident. Paris, Louvain-la-Neuve: Duculot, 1991. 367 p.
- Venuti, L.* The translator's invisibility: A History of Translation. Routledge, Taylor & Francis Group. London; New York, 1995. 356 p.

Е.С. Лаврентьева,

аспирантка Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: katerinken@mail.ru

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматривается проблема перевода языковых элементов политического текста, выполняющих функцию манипулятивного воздействия на адресата. Анализируются пути организации языковых средств в политическом дискурсе для придания легитимного характера действиям адресанта послания с помощью создания образа врага и эксплуатации базовой оппозиции «свои — чужие». Воздействующий потенциал стратегий легитимации вскрывается благодаря проведению критического дискурс-анализа с учётом структуры дискурса насилия. На основе анализа параллельных текстов выступления генерального секретаря НАТО по украинскому вопросу определяются помехи на этапах декодирования смысла исходного сообщения и перевыражения его для иноязычной аудитории, препятствующие достижению функциональной эквивалентности и сохранению перлокутивного эффекта текста оригинала.

Ключевые слова: дискурс-анализ, манипуляция, образ врага, политический дискурс, речевое воздействие.

Yekaterina S. Lavrentyeva,

Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: katerinken@mail.ru

MANIPULATIVE LEGITIMATION IN POLITICAL DISCOURSE: TRANSLATION OF PERSUASIVE CONTENT

The article focuses on the issue of translation of those language means in political texts which exert manipulative influence on the addressee. The author analyzes ways to organize language means in political discourse with the view of bringing legitimacy to actions of the addresser by creating enemy images and exploiting the basic opposition of self/other. Persuasive potential of these strategies is disclosed due to the use of critical discourse-analysis while taking into consideration the structure of discourse on violence. Translation difficulties on stages of decoding and encoding of the original meaning for comprehension and further transfer to foreign recipients are identified due to analysis of parallel texts of speech by NATO Secretary General on the current situation in Ukraine. The study of these translation difficulties is of paramount importance as far as they present obstacles in the way of achieving functional equivalence and preserving of perlocutive effect of the original text.

Key words: discourse analysis, enemy image, language persuasion, manipulation, political discourse.

Важную проблему для перевода представляет передача высказываний, направленных на оказание речевого воздействия на адресата с целью изменения его знаний, установок и поведения. В политической коммуникации аспекты воздействия приобретают особую значимость в силу её направленности на сплочение сторонников выдвигаемой политической программы и обеспечение победы над противником, придерживающимся иных взглядов. Данные цели политической коммуникации осуществляются благодаря последовательному развёртыванию стратегий воздействия с привлечением средств экспрессии и семантических приёмов реализации манипулятивного воздействия. Перед переводчиком встаёт сложная задача по определению воздействующего потенциала высказываний в политическом дискурсе и их адекватной передаче. Успешное разрешение переводческих трудностей возможно после знакомства с наиболее частотными стратегиями воздействия в политической коммуникации, изучения их функций и примеров конкретной реализации.

По мнению К. Шмитта, все политические действия и мотивы можно свести к различению «друга» и «врага», которое даёт определение политическим понятиям через критерий принадлежности к тому или иному полюсу: «Все политические понятия, представления и слова имеют полемический смысл; они предполагают конкретную противоположность, привязаны к конкретной ситуации, последнее следствие которой есть (находящее выражение в войне или революции) разделение на группы “друг — враг”, и они становятся пустой и призрачной абстракцией, если эта ситуация исчезает. Такие слова, как “государство”, “республика”, “общество”, “класс” и, далее, “суверенитет”, “правовое государство”, “абсолютизм”, “диктатура”, “план”, “нейтральное государство” или “тотальное государство” и т.д., непонятны, если неизвестно, кто *in concreto* должен быть поражен, побежден, подвергнут отрицанию и опровергнут посредством именно такого слова» [Шмитт, 1992, с. 46]. Автор также постулирует идею о том, что понятия «друг», «враг» и «борьба» получают смысл лишь в силу их соотнесённости друг с другом и сохранения связи с возможностью насилия. В рамках драматургического подхода к коммуникации, предложенного К. Берком, политика трактуется как символическая интеракция в социальном контексте. Анализ политической коммуникации основывается на учёте ключевых мотивов (иерархия, вина, принесение в жертву и избавление) [Burke, 1966]. В политическом дискурсе с установкой на насилие реализацию этих мотивов можно представить на основе развёртывания стратегий легитимации: стратегия *определение ситуации* описывает существующий порядок с точки

зрения адресанта коммуникации, стратегия *самопрезентации* эксплуатирует дискурс жертвы для оправдания/положительной характеристики поведения адресанта (сознание собственной вины может трансформироваться у агрессора в представление о жертвенном характере своего поведения, что и находит отражение в дискурсе жертвы, или в иктимном дискурсе), стратегия *негативной репрезентации* направлена на поиск и обличение «врага». *Избавление* представлено лишь в случае окончательной победы над оппонентом и выражается в использовании лозунгов и других черт жанра агитационной речи.

Важно отметить, что апология насилия может требовать привлечения «языка вражды» для демонизации политического оппонента. Подобное языковое насилие может выражаться как с помощью речевых актов, выполняющих директивные прагматические функции (угрозы, требования, регуляции, инструкции), так и принимать манипулятивный характер, скрываясь за имплицитно выраженными оценочными суждениями. Создание «образа врага» путём упрочения стереотипного восприятия оппонента в атмосфере нагнетаемого страха способно подорвать моральные принципы, удерживающие человека от совершения насилия. С. Кин приводит наиболее часто используемые в пропаганде стереотипные представления, которые можно условно обозначить как «архетипы»: «агрессор», «преступник», «варвар», «насильник», «враг бога», «чужой», «мучитель», «палач», «достойный противник», «смерть» [Keen, 1986]. В целях демонизации «врага» могут использоваться уничижительные клички и словесные ярлыки. Что касается апологии собственного поведения, то здесь наиболее часто используются псевдоэвфемизмы, скрывающие за нейтральными понятиями отрицательный смысл происходящего явления, а также целые когнитивные механизмы, призванные легитимировать деструктивные действия. Важно учитывать, что «враг» демонстрирует нежелательные или запрещённые в социальной группе способы поведения, которые могут породить череду подражателей, поэтому направленная против него риторика оперирует образами отступника и предателя, чтобы призвать членов общества к солидарности.

Легитимация собственной точки зрения и рекомендуемых/осуществляемых действий, принимающих подчас насильственный характер по отношению к другим игрокам на политической арене, крайне необходима для снискания расположения у аудитории. Л.Д. Гудков отмечает, что в дискурсе политического лидера «“Высшее благо” — неопределённое счастье и благополучие большинства (в пределе всего народа или даже человечества), отодвинутое в пред-

восхищаемое будущее, становится источником разрешительных санкций на насилие и преступление в настоящем» [Гудков, 2004, с. 578].

Неотъемлемым свойством политического дискурса является его установка на театральность, связанная с сознанием политическими игроками значения адресата-наблюдателя. Наличие аудитории оказывает влияние на коммуникативное поведение адресанта: «Политики, общаясь друг с другом и журналистами, постоянно помнят о “зрительской аудитории” и намеренно или непроизвольно лицедействуют, “работают на публику”, стараются произвести впечатление и “сорвать аплодисменты”» [Шейгал, 2000, с. 92]. Это обстоятельство выражается лингвистически в использовании перформативных и императивных высказываний, принимающих самые различные формы обращения к адресату: просьбы, угрозы, призывы и т.д.

Помимо употребления риторических фигур и стилистических средств для создания в тексте необходимой экспрессии авторы политических посланий прибегают к семантическим приёмам манипулятивного воздействия, создавая речевые импликатуры и маскируя ассертивные высказывания под пресуппозитивные.

Данные особенности политической коммуникации можно проследить на основе анализа выступления генерального секретаря НАТО по поводу ситуации на Украине.

Стратегия *определение ситуации* необходима для представления точки зрения адресанта относительно происходящих событий. Во вступительном предложении отправитель послания занимает позицию советчика, используя лексический повтор для усиления: *“Now more than ever, it’s important that we listen to one another and talk to one another”* (*Сегодня более чем когда-либо важно, чтобы мы слушали друг друга и разговаривали друг с другом*). В переводе отмечается буквальная передача структуры предложения несмотря на то, что сочетание «более чем когда-либо» можно передать антонимичным аналогом «как никогда». Лексемы «listen» и «talk» призваны положительно характеризовать адресанта, указывать на его готовность к ведению диалога. Информирование о встрече и последующее использование перформатива «welcome» направлены на продолжение стратегии положительной самопрезентации адресанта. (*«We have just had a meeting of the NATO-Russia Council on the security situation in and around Ukraine. And we **welcome** the holding of this meeting» / Мы только что провели заседание Совета Россия–НАТО посвящённое обстановке безопасности в Украине и вокруг неё. И мы **приветствуем** проведение этой встречи.*) Тема заседания получает следующее определение: «the security situation in and around Ukraine» /

«обстановка безопасности в Украине и вокруг неё». Предложенный вариант перевода не отражает семантическую полноту оригинального словосочетания, поэтому отсутствующие значения необходимо восполнить с помощью экстралингвистических знаний о ситуации на Украине, заменив «обстановку безопасности» на «угрозы безопасности». Оригинальное высказывание в переводе можно сформулировать как «внутренние и внешние угрозы безопасности Украины», чтобы уйти от излишнего буквализма.

Высказываемая позиция содержит лексемы с негативной оценочностью для характеристики действий оппонента, выступая одновременно в качестве стратегии положительной самопрезентации стран-членов НАТО. Ассертивные высказывания преподносятся в качестве пресуппозиций (*the illegal and illegitimate annexation of Crimea*), навязывая аудитории точку зрения адресанта. В данном фрагменте прослеживается также апелляция к консенсусу («*all Nato allies*»), придающая легитимность проводимой политике. Экспрессивный эффект усилен при помощи аллитерации лексем с негативной оценкой («*illegal and illegitimate*») и использовании перформатива «*condemn*» и находит эквивалентное отражение в переводе. (*All NATO Allies made clear that we **condemn** the **illegal and illegitimate annexation** of Crimea and *Allies* will not **recognize** it.* / *Все страны НАТО дали понять, что мы **осуждаем незаконное и нелегитимное присоединение** Крыма и что **союзники не признают его.**)* Событие получает яркую отрицательную характеристику «*annexation*», которая передаётся в данном фрагменте переводчиком как «присоединение», хотя впоследствии будет избран вариант «аннексия» (при выражении эксплицитной критики действий России).

Стратегия положительной самопрезентации эксплуатирует дискурс жертвы, который последовательно разворачивается благодаря употреблению антитезы, синонимичных пар и сравнений. Предложенное России положение характеризуется как «привилегированное», а взятые на себя странами НАТО обязательства получают наименование «беспрецедентных». Маркер темпоральности («*for many years*») позволяет адресанту придать своим действиям статус привычного поведения, а не случайных и единичных акций. (*For many years NATO has used every opportunity to improve and further develop our relations with Russia. We have consistently worked for cooperation, not confrontation. In fact, we have offered Russia a more privileged partnership than to anybody else around the world. We have made unprecedented pledges imposing restraint on our military posture, and we have kept them.* / *В течение многих лет НАТО использовала любую возможность для улучшения и развития отношений с Россией. Мы*

последовательно работали в направлении сотрудничества, а не конфронтации. Действительно, мы предложили России более привилегированное партнёрство, чем какой-либо другой стране в мире. Мы взяли беспрецедентные обязательства, накладывающие ограничения на построение нашей обороны, и мы выполняли их.)

В текст вводятся погодные метафоры («all-weather», «the climate») для создания яркого образного представления о происходящей ситуации. Форум получает свойство «всепогодный» в русском варианте, что верно передаёт семантическую наполненность оригинального определения, призванного описывать успешное функционирование форума при любых политических условиях. «Климат» представляет собой уже более устойчивое явление, которое в отличие от «погоды» не подвержено мгновенным переменам. Проведение аналогии между сложившейся атмосферой проходящих форумов и «не самым благоприятным» климатом призвано рисовать в воображении аудитории яркий образ непогоды, подводя адресата сообщения к главному обвинению, усиленному при помощи лексического повтора (в переводе отсутствует): *And frankly, the climate at the moment is not good — not because NATO wants it that way, but because of Russia's illegal aggression against Ukraine.* / *И, откровенно говоря, климат в настоящий момент не самый благоприятный, не потому что НАТО так хочет, а из-за незаконной агрессии России против Украины.* Благодаря вводной конструкции «and frankly» (вступительные слова для преподнесения своего видения ситуации, которое перестаёт быть субъективным мнением, а получает статус признания) и разговорного выражения («to want something one's way») автор создаёт атмосферу доверительности. Кроме того, помимо открытого обвинения России в происходящей ситуации адресант имплицитно утверждает, что НАТО, в отличие от России, не стремится к ухудшению международной обстановки, давая положительную оценку действиям блока.

Стратегия негативной репрезентации оппонента проводится с использованием перфектных конструкций, направленных на последовательную характеристику оппонента как «нарушителя правил», «отступника». Смысловой повтор «commitments — pledges» передан на русский повтором лексемы «обязательства». Обвинение выражается эксплицитно: в первом предложении для этой цели применяется антитеза, далее следует последовательное изображение оппонента, нарушающего общественно признанные нормы («territorial integrity», «political independence»). («*However our partnership with Russia has been based on commitments — and Russia has not kept its pledges. Russia has threatened its neighbours, and used force against them.*

It has not respected the territorial integrity or political independence of other countries. / Однако наше партнёрство с Россией основано на обязательствах, а Россия не выполняет своих обязательств. Россия угрожает своим соседям и применяет против них силу. Она не уважает территориальную целостность и политическую независимость других стран».) Выбор глаголов в настоящем времени, а не глаголов совершенного вида в прошедшем времени при переводе перфектных конструкций превращает выдвигаемые обвинения в универсальные высказывания и генерализации. Цель адресанта послания заключалась в констатации фактов нарушений основополагающих принципов, причём здесь трудно переоценить значение игровой метафоры. Подчёркиваемая автором готовность к диалогу и заключительные слова речи недвусмысленно указывают на то, что нарушения воспринимаются как намеренные отступления от правил политического игрока, который тем не менее может изменить образ действий. Переводческий выбор нарушает логику речи генерального секретаря, трактуя «игру не по правилам» в качестве хабитуса российской власти. (*We want to improve the climate, but to do that Russia must show that it is prepared to play by the same rules as everybody else. / Мы хотим улучшить климат, но для этого Россия должна показать, что готова играть по тем же правилам, что и все остальные.*)

В рамках политического дискурса часто используется опора на базовые ценности и потребности (мир, безопасность), а также эксплуатация страхов (терроризм). Генеральный секретарь эксплицитно выражает поддержку политики Украины, одновременно осуждая действия России: *We stand firm in our support for Ukraine's sovereignty, independence and territorial integrity. We do not and will not recognize Russia's armed annexation of Crimea. / Мы решительно поддерживаем суверенитет, независимость и территориальную целостность Украины. Мы не признаём и не будем признавать вооружённую аннексию Россией Крыма.* В переводе стёртая антропоморфная метафора (to stand firm), создающая образ сильного защитника, выступающего против агрессора, компенсируется характеристикой действия («решительно»). События в Крыму описываются как «вооружённая аннексия». Перформативы «stand firm / поддерживаем» и «do not recognize / не признаем» реализуют стратегию театральности, эффект которой усиливается за счёт использования конструкции с расщеплённым предикатом (do not and will not recognize / не признаём и не будем признавать).

Синтаксический параллелизм конструкций направлен на реализацию базовой оппозиции политического дискурса «свои — чужие»: «We stand firm in our support / We do not and will not recognize / And

we strongly support», которые передаются на русский язык при переводе первой и третьей конструкций вариантом, ещё более усиливающим создаваемый эффект, то есть повтором высказывания «мы решительно поддерживаем». (*And we **strongly support** Ukraine's right to choose its own **path** for the future. This is a fundamental principle of **international law and Euro-Atlantic security.** / И мы **решительно поддерживаем** право Украины выбирать свой **путь** в будущее. Это один из основополагающих принципов **международного права и евроатлантической безопасности.**)* Заключительное предложение служит не для информирования аудитории, а для завершения речевой имплицатуры: «Действия России — это нарушение международного права и угроза евроатлантической безопасности».

Апология насилия, выступающая в качестве составной части дискурса насилия, в явном виде отсутствует в тексте. Тем не менее выдвижение требований, получающих легитимацию в процессе выступления оратора, представлено в ультимативной форме: *We **call on** Russia to withdraw its troops fully and verifiably from Ukraine's border, with additional international inspections. To stop the flow of arms and fighters into Ukraine. To condemn armed separatists and use its influence for the freeing of OSCE monitors taken hostage. / Мы **призываем** Россию осуществить полный отвод своих войск от границы Украины, поддающийся проверке дополнительными международными инспекциями. Прекратить поток оружия и боевиков в Украину. Осудить вооружённых сепаратистов и использовать своё влияние для освобождения взятых в заложники наблюдателей ОБСЕ.* В данном фрагменте обращает на себя внимание перформатив «urge», за которым следуют безличные предложения-требования, диктующие волю адресанта. Ассертивные высказывания маскируются под пресуппозитивное утверждение того, что Россия поставляет оружие и боевиков на территорию Украины, поддерживает сепаратистов и может оказывать на них влияние. Однако наиболее любопытным представляется текстуальное приравнивание сепаратистов к террористам: несмотря на отсутствие эксплицитного обвинения сепаратистов в захвате в заложники наблюдателей ОБСЕ, само построение текста и контекстуальное соседство «сепаратистов» и «заложников» создаёт речевую имплицатуру, выполняющую манипулятивную цель адресанта.

В заключительном абзаце генеральный секретарь НАТО, используя тактики создания доверительности (Let me be clear), проводит стратегию самооправдания. (*Let me be clear. All the measures that NATO is taking are defensive, moderate, proportionate, transparent, and fully compliant with our international commitments, including the Founding Act. / Позвольте мне чётко заявить: все меры, которые при-*

нимают НАТО, являются оборонительными, умеренными, пропорциональными, транспарентными и полностью соответствуют нашим международным обязательствам, включая Основополагающий акт.) В целях легитимации блока адресант прибегает к внушительному перечислению свойств проводимых действий, которые объединяются под значением «умеренные и вынужденные».

Анализ параллельных текстов позволяет заключить, что переводчик последовательно передаёт аллитерацию, лексические и стилистические повторы, сохраняя экспрессивность оригинала. Варианты «присоединение — аннексия» используются переводчиком в зависимости от имплицитности/эксплицитности высказываемого обвинения. Буквальное следование английскому тексту приводит к сохранению синтаксических структур оригинала, а не к их замене более привычными для российской аудитории аналогами. Все перформативы переданы эквивалентно, за исключением антропоморфной метафоры «to stand firm», но это допущение нельзя вменить в вину переводчику в силу стёртого характера данной метафоры. Переводчик не использует свои экстралингвистические знания для расшифровки смысла лексем с определённым артиклем (the climate) и сочетаний, способных вызвать двоякое толкование (the security situation). Коммуникативную цель оригинала нарушает перевод перфектных конструкций глаголами настоящего времени, что приводит к появлению генерализаций и универсальных высказываний, выполняющих манипулятивную функцию воздействия вопреки воле автора.

Список литературы

- Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М.: Новое литературное обозрение, ВЦИОМ-А, 2004. 816 с.
- Gudkov, L.D. Negativnaja identičnost' [Negative identity], М.: Novoe literaturnoe obozrenie, VCIOM-A, 2004. 816 s.
- Шейгал Е.И. Театральность политического дискурса // Единицы языка и их функционирование. Саратов: СГАП, 2000. Вып. 6. С. 92–96.
- Shejgal, E.I. Teatral'nost' političeskogo diskursa [The staginess of political discourse] // Edinicy jazyka i ih funkcionirovanie, Saratov: SGAP, 2000, Вып. 6. S. 92–96.
- Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. М.: АДАПТ, 1992. Т. 1. № 1. С. 37–67.
- Shmitt, K. Ponjatie političeskogo [The Concept of the Political] // Voprosy sociologii, М.: ADAPT, 1992, Vol, 1. N 1. S. 37–67.
- Burke, K. Language as Symbolic Action. Berkeley, CA: Univ. of California Press, 1966. 532 p.
- Keen, S. Faces of the Enemy: Reflections on the Hostile Imagination. San Francisco. Harper & Row, 1986. 200 p.

North Atlantic Treaty Organization [Электронный ресурс] / Генеральный секретарь излагает позицию НАТО по российско-украинскому кризису. June, 2, 2014. Режим доступа: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_110643.htm?selectedLocale=ru

North Atlantic Treaty Organization [Jelektronnyj resurs] / General'nyj sekretar' izlagaet poziciju NATO po rossijsko-ukrainskomu krizisu [Secretary General sets out NATO's position on Russia-Ukraine crisis]. June, 2, 2014. Rezhim dostupa: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_110643.htm?selected-Locale=ru

North Atlantic Treaty Organization [Электронный ресурс] / Secretary General sets out NATO's position on Russia-Ukraine crisis. June, 2, 2014. Режим доступа:http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_110643.htm?selected-Locale=en

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

С.В. Власенко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры международного публичного и частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); e-mail: svlasenko@hse.ru

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ДИЛЕММЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И УНИФИКАЦИИ ПОНЯТИЯ¹

В статье анализируется понятие «переводческий дискурс», для которого отсутствует общепринятая дефиниция, что приводит к разночтению и несогласованному пониманию в переводоведении. Сложность унификации обусловлена тем, что содержание базовых терминов «перевод» и «дискурс» неоднократно пересматривалось и уточнялось, чем и объясняется существующее в научных кругах многообразие трактовок. Предлагаемое определение переводческого дискурса основано на результатах ряда современных лингвистических и смежных исследований отечественных и зарубежных учёных. Переводческий дискурс определяется в терминах критического анализа дискурса, социокультурных контекстов и коммуникативных практик.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная практика, дискурсивное мышление, контекст, переводоведение, переводческий дискурс, таксономия переводоведения, текст.

Svetlana V. Vlasenko,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Public and Private International Law Department, Faculty of Law, National Research University — Higher School of Economics (NRU HSE), Moscow; e-mail: svlasenko@hse.ru

TRANSLATION DISCOURSE: DILEMMAS OF DEFINING AND UNIFYING THE CONCEPT

The paper attempts to delineate the notion of «translation discourse» which lacks a generally accepted definition, thus entailing diverse treatments and inconsistencies in understanding by and across scholarly communities engaged in translation studies. The

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования по проекту 15-05-0015 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2015 г. с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Автор выражает благодарность д-ру филологических наук К.Я. Сигалу (Институт языкознания РАН) за важные комментарии, сделанные на этапе подготовки статьи.

complexity of defining and unifying the notion is necessitated by the multiple revisions of the basic terms «translation» and «discourse». Research findings in current national and foreign linguistics and related studies are used to analyze the definition of translation discourse, which is largely handled in terms of critical discourse analysis, social and cultural contexts, and communicative practices.

Key words: context, discourse, discursive practices, discursive thinking, text, translation discourse, translation studies, translation taxonomies.

Бахтин был первым, кто настаивал на необходимости «металингвистики»... — науки, которая занимается текстом и выходит за пределы предложения, на котором традиционный лингвистический анализ должен заканчиваться. Исследование «дискурса», или обширных отрезков речи, стало важной областью лингвистики за последние десятилетия. Не вполне ясно, удастся ли выделение её в особую науку.

Вяч. Вс. Иванов, 2004

Попытка унифицировать содержание понятия, составляющего предмет настоящей статьи, — переводческий дискурс, вызвана разнородностью трактовок данного понятия и расхождениями в понимании ключевых концептов «перевод» и «дискурс», которые подвергались многократному пересмотру и адаптации к изменяющимся переводческим практикам в рамках становления общепереводческой парадигмы. В статье анализируется только базовое понятие «дискурс» как определяемый компонент терминосочетания, для которого отсутствует общепринятая дефиниция в среде учёных, изучающих проблематику переводоведения, межкультурной коммуникации и теории дискурса; перевод анализируется преимущественно как процесс.

Исследуя статус и значимость дискурса как объекта научного исследования, А.А. Кибрик утверждает, что «люди разговаривают между собой дискурсами, а не предложениями и тем более не морфемами или фонемами». Лингвист ратует за самостоятельность данного направления, указывая, что «дискурсивный анализ² представляет собой уровневый раздел лингвистики наряду с фонетикой, морфологией и синтаксисом» и что «предметом этого раздела являются языковые составляющие потенциально неограниченного объёма — целые дискурсы» [Кибрик, 2009, с. 3]. В целях настоящей статьи заслуживает внимания следующее мнение А.А. Кибрика:

«Процесс переноса интереса с синтаксиса на дискурс ещё далеко не завершён и не отрефлексирован, но представляется, что это необратимый процесс. Все большее число лингвистов разделяет мне-

² Согласно А.Н. Баранову и др., дискурсивный анализ — то же самое, что анализ дискурса или дискурс-анализ [Баранов и др., 2001, с. 111].

ние, что исключение единиц “больших, чем предложение” из сферы науки о языке отнюдь не идёт на пользу. А если такие единицы начинают рассматриваться как respectable объект научного анализа, то недалеко и до осознания простого факта: дискурс — это единственный заведомо реальный лингвистический объект» [там же, с. 3].

Значимые признаки переводческого дискурса, несомненно, подлежат постоянному пересмотру и тщательной инвентаризации по мере эволюции коммуникативных процессов вследствие их активной компьютеризации, стремительно охватывающей и переводческую деятельность. Дискурсивные признаки перевода как одной из форм межкультурной и межъязыковой коммуникации априори требуют от участников коммуникации пересекающихся знаний и (или) профессионального интереса к переводимому контенту, некоего общего знаменателя в культуре, если таковой отсутствует в языках коммуникантов. Осознание (или знание) переводчиком дискурсивных признаков и оперирование ими в процессе перевода способны детерминировать процесс принятия решений. Показательным примером переводческих решений в ходе работы над франкоязычными текстами служат интроспективные наблюдения, описанные в виде обобщенного опыта переводческой рефлексии философом языка и переводчицей с французского Н.С. Автономовой [Автономова, 1994, 2008].

Альтернативные переводческие решения в условиях неопределённости: ‘дискурс — дискурсия — дискурсивный’

Перевод книг французских структуралистов, среди которых Мишель Фуко, позволил Н.С. Автономовой сделать ряд важных выводов. Учёный-философ априорно склонен к глубокому анализу концептуально сложных проблем, а ответственность за межъязыковую передачу поистине знакового исследования, каким является работа «Слова и вещи» М. Фуко (1966), усилила глубину проведенного анализа. Ниже следует описание Н.С. Автономовой тех сложностей и связанной с ними рефлексии, которыми сопровождался перевод ключевого слова настоящей статьи «дискурс». Благодаря своей эмпирической природе, тонкой переводческой интроспекции и глубокой рефлексии над переводимым материалом, сделанные учёной выводы о процессах означивания широкозначного слова имеют взрывчатую силу «свидетельских показаний». Эти выводы достаточно иллюстративны и аргументированы³:

³ Невзирая на объёмность цитаты, полагаем её релевантность для понимания ключевой проблематики настоящей статьи высокой, что делает правомерным цитирование без сокращений. — С.В.

«Все факты, все атомы культуры, представляющиеся неделимыми, подвергаются делению, все они вписываются в контекст речевых или “дискурсивных” практик. “Дискурсивный” у Фуко не значит “рациональный”, “логический” или “языковой” в собственном смысле слова. Дискурсия — это срединная область между всеобщими законами и индивидуальными явлениями, это область условий возможности языка и познания. Дискурсивные практики, по Фуко, не исключают других видов социальной практики, но, напротив, предполагают их и требуют выявления сцеплений между ними. Исследования дискурсивных практик и дискурсивных ансамблей, возникающих как их результат, должны показать, по каким исторически конкретным правилам образуются объекты тех или иных наук (ибо они не находятся ни в “словах”, ни в “вещах”); как строятся высказывания (ибо они не подчиняются ни трансцендентальному субъекту, ни индивидуальной субъективности, но лишь безличному субъекту дискурсии); как задаются понятия (посредством связи дискурсивных элементов на допонятийном уровне — путём пересечения, подстановки, смещения, выведения, совместимости — несовместимости и др.); каким образом совершаются выборы тех или иных мыслительных ходов (в тех случаях, когда, казалось бы, одинаковые условия равно допускают прямо противоположные решения)» [Автономова, 1994, с. 26].

В связи со сказанным знаменательно и другое наблюдение переводчицы, которая детализирует свои переводческие тактики, указывая на осознанность и последовательность выбора собственных переводческих решений в процессе означивания термина *discours*, часто используемого М. Фуко:

«“Discours” — одно из самых употребительных слов у Фуко. Оно не поддаётся однозначному переводу на русский язык. Там, где оно не имеет явного терминологического смысла, его приходится переводить “речь”, изредка “рассуждение”. Там, где оно употребляется как термин, причём термин исходный и неопределяемый, <...> приходится переводить его словами “дискурсия”, “дискурс”, “дискурсивный”. В поздних работах Фуко значение этого слова ещё более расширяется и покрывает, по существу, всю совокупность структурирующих механизмов надстройки в противоположность “недискурсивным” — экономическим, техническим — механизмам и закономерностям» [там же, с. 26].

Много позже Н.С. Автономова делает немаловажное утверждение о том, что «реальная практика перевода, чем дальше, тем больше, отказывается от однозначных решений. Это относится и к главному вопросу — о переводимости и взаимопереводимости: речь идёт скорее о мерах, степенях, о некоем асимптоматическом

приближении к оригиналу, и при этом об интенциях, тенденциях, установках переводчиков» [Автономова, 2008, с. 494–495]. Эти наблюдения содействуют пониманию переводческого процесса как практики, основанной на принятии решений по выбору из достаточно определённого и (или) вовсе не определённого числа альтернатив в целях декодирования (распредмечивания) и последующего означивания смысла, порождённого автором(ами), фонд знаний которых может оказаться несопоставимым, мало сопоставимым или условно сопоставимым с фондом знаний переводчика(ов). Этот отнюдь не новый факт дает основания рассматривать процесс перевода как практику принятия решений в условиях неопределённости, степень которой зависит непосредственно от границ дискурса, т.е. ситуации восприятия переводчиком оригинала (текста) и макроконтекста порождения и перевода в некоторых предметных рамках, необходимых и достаточных для принятия переводческих решений [Власенко, 2006, с. 28, 31].

Четверть века назад Я. Мейсон и Б. Хатим предприняли серьёзную попытку осмыслить перевод в терминах дискурс-анализа с привлечением аппарата этого анализа к исследованию практической переводческой деятельности. Ученые утверждали, что логико-информационный подход к проблемам перевода позволит рассматривать «языки в контакте». Акцентируя значимость социального контекста, они выделили в понятии контекста коммуникативный, прагматический и семиотический аспекты, демонстрируя на разных языках действие контекстуальной составляющей на качество перевода, т.е. контекстную зависимость переводческих решений [Mason, Hatim, 1990].

Переводческий дискурс как герменевтическая практика

Несмотря на заметную эволюцию понятия «дискурс» за последние десятилетия, оно остаётся ключевым для анализа речевых реализаций языка. Расширились исследовательские интересы лингвистов в изучении отраслевых дискурсивных практик, а именно: экономического, военного, медицинского, религиозного, медийного (вариант — массмедийного) и др. Однако исследование переводческого дискурса ограничивается преимущественно художественным, включая поэтический (среди других см.: [Гарбовский, 2012; Иванов, 2007; Ковынева, 2014; Куницына, 2009; Кушниина, 2009; Мишкурлов, 2012]).

Е. Ковынева анализирует переводческий дискурс на примере русскоязычных переводов стихов Э.М. Ремарка, выделяя следую-

щие основные элементы: «информацию переводчика об изучении языковой творческой личности автора, изложение принципов, использованных при воссоздании оригиналов средствами русского языка, примечания к оригиналам и переводам и сам корпус переводов» [Ковынева, 2014]. Другими словами, в понятие переводческого дискурса включаются собственно тексты переводов, а также вводные и (или) заключительные комментарии переводчика. Лучшими примерами такого понимания могут служить собрания сочинений зарубежных классиков, снабжённые автобиографическими данными, перепиской авторов, черновиками, фотографиями рукописей, а также книги мемуарного жанра из серии «Литературные памятники» и многочисленные работы антиковедов, включая переводческие комментарии к культууроёмким единицам оригиналов (термин наш. — *С.В.*), созданных в предшествующие или древние эпохи, в контекстах последующего времени и пространства чужих культур. Для иллюстрации последних назовем отечественного византолога-антиковеда С.В. Полякову, исследования которой опубликованы в формате культурологических, исторических и философских комментариев к собственным переводам с древнегреческого (см., например: [Евмафий Макремволит, 2008])⁴.

Наряду с этим указанные текстовые приращения к переводам в терминах лингвистики текста позволяют говорить об образовании *метатекста*, т.е. текста о тексте, и *гипертекста*, т.е. основного текста с дотекстовыми (*авантекст*), внутритекстовыми (*интра-текст*) и послетекстовыми (*посттекст*) комментариями; в терминах прагматики текста дотекстовые и послетекстовые приращения могут также квалифицироваться как *экзотекст* по отношению к основному *эндотексту*. Полагаем возможным расценивать разнообразие протяженного терминологического ряда дериватов, описывающих и характеризующих тексты (*n-тексты*)⁵, как стремление лингвистов, философов языка и семиотиков, являющихся представителями мегадискурсивного пространства соответствующих дисциплин, полнее и точнее сформулировать дефиницию базового понятия «текст», зафиксировав посредством словообразовательных средств важные и ранее не учитывавшиеся признаки и свойства текстов.

⁴ О необходимости переводческого комментария как техники эскорта культууроёмких единиц оригинала (включая антропонимы), которая реализуется в форме дотекстовых, внутритекстовых или послетекстовых комментариев, см.: [Власенко, 2011].

⁵ О продуктивности словообразовательной модели с корнем 'текст' см. [Литвиненко, 2007, 2008].

Отношение «дискурс—текст»

В связи со сказанным возникает вопрос о степени уместности описания 'дискурса' через 'текст', учитывая гиперо-гипонимические отношения этих понятий или, как утверждают многие переводоведы, их родовидовые отношения. Здесь уместно сослаться на мнение Н.К. Гарбовского, который, выстраивая доминантное в структуре переводческой деятельности соотношение «перевод—смысл», небезосновательно указывает на важность отношений «общее — частное»⁶:

«Переводчик не проникает непосредственно в суть вещей, представленных в оригинальном, исходном, тексте, он оперирует отражённым объектом, сталкиваясь с сознанием автора. Ему следует расшифровать авторское понимание описываемых вещей <...>. Проблема заключается в необходимости разграничения общего и частного в переводе. Процесс перевода представляет собой череду операций, которые состоят в восприятии частного опыта автора исходного речевого произведения через обобщённое представление о денотате, которое рождает в сознании переводчика на основе его собственного когнитивного опыта также частное представление о предмете мысли и речи автора, которое может вовсе и не совпадать с авторским» [Гарбовский, 2010, с. 111].

Через 'текст' определяет 'дискурс' Н.Д. Арутюнова: «Дискурс — связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте... Дискурс — это речь, «погруженная в жизнь»» [Арутюнова, 1990а, с. 136—137]. Согласно А.Н. Баранову и др., существует ряд трактовок дискурса, который в одном из пониманий — совокупность тематически, культурно или как-либо ещё взаимосвязанных текстов, допускающая развитие и дополнение другими текстами; в другой трактовке дискурс — общение, рассматриваемое как реализация определённых дискурсивных практик [Баранов и др., 2001, с. 111]. Полагаем, что под дискурсивными практиками можно с большой долей вероятности подразумевать разные модусы и способы порождения и использования текстов, включая обмен текстами и (или) текстовыми кластерами.

⁶ Аналогичное мнение выразил Ю.А. Найда в частном разговоре после одной из лекций по переводу в МГЛУ (1989). Американский переводовед акцентировал важность описания случаев, когда переводчик вынужден заменять общее частным или частное общим в целях достижения прагматической эквивалентности, т.е. той, которая ориентирована на получателя переводческого продукта и, вследствие этого, максимально учитывает возможности целевой аудитории воспринимать порождаемый переводчиком текст.

В ином ключе рассматриваемое понятие трактуется Г.Д. Воскобойником, автором общей когнитивной теории перевода [Воскобойник, 2004]. Согласно переводоведу, существуют «дискурсы профессиональных переводчиков, критиков и комментаторов перевода, специалистов по межкультурной коммуникации и студентов, обучающихся переводу [там же, с. 10]. Данное утверждение позволяет индивидуализировать смысловую составляющую принимающей аудитории, реципиентов переводческого продукта, помимо профессиональных переводчиков, которые могут взаимодействовать как в ходе профессиональной деятельности, так и за рамками деятельности. Кроме того, данная теория позволяет выделить также паратермодческие аспекты, включая участников дискурсивных практик — субъектов, воспринимающих и оценивающих перевод. Наряду с этим автор теории трактует собственно переводческий дискурс следующим образом: «вербальное представление переводческой эпистемы по результатам работы над конкретными произведениями коммуникации»; дополняя это определение пояснениями о том, что переводческий дискурс формируется в условиях оппозиции «позитивистское vs феноменологическое тождество», в рамках которой действуют следующие статусные оппозиционные признаки: 1) персональность vs институциональность дискурса; 2) объективные vs субъективные принципы аргументации; 3) центральный концепт текста ИЯ vs центральный концепт переводческого дискурса; 4) объём переводческого тезауруса vs объём переводческого дискурса; 5) симметричные переводческие решения vs линейные отклонения от последовательности текста ИЯ [там же].

Высокая степень абстракции представленной теории переводческого дискурса как составляющей общей когнитивной теории перевода оправдана высоким уровнем обобщения, однако если учесть, что в большинстве исследовательских концепций и словарных трактовок дискурс приравнивается к тексту, кластеру или совокупности текстов (как, например, вышеописанная Е. Ковыневой поэзия Э.М. Ремарка), то ряд перечисленных выше статусных признаков представляется недостаточно детализированным. Кроме того, в составе перечисленных признаков есть такие, которые видятся не оппозиционными, а, напротив, достаточно гомогенными.

Широкий взгляд на концептуальное наполнение рассматриваемого понятия высказывает Э.Н. Мишуров, полагающий, что современный этап развития переводоведения обусловил введение терминопонятия «переводческий дискурс»⁷, структура которого

⁷ Э.Н. Мишуров указывает на параллельное название дискурса — «переводной дискурс», отсылая к работе Н.К. Гарбовского [Гарбовский, 2012] и объясняя это расхождением в трактовке понятия и его объёме.

включает «реальные переводы некоего оригинала — старые и новые, — экспертно-переводческие (филолого-текстологические, когнитивно-лингвистические, этнопсихолингвистические, лингво-культурологические, аксиологические и пр.) комментарии и критику, редакторскую правку и другие компоненты переводческой эпистемы (в частности, сценические вариации переводов драматургических и иных художественных произведений и т.п.)» [Мишкuroв, 2012, с. 13–14]. Последняя составляющая — «компоненты переводческой эпистемы», — важна, так как отражает одно из наиболее широких толкований рассматриваемого явления, позволяющее учесть многообразие компонентов переводческого дискурса. Принципиально соглашаясь с мнением переводоведа, предложим для понятия «переводческая эпистема» альтернативное название — «метадискурсивная переводческая эпистема». Такое название позволяет проиллюстрировать понятие «межсемиотический перевод», выделенный Р.О. Якобсон в знаковом очерке «О лингвистических аспектах перевода» [Jakobson, 1959, p. 232]. Примеры межсемиотического перевода находим в вышеприведенных компонентах переводческой эпистемы, это — сценические вариации переводов драматургии и т.д., которые и есть воплощения метадискурсивной переводческой эпистемы.

Анализируя переводческий дискурс, Л.В. Кушни́на и Е.В. Аликина наполняют его иным смыслом, утверждая, что «переводческий дискурс может приобретать разные формы» и что «одной из форм его проявления выступает переводческое пространство, которое включает в себя шесть полей: три поля субъектов переводческой коммуникации (автора, переводчика, реципиента) и три текстовых поля (содержательное, энергетическое, фатическое)» [Кушни́на, Аликина, 2010, с. 47]. Переводоведы предлагают модель переводческого пространства, в каждом поле которого «формируются свои смыслы (фактуальный, модальный, рефлексивный, эмотивно-эмпатийный, культурологический, индивидуально-образный)» [там же]. Это определение развернуто в антропоцентрической части, что позволяет связывать автора, переводчика и реципиента в субъектные пересекающиеся поля. Полагаем такой взгляд системным и значимым, учитывая, что признание переводчика полноправным субъектом межъязыковой коммуникации до сих пор делается с определёнными оговорками. В этой связи характерно появление так называемого «социального перевода» — активно развивающегося за рубежом отдельного направления переводоведения, которое обращает на себя внимание именно «полевыми» приложениями деятельности переводчика безотносительно к традиционной предметно-тематической таксономии.

Таксономическая карта переводоведения: место таксона дискурсивности в переводческих практиках

Одним из последствий отсутствия единого понимания переводческого дискурса является разнонаправленность онтологических трактовок переводческих практик, которую демонстрируют зарубежные переводоведы. Так, появление и бурное развитие «социального перевода» (среди прочих см.: С. Ваденшё, К. Кару, Г. Миккельсон, Р.Э. Романчик, С. Хейл в: [Романчик, 2011; Hale, 2011; Mikkelson, 1996; Ozolins, 2010; Romantšik, Karu, 2014; Wadensjö, 2011]) отражает положение, при котором разные переводческие практики, таксономически объединявшиеся прежде в таксоны по принадлежности переводимых текстов к предметно-тематическим областям, стали классифицироваться по иным критериям, в частности, по целевой аудитории, представленной потребителями переводческого продукта. Под предметно-тематическим критерием понимается отнесение типов переводимых текстов к традиционным отраслям знания, а именно: экономика, право, машиностроение, спорт и т.п. Формирование таксонов переводоведения изначально согласовалось именно с этим подходом, вследствие чего в течение многих десятилетий в переводе различали художественный, научно-технический, специальный (военный, юридический и т.п.) переводы и устный/письменный модусы их реализации. Следуя такой таксономии, переводчики делились на художественных, включая поэтических, научно-технических, военных, медицинских и т.п.

В последние десятилетия стала очевидной необходимость выделения ряда самостоятельных отраслевых переводческих практик, каждую из которых можно рассматривать как специальную переводческую дискурсивную практику, реализация которой связана со знанием и активным использованием языков для специальных целей. К сферам реализации таких дискурсивных практик, совпадающих с быстро развивающимися отраслями деятельности, в частности, относятся следующие полидискурсивные практики по предметно-тематической таксономии: *финансовая* и *финансово-экономическая*; *медицинская*⁸, *юридическая*, *религиозная* и *спортивная*.

Инфраструктурные и институциональные аспекты. Высокая специализация отраслей знаний и стремительное проникновение информационных технологий как в профессиональные, так и в бы-

⁸ Укажем на британского переводоведа С.Э. Райт, которая ставит медицинский перевод в один ряд с научно-техническим, не только сохраняя ранее принятую предметно-тематическую таксономию переводоведения, но и развивая ее [Wright, 2011].

тийные сферы жизни отразились на ситуации, сложившейся с таксономической картой переводоведения таким образом, что, по всей видимости, дальнейшее дробление предметных зон на таксоны стало терять всякую целесообразность. При этом, однако, сдвиги в понимании структуры и инфраструктуры переводческой отрасли, массовость которой неуклонно возрастает, требуют обоснования и унификации базовых критериев оценки продуктивности как самой переводческой деятельности, так и качества переводческого продукта.

Иными словами, можно констатировать процесс вымывания «лингвистической» составляющей в пользу «деятельностной», что предполагает среди прочего эмпирический анализ переводческих практик и условий их осуществления, включая инфраструктурные и институциональные аспекты. Полагаем, что сюда следует включать следующие вопросы инфраструктуры переводческой деятельности: правовая защита переводческого продукта, статус переводчика в межъязыковой коммуникации и более широкие права переводчиков в социуме, что предполагает наличие профессионального союза, гильдии или иных институционализированных форм, организации и оплаты труда, а также координации переводческой деятельности посредством кодексов профессиональной этики в сочетании с этическими нормами и (или) правилами языкового посредничества и т.п.

Дискурсивная концептуализация языковых форм как дискурсивное мышление

Комментируя подход Кассирера к метафорическому мышлению, Н.Д. Арутюнова выделяет понятие «дискурсивное мышление», которое представляет интерес для целей переводоведения:

«[Кассирер] различал два вида ментальной деятельности: метафорическое (мифопоэтическое) и дискурсивно-логическое мышление. Дискурсивно-логический путь к концепту состоит в ряде постепенных переходов от частного случая к всё более широким классам. Приняв в качестве отправной точки какое-либо эмпирическое свойство предмета, мысль пробегает по всей области бытия (отсюда термин “дискурсивное мышление”), пока искомый концепт не достигнет определенности» [Арутюнова, 1990б, с. 19].

Понятие дискурсивного мышления может оказаться инструментальным для переводоведения, в особенности в части разработки лингводидактики перевода, поскольку определённые дискурсивные практики осуществляются в столь сложных предметных областях, что общность знаний участников дискурса может оказаться труднодостижимой [Власенко, 2014, с. 19–20]. В этой связи уместно

ещё одно определение дискурса, а именно: «вид речевой коммуникации, предполагающий рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни и единственным своим мотивом имеющий достижение взаимопонимания» [Баранов и др., 2001, с. 111]. Если связать это определение с определением дискурсивного мышления, станет очевидной значимость развития такого мышления у переводчиков, готовящихся к работе в разных деятельностных контекстах. Представляется целесообразным включение контекстологии как отдельного направления для эффективности дидактических программ подготовки и переподготовки переводчиков. Заслуживает также внимания когнитивная модель дискурса [Йокояма, 2005].

На безусловную корреляцию триады смысл—текст—язык указывают многие философы языка, исследователи семиотики и герменевтики (среди прочих см.: [Барт, 1989; Налимов, 1989; Эко, 2006; Есо, 1984, 1999, 2004, 2012а, б]), акцентируя широкий экзистенциальный контекст, требующийся для понимания отношений между компонентами триады. Так, утверждение Р. Барта, исследовавшего природу текстов, практически не приближает нас к пониманию взаимоотношений по линии язык — текст — дискурс. Противопоставляя текст языку как «воинствующему топосу», структуралист постулирует атопичность текста, возражая против трактовки текста как разновидности «коллективного дискурса» и «универсального дискурса», выражающего всеобщность смыслов вследствие наступления эпохи массовой культуры [Барт, 1989, с. 493, 562].

Б. Хатим широко использует само понятие дискурса [Hatim, 2013, p. 13, 34, 95], а также целую палитру производных сочетаемостных комбинаций, например: *дискурсивный стиль* (discourse style [ibid., p. 82]), *дискурсивный модус* (mode of discourse [ibid., p. 212]), *заданный текстом дискурс* (discourse enabled by text [ibid., p. 119–120]), *дискурс в переводе* (discourse in translation [ibid., p. 141–144]), *триада жанр—текст—дискурс* (genre—text—discourse triad [ibid., p. 130–136, 203–206]), *целевой дискурс* или *дискурс принимающего языка* (target discourse [ibid., p. 222]), *дискурсивный универсум* (universe of discourse [ibid., p. 155, 227]), а также *дискурсивные практики* (discursive practices [ibid., p. 215–225]) и *дискурсивная компетентность* (discursive competence [ibid., p. 178]).

Зарубежные переводоведы трактуют дискурс преимущественно как устный модус реализации переводческих практик, что следует из их работ, отражая устойчивую тенденцию принципиального разграничения устного и письменного модусов переводческой деятельности. Так, в частности, австрийский переводовед Ф. Пёххакер, изучающий устный перевод как отдельный исследователь-

ский объект в рамках переводоведения (см. одноименную работу «Interpreting Studies» 2004 г.), не приводит определения переводческого дискурса как такового, но включает в оборот переводоведения дискурсно-ориентированные элементы: *дискурсивный анализ* (discourse analysis [Pöchhacker, 2004, p. 78–79, 126, 203, 209]), *управление дискурсом* (discourse management [ibid., p. 133, 187]), *процесс обработки [переработки] дискурса* (discourse processing [ibid., p. 95, 102]) и *исследования дискурса* (discourse studies [ibid., p. 44, 49–50, 77–79]); эти элементы приравнены к *дискурсологии* или *дискурсивному анализу / текстовому анализу* (discourse studies или discourse analysis / text analysis [ibid., p. 44, 66, 83, 209]).

Аналогичный подход к пониманию «дискурса» находим у Д. Катана [Katan, 2012], рассматривающего перевод в разных контекстах, где дискурс фигурирует с атрибутивной лексемой «устный» (*oral discourse* [ibid., 2012, p. 99–100, 293–294, 310–313]).

Тён ван Дейк о дискурс-анализе в аспекте анализа контекста

Т. ван Дейк включает письменный модус в понятие дискурса, что отличает его подход от подходов многих зарубежных исследователей дискурса. Дискурсу и его взаимоотношению с текстом, контекстом и макроструктурами знаний Т. ван Дейк посвятил несколько монографий, среди которых в целях нашего анализа укажем на «Дискурс и контекст» [Dijk, 2010]. Определяя взаимодействие дискурса и контекста и описывая понятие «дискурс» через понятие «контекст», автор выделяет в последнем метаязыковые и семиотические признаки [ibid., p. 116–117], а собственно «контекст» понимается как «экстерналия» — внешняя ситуация, разложимая на эпизоды и служащая плацдармом для протекания дискурса, реализуемого устно или письменно в сочетании с любыми семиотическими аспектами коммуникативного события (в российской парадигме — коммуникативного акта). При этом дискурс есть выразитель, экспликатор контекста при условии, что контексты в социокогнитивном смысле лежат в основе понятия «дискурс» и что признаки контекста детерминируют часть дискурсивного значения [ibid., p. 131].

Подход Т. ван Дейка лишь подчёркивает значимость, которую придает контекстам Ю.А. Найда в исследовании перевода процессуально и результативно [Nida, 2001], активизируя недостаточно широко используемую переводоведами категорию релевантности, предложенную Грайсом в качестве максимы успешной коммуникации и лежащую в основе переводческой теории релевантности Э.А. Гатта [Gutt, 2010].

Наряду с вышесказанным зарубежные переводоведы используют понятие переводческого дискурса в контексте дискурс-анализа для исследования социокультурных конвенций и коммуникативно-прагматической составляющей [Munday, 2012, p. 136–155]. Согласно Андре Лёфевру (André Lefevere), перевод образует *дискурсивную сферу*, включающую весь фонд переводов и обслуживающие этот фонд знания и компетенции. При этом полагается, что собственно переводческая деятельность есть не что иное, как *дискурсивная деятельность*, основанная на системе литературных конвенций и функционирующая в сети институционального и социального посредничества, что обуславливает и формирует традиции создания текстов (см. обзор в энциклопедической статье: [Asimakoulas, 2011, p. 241–245]).

Широкосзначность понятия ‘переводческий дискурс’ и его непосредственные составляющие

Термин «дискурс» характеризуется очевидной широкосзначностью и входит в разряд той лексики, которую Ю.А. Найда называл *semantically open-ended* (букв. «семантически незамкнутая»). Дискурс — далеко не единственное широкосзначное понятие в огромном многообразии научных исследований и соответствующих понятийно-категориальных аппаратов. Вследствие этого «дискурс» может и должен быть охвачен рамками дефиниции в границах того или иного лингвистического направления, для которого дискурс как практика, вид деятельности и (или) научная парадигма является онтологически значимым.

Исходя из семантической незамкнутости базового понятия, полагаем возможным предложить следующее толкование «переводческого дискурса», содержание которого может быть представлено в виде совокупности шести следующих компонентов: (1) переводческие парадигмы в текущем и ретроспективном состоянии; (2) техника межъязыкового перевода: модели, принципы, средства и методы; (3) корпуса текстов переводов, а также сформированные корпуса параллельных текстов оригиналов и переводов в разных комбинациях языковых пар, независимо от времени создания переводов; (4) переводческие практики, включая правовой статус переводчиков, занятых в разных отраслевых практиках, кодекс(ы) и принципы этических норм, форумы переводчиков; (5) диверсифицированная образовательная инфраструктура и (6) социокультурный контекст взаимодействия переводчиков, переводоведов, работодателей и реципиентов переводческого продукта.

Таким образом, в отсутствии общепринятого понимания под *переводческим дискурсом* предлагаем в общем смысле понимать *метадискурсивную переводческую эпистему* как сложный эпистемический конструкт, включающий совокупность вышеназванных шести составляющих, которые могли бы быть приняты в качестве отправной точки для выработки согласованного и (или) унифицированного определения понятия в целях общего переводоведения в условиях стремительно меняющегося глобального ландшафта переводческой деятельности.

Заключение

Описанная в настоящей статье понятийная рассогласованность в толковании понятия «дискурс» не могла не повлиять на трактовку понятия «переводческий дискурс». Следует учесть, что отсутствие единой трактовки сказывается не только на осознании переводоведами актуальности и значимости своих исследований, но обуславливает приоритизацию внутривереводческих проблем таким образом, что существует опасность рассмотрения маргинальных путей в качестве магистральных. Не претендуя на тотальность охвата проблемы определения понятия «переводческий дискурс», статья суммирует ряд аналитических и эмпирических наблюдений за многообразными переводческими практиками как практиками прежде всего дискурсивными.

В широком смысле под переводческим дискурсом понимается вся деятельность переводчика в контексте соответствующей эпохи, национальной школы, предписывающей стратегические направления развития отрасли, сформированных традиций обмена опытом и взаимодействия с коллегами, наставничества, нацеленного на передачу профессионального мастерства, и ученичества, поглощающего наработки маститых коллег-переводчиков в разных областях знаний и сферах деятельности. Для коллег, живших в эпоху СССР, переводческий дискурс включает советское и постсоветское пространство как набор деятельностных контекстов и исследовательских парадигм, разработка которых была обращена на решение наиболее сложных аспектов переводческой деятельности.

Подводя итог сказанному, подчеркнём, что содержание понятия «переводческий дискурс» не может не включать контексты реализации конкретных дискурсивных практик, в которых осуществляется переводческая деятельность, поскольку они во многом определяют статус переводческой профессии, общественное мнение относительно профессии и её представителей в стране и в мире, а также функциональность институциональной сети союзов, ас-

социаций, компаний и посредников, пользующихся и (или) предлагающих переводческие услуги на современном рынке, обслуживающем профессиональную коммуникацию. Вследствие этого, уточнение и, если не унификация, то, по меньшей мере, согласование объёма понятия «переводческий дискурс», могло бы способствовать дальнейшему исследованию сложной природы межъязыкового перевода как метадискурсивной области познания.

Список литературы

- Автономова Н.С.* Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // М. Фуко. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой (Ориг.: Foucault, Michel. Les Mots et Les Choses. Une Archéologie des Sciences Humaines. Paris: Callimard, 1966). СПб.: А-сэд, 1994. С. 7–27.
- Avtonomova, N.S.* Mišel' Fuko i jeho kniga "Slova i vešči" [Michel Foucault and his book 'Words and Things'], M. Foucault. Slova i vešči. Archeologija humanitarnyh znanyj [Foucault, Michel. Les Mots et Les Choses. Une Archéologie des Sciences Humaines. Paris: Callimard, 1966], perevod s francuzskogo V.P. Vizgina, N.S. Avtonomovoj, SPb.: A-cad, 1994. S. 7–27 (in Russian).
- Автономова Н.С.* Познание и перевод: Опыты философии языка / РАН. Ин-т философии. М.: Росспэн, 2008.
- Avtonomova, N.S.* Poznanyje i perevod: Opyt filosofyi jazyka [Cognition and Translation: Experiments in Language Philosophy], RAN. Institut filosofyi, M.: Rosspen, 2008 (in Russian).
- Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990а. С. 136–137.
- Arutjunova N.D.* Diskurs [Discourse], Lingvističeskij enciklopedičeskij slovar', M.: Sovetskaja enciklopedija, 2990a. S. 136–137 (in Russian).
- Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры: перевод с разных языков. М.: Прогресс, 1990б. С. 5–32.
- Arutjunova N.D.* Metafora i diskurs [Metaphor and discourse], Teorija metafory: perevod s raznyh jazykov, M.: Progress, 1990b (in Russian).
- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989.
- Bart, R.* Izbrannyje raboty: Semiotika. Poetika [Bartes, Roland. Selected Works: Semiotics. Poetics], perevod s francuzskogo / Sostavlenije, obščajaja redakcija i vstupitel'naja statja G.K. Kosikova, M.: Progress, 1989 (in Russian).
- Власенко С.В.* Переводческий комментарий как техника эскорта русского имени в англоязычную культуру: на примере английской версии эпистолярных мемуаров «Двадцать писем к другу» Светланы Аллилуевой (1967) // Мир русского слова. 2011. № 2. С. 44–57.
- Vlasenko, S.V.* Perevodčeskij kommentarij kak tehnika eskorta russkogo imeni v anglojazičnuju kul'turu: na primere anglijskoj versii epistoljarnyh memuarov 'Dvadcat' pisem k drugu' (1967) [Translator's Notes as Technique for Escorting a Russian Name into the English-Speaking Culture: English Version

- of Epistolary Memoires *Twenty Letters to a Friend* by Svetlana Alliluyeva (1967)], Mir Russkogo Slova, 2011, N 2. S. 44–57 (in Russian).
- Власенко С.В.* Переводческий дискурс на рубеже веков: к 90-летию со дня рождения д-ра филологии, проф. А.Д. Швейцера // Мир русского слова. 2014. № 3. С. 16–28.
- Vlasenko S.V.* Perevodčeskij diskurs na rubeže vekov: k 90-letiju so dnja roždenija doktora filologii, professor A.D. Shveitsera [Translation Discourse at the Turn of the Centuries: In Homage to Prof. Alexander Shveitser on his 90th Anniversary], Mir Russkogo Slova, 2014, N 3. P. 16–28 (in Russian).
- Воскобойник Г.Д.* Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2004.
- Voskoboinik, G.D.* Lingvofilosofskije osnovanija obščej kognitivnoj teorii perevoda [Lingistic and Philosophic Fundamentals of the General Cognitive Translation Theory], Avtoreferat dissertacii na soiskanie stepeni doktora folologičeskich nauk, M.: Moscow State Linguistic University, 2004 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Перевод и смысл: к постановке вопроса // Труды Высшей школы перевода (ф-та) Моск. ун-та. Кн. 1. 2005–2010. М.: Изд-во Высшей школы перевода МГУ, 2010. С. 107–111.
- Garbovskij, N.K.* Perevod i smysl: k postanovke voprosa [Translation and Meaning: Towards Defining the Subject-Matter], Trudy Vysšej školy perevoda (fakulteta) Moskovskogo universiteta. Kniga 1. 2005–2010, M.: Izdatel'stvo Vysšej školy perevoda MGU, 2010. S. 107–111 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Русский переводной дискурс: миф или реальность // Русский язык и культура в зеркале перевода. М.: Изд-во Высшей школы перевода МГУ, 2012. С. 130–136.
- Garbovskij, N.K.* Russkij perevodnoj diskurs: mif ili real'nost' [Russian Translation Discourse: Myth or Reality], Russkij jazyk i kul'tura v zerkale perevoda, M.: Izdatel'stvo Vysšej školy perevoda MGU, 2012. S. 130–136 (in Russian).
- Евмафий Макремволит.* Повесть об Исминии и Исмине / Пер. с древнегреч. Софьи Поляковой: Мемориальное издание / Сост. Н.С. Горелов, Г.Е. Лебедева. СПб.: Алетейя, 2008.
- Евмафий Макремволит.* Povest' ob Isminii i Ismine [Tale on Ismina and Ismin]; perevod s drevnegrečeskogo Sophjy V. Poljakovoj / Memorial Collection; comp. by N.S. Gorelov, G.E. Lebedev, SPb.: Aleteja, 2008 (in Russian).
- Иванов Вяч.Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. М.: Языки восточных культур, 2004.
- Ivanov, Vjač. Vs.* Lingvistika tretjego tysjačetytja [Linguistics in the Third Millennium. Questions to the Future], M.: Jazyki vostočnych kultur, 2004 (in Russian).
- Иванов Н.В.* Интертекст — метатекст: культура, дискурс, язык // Языковые контексты: структура, коммуникация, дискурс: материалы межвузовской научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации / Военный университет Министерства обороны РФ. 2007. М.: Книга и бизнес, 2007. С. 43–50.
- Ivanov N.V.* Intertekst — metatekst: kultura, diskurs, jazyk [Intertext — metatext: kulture, discourse, language], in: Jazykovyje konteksty: struktura, komunikacija, diskurs: materialy mežvzovskoj naučnoj konferencii po

- aktual'nym problemam jazyka i komunikacii / Voennyj universitet Ministerstva oborony RF, M.: Kniga i biznes, 2007 (in Russian).
- Йокояма О.* Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов / Авторизованный пер. с англ. Г.Е. Крейдлина. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Yokoyama, O.* Kognitivnaja model' diskursa i russkij porjadok slov [Discourse Cognitive Model and Russian Word Order] / Avtorizovannyj perevod s anglijskogo G.E. Kreidlina, M.: Jazyki slavyanskoj kultury, 2005 (in Russian).
- Кибрик А.А.* Модус, жанр и параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
- Kibrik, A.A.* Modus, žanr i parametry klassifikacii diskursov [Modus, genre and discourse classification parameters], Voprosy jazykoznanija, 2009, N 2. S. 3–21 (in Russian).
- Ковычева Е.* Переводческий дискурс как форма преодоления межкультурных барьеров (рецепция поэзии Э.М. Ремарка в России) [Available online at: <http://www.em-remarque.ru/library/perevodcheskiy-diskus.html> (accessed: 11.01.2014)] (in Russian).
- Ковычева, Е.* Perevodčeskij diskurs kak forma preodolenija mežkulturnych bar'ero'v (recepcija poezii E.M. Remarka v Rossii) [Translation discourse as a way to overcome intercultural barriers (E.M. Remark's poetry perception in Russia)] [Available online at: <http://www.em-remarque.ru/library/perevodcheskiy-diskus.html> (accessed: 11.01.2014)] (in Russian).
- Куницына Е.Д.* Шекспир — Игра — Перевод: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2009.
- Kunicina, E.D.* Šekspir — Igra — Perevod [Shakespeare — Play — Translation]: monographija, Irkutsk: IGLU, 2009 (in Russian).
- Кушникова Л.В.* Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства: монография. Пермь, 2009.
- Kušnina, L.V.* Teorija garmonizacii: opyt kognitivnogo analiza perevodčeskogo prostranstva [Harmonization Theory: Experience in Cognitive Analysis of Translation Space]: monographija, Perm, 2009 (in Russian).
- Кушникова Л.В., Аликина Е.В.* Система оценки качества устного последовательного перевода в свете теории гармонизации // Вестник Пермского ун-та. 2010. Вып. 4 (10). С. 46–51 [Available at: http://www.rfp.psu.ru/archive/4.2010/kushnina_alikina.pdf (accessed: 12.01.2015)] (in Russian).
- Kušnina, L.V., Alikina, E.V.* Sistema ocenki kačestva ustnogo posledovatel'nogo perevoda v svete teorii garmonizacii [A system for assessing consecutive interpretation quality in light of harmonization theory], Věstnik Permskogo universiteta, 2010, N 4 (10). S. 46–51 [Available online at: http://www.rfp.psu.ru/archive/4.2010/kushnina_alikina.pdf (accessed: 12.01.2015)] (in Russian).
- Литвиненко Т.Е.* Типы «текстов» в современных гуманитарных исследованиях // Вопросы филологии. 2007. № 4. С. 272–280.
- Litvinenko, T.E.* Typy «tekstov» v sovremennyh gumanitarnyh issledovanyjach [Types of «texts» in current humanitarian research], Voprosy jazykoznanija, 2007, N 4. S. 272–280 (in Russian).
- Литвиненко Т.Е.* Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста: монография / Иркутский гос. лингвистический ун-т. Иркутск: ИГЛУ, 2008.

- Litvinenko, T.E.* Intertekst v aspekte lingvistiki I obščej teorii teksta [Intertext within Linguistics and General Text Theory Perspectives]: monografija / Irkutsk State Linguistic University, Irkutsk: IGLU, 2009 (in Russian).
- Мишкuroв Э.Н.* Язык, «языковые игры» и перевод в современном лингво-философском и лингвокультурологическом осмыслении // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22, Теория перевода. 2012. № 1. С. 5–15.
- Miškurov, E.N.* Jazyk, «jazykovyje igry» i perevod v sovremennom lingvofilosofskom i lingvokulturologičeskom osmysleni [Language, «language games» and translation in modern linguistic, philosophic, and cultural studies perspectives], Vestnik Moskovskogo universiteta, Seryja 22, Teoryja perevoda, 2012, N 1. S. 5–15 (in Russian).
- Налимов В.В.* Теория понимания // В.В. Налимов. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. М.: Прометей, 1989. С. 124–133.
- Nalimov, V.V.* Teoryja ponimanya [Theory of understanding], V.V. Nalimov, Spontannost' soznanya: Verojatnostnaja teoryja smyslov i smyslovaja arhitektonika lichnosti, M.: Prometej, 1989. S. 124–133 (in Russian).
- Романчик П.Э.* Community interpreting: вариативность терминологического соответствия в русском языке // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV: Развитие и вариативность языка в современном мире. II / Отв. ред. О.Н. Паликова. Тарту, 2011.
- Romanščik, R.E.* Community interpreting: variativnost' terminologičeskogo sootvetstvija v russkom jazyke [Community interpreting: variability of terminological correspondences in Russian], Humaniora: Lingua Russica. Trudy po russkoj i slavjanskoj filologii. Lingvistika XIV: Razvitye i variativnost' jazyka v sovremennom mire. II / Otvetstvennyj redaktor O.N. Palikova, Tartu, 2011 (in Russian).
- Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Пер. с итал. А.Н. Коваля. СПб.: Симпозиум, 2006.
- Eco, U.* Skazat' počti to že samoje. Opyty o perevode [To Say Almost the Same. Experiences in Translation], perevod s italjanskogo A.N. Kovalja. [Dire quasi la stessa cosa. Esperienze di traduzione. Milano: Bompiani, 2003]. SPb.: Simpozium, 2006 (in Russian).
- Asimakoulas, Dimitris.* Rewriting, in: Routledge Encyclopedia of Translation Studies. 2nd ed. / M. Baker and G. Saldanha (eds.). L.; N.Y.: Routledge, 2011. P. 241–245.
- Dijk, Teun A.* Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Eco, Umberto.* Semiotics and the Philosophy of Language. London: Macmillan, 1984.
- Eco, Umberto.* Kant and the Platypus. Essays on Language and Cognition / Translated from Italian by Alastair McEwen. London: Secker & Warburg, 1999.
- Eco, Umberto.* Mouse or Rat? Translation as Negotiation. L.: Weidenfeld & Nicolson, 2004.
- Eco, Umberto.* Experiences in Translation / Translated from Italian by Alastair McEwen. Toronto; Buffalo; L.: University of Toronto Press, 2012a.

- Eco, Umberto.* Absolute and Relative, in: Umberto Eco. *Inventing the Enemy and Other Occasional Writings* / Translated from Italian by R. Dixon. L.: Harvill Secher, 2012b. P. 22–43.
- Hale, Sandra.* Public Service Interpreting, in: *The Oxford Handbook of Translation Studies* / K. Malmkjær and K. Windle (eds.). 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 343–357.
- Hatim, Basil.* *Teaching and Researching Translation*. 2nd ed. Harlow: Pearson, 2013.
- Gutt, E.-A.* *Translation and Relevance: Cognition and Context*. Manchester & Boston: St. Jerome Publishing, 2010.
- Jakobson, Roman.* On Linguistic Aspects of Translation, in: *On Translation* / Brower, Reuben Arthur (ed). Cambridge, Massachusetts. Harvard University Press, 1959. P. 232–239.
- Mason, Ian, and Hatim, Basil.* *Discourse and the Translator. Language in Social Life Series*. L.; N.Y.: Longman, 1990.
- Mikkelsen, H.* The Professionalization of Community Interpreting, 1996 [Available at: <http://www.acebo.com/papers/PROFSLZN.HTM> (accessed: 26.10.2014)].
- Munday, Jeremy.* *Introducing Translation Studies. Theories and Applications*. 3d ed. L.; N.Y.: Routledge, 2012.
- Nida, Eugene A.* *Contexts in Translating*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Ozolins, U.* Factors that determine the provision of Public Service Interpreting: comparative perspectives on government motivation and language service implementation, 2010 [Available at: http://www.jostrans.org/issue14/art_ozolins.php (accessed: 26.10.2013)].
- Pöhhacker, Franz.* *Introducing Interpreting Studies*. L.: Routledge, 2004.
- Romantšik, Romasz Erlend, Karu, Katrin.* Establishment of the Institution of Social Service Interpreting: Conditions, Problems and Prospects, in: *Procedia — Social and Behavioral Sciences: XXV Annual International Academic Conference on Language and Culture*. Tomsk, 2014. P. 353–359 [Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042814056122> (accessed: 11.12.2014)].
- Wadensjö, Cecilia.* Community Interpreting, in: *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* / M. Baker and G. Saldanha (eds.). 2d ed. L.; N.Y.: Routledge, 2011. P. 43–48.
- Wright, Sue Ellen.* Scientific, Technical, and Medical Translation, in: *The Oxford Handbook of Translation Studies* / K. Malmkjær and K. Windle (eds.). 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 243–261.

Лексикографические источники

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Михайлов М.Н., Паршин П.Б., Романова О.И.* *Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике*. 2-е изд., исп. и доп. М.: Азбуковник, 2001.
- Baranov, A.N., Dobrovolskij, D.O., Michailov, M.N., Paršin, P.B., Romanova, O.I.* *Anglo-russkij slovar' po lingvistike i semiotike* [English–Russian Dictionary of Linguistics and Semiotics], 2nd rev. ed. Moscow: Azbukovnik, 2001.

Власенко С.В. Теория и практика перевода в сфере профессиональной коммуникации: толковый словарь // Власенко С.В. Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский–русский. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 16–90.

Vlasenko, S.V. Teorija i praktika perevoda v sfere professional'noj komunikacii: tolkovyj slovar' [Professional Translation Theory and Practice Glossary: Terms and Definitions], in: Vlasenko, S.V. Contract Law: Professional Translation Practices in the English–Russian Language Pair. Moscow: Wolters Kluwer, 2006. S. 16–90.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

В.Г. Кульпина,

доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: vgrkulpina@mail.ru

В.А. Татаринов,

доктор филологических наук, президент Российского терминологического общества (РоссТерм); e-mail: rossterm@mail.ru

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА»

Представлен обзор докладов и публикаций конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода» (Москва — Греция 2015).

Ключевые слова: конференция, обзор конференции, перевод, теория перевода, образование, языкознание, литературоведение, сопоставительные исследования, русский язык.

Valentina G. Kulpina,

Dr. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: vgrkulpina@mail.ru

Viktor A. Tatarinov,

Dr. Sc. (Philology), President of Russian Terminology Society, Russia; e-mail: rossterm@mail.ru

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE THEORY OF TRANSLATION IN THE INTERNATIONAL CONFERENCE «RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE IN THE MIRROR OF TRANSLATION»

Review of articles and papers submitted to the conference «Russian Language and culture in the Mirror of Translation» (Moscow — Greece 2015).

Key words: conference, translation, theory of translation, education, linguistics, literature studies, comparative studies, Russian language.

V Международная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» (Москва — Греция 2015) проходила в окрестностях города Салоники в административном округе Халкидики с 29 апреля по 3 мая 2015 г. Организатор конференции — МГУ имени М.В. Ло-

моносова, Высшая школа перевода (факультет). Содействие в проведении конференции оказывали многочисленные российские и греческие организации. Конференция проходила под знаком празднования 10-летней годовщины со дня основания факультета «Высшая школа перевода». Основные направления работы конференции: 1. Русская литература в переводах на языки мира. 2. Наука о переводе в глобальном мире. 3. Русский язык в системе подготовки специалистов межъязыковой коммуникации. 4. Герменевтические аспекты межъязыковой коммуникации. 5. Культурно-антропологические аспекты межъязыковой коммуникации.

Русский язык для участников конференции был её главным пафосом, средоточием, вокруг которого осциллировали доклады. Среди основных проблем — как передать особенности русского оригинала со всей стилистической палитрой, если перевод делается на другие языки, и как отразить особенности иноязычного оригинала, если перевод делается на русский язык, и в этом случае упор делается на качество русского переводного текста.

Остановимся прежде всего на докладах по теории перевода, прозвучавших на конференции.

Пленарное заседание открыл *Николай Константинович Гарбовский*, декан факультета «Высшая школа перевода». Он выступил с докладом «Десять лет Высшей школе перевода МГУ имени М.В. Ломоносова. Научная школа перевода: идеи и перспективы», в котором рассказал о проблемных комплексах обучения переводу. Главная проблема — как совместить необходимость такого обучения с практикой перевода, чтобы выпускник факультета сразу же, «с ходу» мог заступить на переводческую службу и в то же время — получить фундаментальное образование. Н.К. Гарбовский подчеркнул тот факт, что свое название факультет получил не случайно, при выборе такового был учтён опыт других европейских университетов. В основе современного обучения, подчеркнул Н.К. Гарбовский, лежит принцип конъюнкции, «совмещения через дефис»: лингвистика плюс культурология или плюс ещё что-то. В основе синтеза обучения лежит представление о системе, системологический подход к объекту. Наука о переводе предполагает подход к нему как к системе — концептуальной, моделируемой нашим сознанием. При этом понятие междисциплинарности не отражает в должной мере реальных представлений о филиации наук в теории перевода. Следует скорее говорить о трансдисциплинарности, которая предполагает охват объекта единым взглядом. Перевод можно рассматривать как систему представлений о переводе. Н.К. Гарбовский остановился также на проблеме ситуативности в квалификации данного конкретного перевода как правильного. При

подходе к переводу как деятельности рождается новое, определяемое терминами эмергентность/эмергентность (под этим термином подразумевается новое, возникающее в какой-то системе).

Н.К. Гарбовский подчеркнул, что переводоведение создаёт новое знание. «Если говорить о переводе как об объекте, то в этой области научных разысканий оказываются такие аспекты, как “лингвистика перевода”, “философия перевода”, “социология перевода”, “психология перевода”, “сравнительное литературоведение” и др., которые, строго говоря, являются предметами соответствующих научных дисциплин» (с. 12)¹. Попытки интеграции наук о переводе, по мнению Н.К. Гарбовского, «знаменуют зарождение, пока весьма робкое, новой научной парадигмы в науке о переводе, которая может быть определена как **системологическая**». И далее: «Наука о переводе должна синтезировать различные предметные стороны переводческой деятельности как некоей системы» (с. 13). (...) «Противоречивость перевода, возникающая из столкновения “своего” и “чужого”, поиск подобия в различном и различия в подобном можно объяснить, только синтезируя знания о переводе, накопленные разными науками в единое целое — систему» (там же).

Н.К. Гарбовский предлагает системологический метод как метод интеграции научных знаний о переводе, сформировавшийся в недрах разных научных дисциплин. «Системологическая парадигма науки о переводе строится на основе синтеза множества данных, воспринимаемых как нечто целое» (с. 13). Такой подход «позволяет ориентировать исследование изучаемого объекта на раскрытие его целостности и на анализ тех механизмов, которые эту целостность обеспечивают» (там же). Это позволит создать новую схему механизмов, обеспечивающих единство в переводческой деятельности. Н.К. Гарбовский акцентирует внимание на том, что «форма текста перевода и его содержание рождаются в ходе когнитивной деятельности переводчика как реакция не только на текст оригинала, но и на все иные факторы информационного, социального, психологического, исторического, экономического, этического эстетического и другого характера, связанные между собой системными отношениями» (с. 15). Теория перевода предстает при таком подходе как концептуальная схема, как «некий идеальный конструкт, отражающий с большей или меньшей степенью приближения реальную систему» (там же).

¹ Цит. по.: Русский язык и культура в зеркале перевода: Материалы Международной научной конференции. Салоники, 29 апреля — 3 мая 2015 г. / Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова [электронное издание]. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. 725 с.

В докладе *О.И. Костиковой* «Сказка — ложь? Истинностные и ценностные аспекты перевода сказки» на «сказочном» материале рассматривались общие проблемы перевода. В вопросе перевода сказок, как подчеркивает докладчица, мало двух традиционно выделяемых полюсов — сосредоточения на адаптации под картину мира родного языка путём отыскания в нём коррелятов «своего» типа или выделения в качестве приоритета отражения языка оригинала, реализуемого через внедрение элементов чужого и чуждого. При переводе сказок необходимы градации несколько иного плана.

О.И. Костикова сосредоточивает внимание на сказке как особом литературном жанре, отмечая её двойственную природу в плане её универсальности и в то же время специфичности, что превращает её в особый предмет перевода, связанный с её перенесением в новую этнокультуру и литературную среду. Сказка рассматривается *О.И. Костиковой* как многомерный феномен человеческой культуры. Сходство сюжетов, композиции сказок, их функций говорят об универсальном измерении сказки в человеческой культуре. В то же время сказка специфична в зависимости от её источника: выделяются авторская сказка, народная, культурно-историческая и другие. Благодаря торжеству добра над злом сказка формирует для человека комфортную ментальную среду. Сказка предстает как развлечение, но и как средство воспитания и познания действительности.

Обращаясь к общим проблемам перевода, *О.И. Костикова* подчёркивает, что суть переводческой деятельности в том, что она возникает в связи с потребностями социума. Отсюда перевод предстает как социальная деятельность, которая «востребована, осуществляется и оценивается обществом» (с. 328). В понятии перевода в наши дни содержится коммуникация с заказчиком, социальные контакты, исследовательская работа, использование идущих в ногу со временем технологий, зависимость от общественных установок. *О.И. Костикова* совершает экскурс в историю перевода, в проблематику трансформации способов перевода в зависимости от смены эпох. Она констатирует, что «изучение переводов сказок даёт представление о подвижности границ перевода в связи с избираемой переводчиком стратегией» (с. 329). Она обращает внимание на то, что «переходя из уст в уста, сказка претерпевала творческую обработку её носителя, который, как правило, оказывался её соавтором или сотворцом. Можно говорить о своего рода «внутренней» миграции сказки, бытовавшей в нескольких вариантах. При этом на первый план здесь выступает связь личности творца с обществом: общество выбирает творческую личность и принимает её, а та создаёт определенный продукт — сказку для конкретной среды»

(с. 330). При этом «история внешней миграции сказок свидетельствует о том, что точный перевод был явлением крайне редким. Переносу, как правило, сопутствовал процесс обработки и переработки заимствуемого сюжета или мотива и его адаптация к новой воспринимающей среде. При этом «одомашнивание» происходило на уровне национального, социального и бытового переосмысления» (с. 330–331). Переводчик пребывает в поиске оптимальных пропорций между универсальным измерением сказки и её специфической ценностью в её привязке к конкретному социоэтническому ареалу. При этом исходно устный характер сказки призван обеспечивать ее «звучание».

Э.Н. Мишкuroв (Россия, МГУ) в докладе «Междисциплинарность как инновационный поворот в современном переводоведении (герменевтический аспект)» подчеркнул ведущее место лингвистической теории перевода в современном переводоведении. Обращаясь к трудам по теории перевода Романа Якобсона, Э.Н. Мишкuroв высказал убеждение: «Очевидно, что, показав существенные трудности перевода разностилевых и разножанровых текстов, Р. Якобсон волей-неволей подталкивает современных переводчиков к переходу на оптимальные междисциплинарные модели» (с. 429). Он указывает на неизбежность междисциплинарных связей с науками, изучающими разнообразные аспекты речевой деятельности — социокультурные, психологические и др. Своё мнение Э.Н. Мишкuroв подкрепляет ссылками на мнение авторитетных специалистов по теории перевода, пришедших к осознанию плодотворности такого подхода в результате накопления большого профессионального опыта. Междисциплинарный подход естественным образом стимулирует к использованию фоновой информации при формировании транслята. Э.Н. Мишкuroв остановился на проблематике герменевтических проблем перевода и в связи с этим затронул вопросы предпереводческого анализа, предпонимания, междисциплинарности в переводоведении. Он отметил стремление переводчика избежать чуждого и в то же время сохранить стиль оригинала.

В какой-то мере полемически с докладом Э.Н. Мишкuroва прозвучал доклад *Л.Н. Зыбатова* (Австрия, г. Инсбрук, Инсбрукский университет, Институт исследований перевода) «Подступы к оптимальной теории перевода». Он остановился на предмете перевода, подчёркивая при этом, что непреходящей задачей переводоведения является постоянное определение и переопределение своего предмета. В качестве главной задачи он подчёркивает необходимость сохранить свой предмет и чёткость его очертаний. Нынешняя ситуация с переводом, когда очередная метафора переводческого процесса объявляется его новой парадигмой (такая,

например, как метафора манипуляции, культурного трансфера, воссоздания культур), не является плодотворной. При таком подходе сам предмет перевода проявляет тенденцию к исчезновению. Необходимо вернуться к переводу как виду профессиональной деятельности и объекту транслятологических исследований. Необходимо вернуть объяснительную силу на основе верифицируемых теорий перевода и эмпирических данных, определиться с результатами перевода, условиями перевода, способствуя созданию моделей разных типов перевода и их интерпретации. Формируемая Л. Зыбатовым теория перевода включает в себя когнитивные процедуры, направленные на операционализацию процесса перевода, внедрение наглядности в анализ переводческих процедур, верификацию решений перевода на основе фундаментальных, научно обоснованных критериев и критического анализа переводческих продуктов в терминах их оптимальности. Доклад представляет часть работы Л. Зыбатова по созданию Оптимальной теории перевода (ОТТ). При этом при осмыслении процесса перевода предлагается остаться в кругу лингвистических дисциплин.

Доклад *Ван Цзясина* (Китай) «Переводная картина. Современная русская литература в материковом Китае» имеет социолингвистическую направленность: проблемы перевода показаны на фоне истории китайско-советских, китайско-российских отношений. Доклад обладает большим информативным зарядом. В нём списком даются издаваемые в наши дни в Китае произведения российских писателей, представлены проекты ведущих китайских издательств, формирующие оптимистическую картину книгопечатания произведений наших соотечественников. Настрой на публикацию качественной литературы, что потребовало определенного временного периода на то, чтобы сориентироваться в многообразии российской литературы. Ряд произведений становится предметом внимания литературоведов. Интересный факт — множественность, серийность выполненных в Китае переводов одних и тех же произведений и авторов. Так, роман Николая Островского «Как закалялась сталь» имеет целых 20 переводов. Ван Цзясин сетует на малое, по его мнению, количество переводов современной российской драматургии.

Б. Чович (Босния и Герцеговина) в докладе «Белградская школа перевода и русское переводоведение (новизна и подражание или подражательное и инновационное в сербской транслятологии)» обращается к периоду последних 50-ти лет в сербском переводоведении, разделив его на этапы. Первый этап он оценивает как этап сильного влияния русской школы переводоведения, проявившегося в переводах классиков русской литературы на сербский язык. Этап

80-х и 90-х гг. XX в. ознаменовался поисками собственных путей развития теории перевода. В докладе представлен обзор проблематики, анализируемой белградской школой перевода за последнее тридцатилетие.

Т. Оганесян (Армения, Российско-Армянский Славянский университет) в выступлении «История перевода в Армении (История перевода в истории цивилизаций)» рассматривает историю перевода в Армении начиная с IV–V вв. — от истории изобретения армянской азбуки и вплоть до наших дней. Армяно-русский перевод анализируется на основе выделенных типологических черт обоих языков и формирования на этой основе соответствующих техник перевода. Переводу в Армении издревле уделялось большое внимание, особенно переводам с греческого и ассирийских источников. Огромная литература посвящена переводам Библии на армянский язык. Многие из источников утрачены и сохранились только в армянских переводах, хранящихся в Ереване в хранилище древних рукописей Матенадаран.

Н.Н. Миронова (Россия, МГУ) в докладе «Иноязычное высказывание в художественной литературе как единица перевода» анализирует иноязычные вкрапления как предмет стилистики, лингвистической семантики, лингвосомиотики. Она обращает внимание на многообразие стилистических функций таких вкраплений: эмотивную, образную, символическую и др. Н.Н. Миронова рассматривает иноязычные вкрапления с точки зрения переключения кодов как предметную область контактной лингвистики, занимающейся билингвизмом. Иноязычные вкрапления выступают в качестве единицы перевода, обладающей тексто- и смыслообразующей функцией. В докладе предлагаются разные способы перевода для таких единиц разной протяжённости (от слова до предложения, абзаца). Это сноски с переводом, внутритекстовые пояснения, вставки с затекстовыми комментариями. Под термином «вкрапления» она объединяет варваризмы, макаронизмы, реалии и др. явления интертекстовых вставок. Она подчеркивает, что языковые вкрапления формируют облик языковой личности. В качестве важной проблемы выделено переключение лингвистического кода: «Иноязычные вкрапления, рассматриваемые как единица перевода, порой остаются непереуведенными в ПЯ. В комментарии приводится, как правило, подробное объяснение значения иноязычной лексемы, что позволяет читателю понять смысл иноязычного текста при сохранении лингвистического кода оригинального текста. При отсутствии переключения лингвистического кода желательно указать на присутствие иноязычного сегмента, например, на немецком языке, вводя в текст помету “сказал он/она по-

немецки”. Иначе потери от стилистического и коммуникативно-прагматического эффекта от введения иноязычного фрагмента неизбежны» (с. 425). В докладе речь идёт также о критериях определения уровня ассимиляции иноязычных вкраплений.

В.В. Сафонова (Россия, МГУ) в докладе «Некоторые проблемы перевода современной методической литературы» поднимает актуальные вопросы качества переводов, его анализа в области лингвопедагогики. Необходимо учитывать переводческие стандарты, сформировавшийся метаязык, профессиональную специфику таких текстов, методический опыт, накопившийся в России, восприятие текста перевода в русскоязычной аудитории. Особое внимание уделяется переводу такой методической литературы, которая связана с базовыми общеевропейскими образовательными ценностями и которая особенно важна для развития теории и методики обучения иностранным языкам в контексте европейской интеграции в сфере образования с учётом национальных приоритетов. В.В. Сафонова указывает на необходимость профессионально-методической подготовки переводчиков такой литературы, подчёркивая необходимость формирования информационно-справочной базы для такой работы. Доклад содержит анализ типичных ошибок, допускаемых переводчиками при переводе научно-методической литературы.

Во многих докладах ставилась проблема **перевода произведений русской литературы**. Так, *И. Юкиёси* (Япония, Токио, Университет Дзёти) выступил с докладом «Загадка вариативности дат происхождения и изменения имени цирюльника в повести Н.В. Гоголя «Нос» и перевод включающих их предложений на японский язык». Основой для анализа послужили переводы названия романа Достоевского «Преступление и наказание» на языки других семиотических систем. Вторичная номинация оригинального названия в другой культуре может быть культурно маркирована. На основе переводов названия романа Достоевского «Преступление и наказание» автор делает вывод о том, что «название художественного произведения является самостоятельной единицей перевода, относительно которой переводчик принимает решение на перевод» (с. 528). *И. Юкиёси* обратил внимание на разночтения в отдельных редакциях гоголевского «Носа». Так, в журнале «Современник» в 1836 г., в котором эта повесть Гоголя впервые увидела свет, в качестве даты происхождения указывается 25 апреля, в то время как в первом собрании сочинений Гоголя от 1842 г. указывается событие, произошедшее 25 марта. *И. Юкиёси* заметил также, что в первой полной редакции менялось имя цирюльника (нашедшего нос в хлебе). *И. Юкиёси* высказывает предположение, что смена дат и

имени связана с ритмикой. Он обращает внимание на то, что Андрей Белый и Б.М. Эйхенбаум подчёркивают особую ритмику гоголевской прозы. Он производит анализ с точки зрения версификации. Имя цирюльника в первой полной редакции звучало как Иван Федорович (в контексте «об Иване Федоровиче, человеке...»), оно повторяется в первой главе 10 раз. Однако в другой, более поздней редакции Гоголь заменяет отчество на *Яковлевич* (ср. об Иване Яковлевиче, человеке...). И. Юкиёси приходит к выводу, что «Гоголь заменил отчество для получения большего эффекта созвучия» (с. 239). И. Юкиёси обращает внимание на то, что в слове *Яковлевиче* в фонетике много общего со словом *человеке*. И. Юкиёси при переводе Гоголя применил разработанную им методику перевода стихотворений с русского языка на японский. Он установил возможности максимальной скоррелированности метрики русского и японского стиха и сделал вывод, что «повесть “Нос” как на уровне слов, так и на уровне предложений построена на созвучиях и ритме, а также параллелизме. И это в стилистическом плане формирует либо гармонию, либо конфликт в словах и предложениях; вызывает у читателя чувство странности, фантастичности и смех, в которых заключена сущность гоголевского мира. Поэтому необходимо воспроизводить такие приёмы при переводе повести на иностранные языки и в том числе на японский» (с. 241).

Доклад *Н.М. Азаровой* (Россия, Институт языкознания РАН) «О неоднозначности социокультурной адресации поэтического перевода» подчёркивает, что перевод поэтического произведения в любом случае ориентирован на социокультурные моменты. Переводчик всегда учитывает, переводилось ли уже данное произведение, какого типа поэзия интересует адресата, какова литературная традиция данного языкового ареала. Затрагиваются коммуникативные аспекты перевода. «Переводчик поэзии существует в ситуации диктата адресата. Обязательная установка на целевую аудиторию при переводе подразумевает дополнительную экспликацию и часто приводит к нарушению цельности текста; переводной текст как бы “стыдится” своей несамодостаточности и возможной непонятности для адресата, поэтому появляются комментарии разного рода» (с. 20). Автор обращается к переводам китайского поэта Танской эпохи Де Фу (712–760) для того, чтобы показать возможности обогащения языка перевода новыми сущностями за счёт языка оригинала. Проблема ставится таким образом, что перевод с неродственного языка способен раздвинуть диктуемые традицией рамки родного для переводчика языка перевода. Н.М. Азаровой устанавливается ряд русско-китайских корреляций при переводе китайской поэзии на русский язык. Автор утверждает, что «совре-

менное поэтическое мышление, актуальные медиа-носители и визуальная культура создают новые возможности для перевода классических текстов...» (с. 25). Задачу перевода Н.М. Азарова видит как «выход за пределы границ одного естественного языка, придания ему гибкости, пластичности за счёт взаимодействия с другими естественными языками, в которое могут включаться и другие знаковые системы» (с. 25). Традиционный для Н.М. Азаровой научный интерес к сопоставлению поэтических и философских текстов проявился и в освещаемой ею проблематике перевода. Так, обращаясь к переводам философских текстов и терминологии философии, она указывает, что «основной же поток переводимых философских текстов мигрирует к границам философского дискурса, то есть становится менее “чистым” философским текстом, чем оригинал. Если в каждом философском тексте философский термин определяется заново, то переводчик стремится использовать термин, уже известный адресату, устоявшийся в данном гуманитарном сообществе, которым является целевая аудитория. Это обуславливает движение философского дискурса в сторону общегуманитарного научного дискурса» (с. 26).

Переводу в связи с историей языка был посвящен доклад *Б.Ф. Хеда* (США, г. Олбани, Государственный университет штата Нью-Йорк) «Интерпретация и перевод русских слов в рукописи XVIII века». В докладе проанализированы ошибки в переводе и комментариях русских слов в рукописи XVIII века, написанной на французском языке португальским врачом, философом и педагогом Антониу Нунеш Рибейру Санчесом. Этот труд озаглавлен “Plan Pour l’education d’un jeune seigneur”. Он был выполнен по заказу русского дворянина и являет собой часть наследия и хранится в архиве г. Брага в Португалии. Ошибки встречаются в толковании практически всех русских слов, автор часто не понимает текст, написанный церковнославянской скорописью, не узнает буквы из-за их специфической формы. Ошибки приписываются автору самой рукописи, однако на деле являются ошибками переводчика-комментатора.

А.В. Уржа (Россия, МГУ) в докладе «Роль синтаксических моделей и фигур речи в формировании первого плана и фона переводного текста» различия оригинала и перевода описывает в системном плане. Синтаксические модели русского предложения рассматриваются ею в сопряженности с риторическими фигурами, такими, например, как анафора, парцелляция и др.

Е.А. Микешова (Чехия, г. Оломоуц, Университет имени Палацкого) в докладе «Чешско-русский межкультурный словарь профессиональных терминов: опыт создания и перевода, значение (пре-

зентация словаря)» рассказывает о словаре, созданном в рамках проекта «Становление профессии “Социокультурный медиатор”», реализуемом в 2012–2014 гг. по инициативе чешской неправительственной организации InVáze. Словарь рассчитан на контингент мигрантов и содержит лексику из области трудового законодательства, социального обеспечения, образования, здравоохранения, бизнеса, миграции, интеграции и др. Дается толкование содержащихся в словаре понятий и терминов, а также практическая информация. Имеется семь языковых версий, в том числе чешско-русская.

В докладе *О.В. Тимошенко* (Латвия, Рига, Балтийская международная академия) «Научные статьи по айтрекингу в аспекте перевода» анализируется терминология такой области исследования глаз, как айтрекинг. Выявляются особенности русской традиции изложения в соответствующих научных текстах.

Чжан Цзянхуа (КНР, Пекин, Пекинский педагогический университет) в докладе «От труда к фильму, от конфликта к дружбе: переводы “Дерсу Узала” в Китае и советско-китайские отношения» указывает, что между Китаем и Советским Союзом постоянно возникали противоречия, имеющие под собой объективную почву в виде культурных, географических и политических различий. В деле ликвидации противоречий им акцентируется внимание на важной роли литературы и кинематографии, особенностях их межкультурного и межъязыкового перевода. Противоречивым и требующим изучения и осмысления видится для Чжан Цзянхуа пример многократно переводившегося произведения В.К. Арсеньева «В дебрях уссурийского края» и двукратный перевод кинофильма Акира Куросавы «Дерсу Узала».

К.Р. Нурғали (Казахстан, Астана, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва) в докладе «Искусство художественного перевода в интерпретации Н.С. Ровенского» ставит своей целью обобщение наблюдений и исследований выдающегося литературоведа Казахстана Николая Степановича Ровенского, литературного критика, заведовавшего отделом русской литературы в издательстве «Жазуши». У Ровенского имеются монографические исследования казахских поэтов, писателей, литературоведов, таких, как Р. Нурғали, А. Алимжанов, О. Сулейменов и др. Рассматривается критический анализ переводов казахских поэтов и собственные переводы Н.С. Ровенского.

В докладе *Е.Ш. Чичалашвили-Гордеевой* (Турция, г. Агры, Агрыйский университет им. Ибрагима Чечена) «Интертекст — диалог литератур (на материале анализа текста романа Алев Ататлы “Не просвещением, но сердцем”» анализируется текст русского перевода романа переводчиком Ириной Дрига. Роман, стиль которого

характерен для постмодернистской литературы, изобилует интертекстуальными вкраплениями разных авторов и эпох в виде цитат, аллюзий, реминисценций, что создает для переводчика особую трудность.

Лингвистическая проблематика как основа переводческой деятельности представлена, в частности, в докладе *И.А. Нагорного* (Россия, Белгородский государственный национальный исследовательский университет) «Экспликационная функция модальных предположительных частиц в славянском высказывании». Модально-предположительные частицы анализируются как средства презентации точки зрения на событие. Подчёркивается прагматический статус таких языковых средств. Акцентируется их роль в коммуникации как инструмента воздействия на адресата. Речь идёт о следующих частицах: *вряд ли, едва ли, будто, точно, словно, как бы, чай, авось, якобы, небось, неужели, разве, не то*. Эти частицы содержат важную коммуникативную информацию говорящего о сообщаемом. Они выступают как средство модально-персуазивной квалификации события. Блок персуазивных смыслов содержит *предположение, сомнение, избыточность, эвиденциальность*. «Смысл предположения является ядерным смыслом сферы модально-персуазивной квалификации события. Реализация его в высказываниях с предположительными частицами закономерна, так как именно он осмысливается как семантический центр, вокруг которого группируются актуальные квалификативные смыслы» (с. 440). И далее: «Предположение имеет своим содержанием предварительное суждение о чём-либо, заключающее ту или иную степень уверенности говорящего о сообщаемом, основанную на степени его осведомлённости. Здесь, естественно, имеет место градация оттенков. Их диапазон — от высокой степени уверенности до полной неуверенности в сообщаемом» (с. 441).

В докладе *Э.Ф. Керо-Хервилья* (Испания, г. Гранада, Гранадский университет) «К вопросу о комплексном анализе категории детерминации» представил всевозможные ракурсы категории *детерминации/детерминативности*. Выделенные им параметры «работают» и «играют» при переводе тех языковых средств, которые «задействованы» при выражении вышеназванной категории. Представленное исследование Э.Ф. Керо-Хервилья нацелено на перевод средств выражения категории определённости с флективного русского языка на артиклевые романские языки.

В докладе *З.З. Исхаковой* (Турция, Стамбульский Айдын университет) «Устойчивая особенность дейктического поля» указательное поле рассматривается как универсальный инструмент изучения дейксиса. З.З. Исхакова указывает, что «наряду с универсальным

свойством языковых единиц, их указательностью, необходимо различать изначально дейктические элементы языка и изначально недейктические, независимо от их употребления» (с. 257). Автор рассматривает категорию дейксиса расширительно, хотя и дифференцирует материал как центральный и периферийный с точки зрения выражения дейксиса: «Анализ лингвистических штудий по традиционному пониманию дейксиса позволяет утверждать, что единицы центра поля составляют местоимения разных разрядов и местоименные наречия, причём центрированность этих дейктиков не вызывает сомнения» (с. 255). При этом «спорными единицами указательного поля являются единицы периферии поля. Тем не менее к периферийным единицам указательного поля можно отнести слова-субституты с “прономинализированными” значениями *fact, thing, man, matter, дело, человек, люди* и т.д.; существительные с шифтерным значением относительно объекта: *coced, прохожий, попутчик, соратник* и т.д.» (там же). Проблемы дейксиса рассматриваются 3.3. Исхаковой с учетом синонимических и антонимических отношений: «На базе вариативных и инвариантных признаков формируются синонимические ряды дейктиков (*близко, рядом, неподалёку, вблизи*), антонимы (*далеко — близко, тогда — сейчас, здесь — там, спереди — сзади*)» (там же).

Проблемы **языкового сознания** освещались в докладе *О.И. Северской* (Россия, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН) «“В Греции Всё есть!”: образ Греции в русском языковом сознании». *О.И. Северская* на основе корпусного анализа фразеологизма «В Греции Всё есть!» устанавливает реальную значимость этой фразеологической единицы в прозе и публицистике путём выявления сравниваемых с ней сущностей: России, других стран, городов, сел, людей, их характеристик, материальных ценностей, товаров.

В докладе *Н.С. Ивановой* (Болгария, г. Бургас, Университет им. Асена Златарова) «Концептуализация успеха в языковом сознании русских и болгар: к анализу современной динамики в языковой картине мира» констатируется, что успех в наши дни рассматривается вкупе с качеством жизни, с удовлетворенностью жизнью. *Н.С. Иванова* выделяет ценностные аспекты в русской и болгарской культуре достижения успеха. Она отмечает, что успешность на Западе культивируется как стиль поведения и образ жизни. В России и Болгарии отсутствует культура успеха; чёткое мнение у болгар по этому поводу ещё не сформировалось. Прилагательное *успешный* развило свою семантику, поэтому в наши дни «не только успешный проект, но и успешный бизнесмен, успешный артист — теперь звучит повсюду» (с. 218). В болгарском языке также расши-

руется семантика прилагательных *успял* и *преуспял* 'успешный'. Н.С. Иванова анализирует Словарь русской идиоматики, содержащий 47 атрибутивных сочетаний с лексемой *успех*, что говорит само за себя о популярности данной лексики в русскоязычном пространстве.

А.А. Волкова (Россия, Томский университет) в докладе «Проблема понимания текстов с иноязычными вкраплениями в радиокommunikации» поднимает проблему так называемой культуры понимания, обеспечения организации мыслительной деятельности, направленной на понимание. Она подчёркивает, что усвоение массовой информации зависит от подготовленности аудитории. Адекватность понимания зависит от степени владения техникой понимания, коммуникативного опыта, способности реципиента к вероятностному прогнозированию в плане применения прошлого опыта для прогнозирования будущих событий. В радиокommunikации главенствует коммуникативная стратегия обеспечения понимания. Условия для этого создаются авторским намерением спрогнозировать уровень языковой и экстралингвистической компетентности слушателя, в данном случае, понимания иноязычных вкраплений. Приводятся примеры коммуникативных неудач и нарушения коммуникативно-прагматических норм. Радиопередачи анализируются с точки зрения возможного неверного их истолкования, в связи с чем приводятся результаты психолингвистического эксперимента.

В докладе *Л.В. Екшембеевой и М.Ш. Мусатаевой* (Казахстан, г. Алма-Ата, Казахский национальный педагогический университет имени Абая) «Дискурс как инструмент социальных практик» дискурс рассматривается в связи с понятием социальной реальности. Инструментальные функции дискурса анализируются как средства воздействия в инновационной сфере и общественно-гуманитарной деятельности. Анализируются имеющиеся теории дискурса как средства материализации идеологических смыслов.

Доклад *А.Б. Салкынбай* (Казахстан, г. Алма-Ата, Казахский национальный университет имени аль-Фараби) «Роль языковых контактов в истории развития языка» ориентирован на социальную функцию языка. Она подчёркивает, что «прошлое и судьба народа тесно связаны с прошлым и судьбой языка» (с. 550). Автор останавливается также на внешних факторах, обусловивших современный облик казахского языка. Подчёркивается важность изучения исторического фона с точки зрения определения лексического состава языка и доли в нем заимствований, грамматических изменений, направлений развития языка, наблюдений за уровнем заимствований.

Доклад *А.В. Гик и З.Ю. Петровой* (Россия, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН) «Об одном фрагменте русской метафорической картины мира (“человек — собака”)» посвящен формированию образной картины мира. Авторы рассмотрели образную параллель *человек — собака*. Исследование проведено на материале «Словаря метафор и сравнений русской литературы XIX—XX вв.», вып. 2: «Звери. Насекомые. Рыбы. Змеи». Одним из авторов указанного словаря является соавтор доклада З.Ю. Петрова. Исходной точкой анализа являются отдельные породы собак — *болонка, пудель, мопс, бульдог, бультерьер* и др. и связанные с ними ассоциации, складывающиеся в систему образов, функционирующих в сравнениях и метафорах русского языка. Демонстрируются способы выражения компаративного отношения. Прослеживается история формирования компаративных тропов на базе пород собак.

Е.П. Ковалевич и И.Р. Томашева (Россия, Армавирский госпедуниверситет) в докладе «К вопросу об использовании лексем “натуральный” и “органический” в наименованиях косметических продуктов» обращают внимание на информационный заряд, несомый каждой из номинаций. Они сообщают, что словосочетания *натуральная косметика* и *органическая косметика* не являются синонимичными. Натуральная косметика как таковая фиксируется целым рядом обозначений: *органическая, природная, биоэкологическая* и др. Авторы указывают на неравнозначность этих определений и в то же время констатируют, что «в мире не существует единых стандартов и единого термина, поэтому каждая из стран решает данный вопрос по-своему» (с. 315). Авторы указывают, что «разница между натуральной и органической косметикой заключается в том, что в органической косметике не допускаются компоненты животного происхождения» (с. 316). С целью дифференциации понятий авторы приводят лексикографические данные толковых словарей русского, английского и испанского языков. Они обращают внимание на попытки преднамеренного затуманивания и вуалирования семантики анализируемых атрибутивных сочетаний.

Многие доклады осциллировали вокруг *перевода разных групп лексики*. Доклад *Т.В. Тарасенко и В.Е. Тарасенко* (Россия, г. Красноярск, Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М.Ф. Решетнева) «Цикличность и её показатели в художественном тексте (на материале японских переводов романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”)» анализируется перевод группы слов с временной семантикой цикличности. Речь идёт о таких словах, как *пора, нынешний, ныне, нынче, прошлый, прежний, впрдь*. Авторы обращают внимание на то, что в русском

языке употребление близких в смысловом отношении слов, передающих линейное и циклическое время, таких, как *сегодняшний/нынешний, теперь/нынче, в дальнейшем/впредь*, функционально дифференцировано. Анализ переводных соответствий, содержащихся в двуязычных японско-русских словарях, показывает адекватность передачи этой группы лексики. Выборка примеров их переводов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» подтверждает внимание японских переводчиков к этому слою лексики и его нюансированное отражение в японских переводах.

Доклад *В.А. Разумовской* (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет) «Название русского художественного текста как единица перевода» указывает, что название художественного текста представляет собой особую область информационного пространства. Среди функций названия автор называет функцию «идентификации текста как уникального эстетического объекта информирования читателя о содержании последующего основного текста (анонсирование художественного объекта), привлечение внимания потенциального читателя (“приглашение” к чтению), создание в ряде случаев эффекта неожиданности» (с. 522); подчёркивается двойное понимание названия как номинативной и коммуникативной единицы речи.

Ш.А. Багдасарян (Италия, г. Венеция, Университет Ка Фоскари) в докладе «К вопросу о соотношении грамматического рода зоонима и гендера персонажа в переводе (на материале произведений О. Туманяна)» рассматривается перевод названий животных в сказках и балладах Ованеса Тадевосовича Туманяна в сложных случаях, когда от перевода названия часто зависит лингвокультурный облик животного и правильная презентация социальной действительности. Проблемой является перевод с армянского на русский гендерно маркированных лексем. Перевод рассматривается автором как инструмент межкультурной коммуникации, а переводчик как посредник в межкультурном диалоге.

Определенный блок докладов был связан с *исследованиями цвета* в лингвистике. В докладе *В.Г. Кульпиной* (Россия, МГУ) «Прием эстетизации терминов цвета при переводе поэтических текстов» рассматриваются приёмы эстетизации перевода (и непреднамеренной деэстетизации текста перевода) на материале перевода терминов цвета в поэтических произведениях Ивана Бунина на польский язык. Проблематика перевода связывается с этнолингвистическими приоритетами польского и русского языковых ареалов. Лексикографические данные служат установлению семантических зон и пределов функционирования конкретных цветообозначений в каждом

из сопоставляемых языков и на этой основе — мотивированности цветоovarьирования у польских поэтов-переводчиков.

Ф.С. Бахшиева (Азербайджан, Баку, Славянский университет) в докладе «Игра цвета в русском языке» рассматриваются ахроматические цветообозначения русского языка *белый* и *черный* на основе лексикографических и фразеографических данных, дифференцируя цветовой концепт от его ситуативной реализации.

В докладе *Е.В. Трухтановой* (Россия, МГУ) «Образность и переводческие потери при описании внешности (на примере французских переводов поэмы Н.В. Гоголя “Мёртвые души”» представлена методика фреймового описания образных оборотов и потерь, возникающих при их переводе.

И.Э. Федюнина (Россия, Белгородский государственный национальный исследовательский университет) в докладе «Влияние дискурсивных трансформаций на семантику и прагматику фразеологических единиц в английском и русском языках» остановилась на анализе таких фразеологических единиц, которые обладают семантикой обмана и нечестного поведения.

Переводу русских реалогизмов посвящён доклад *Ю. Бувар* (Швейцария, Лозанна) «В чертах у Ольги жизни нет...»: К вопросу о переводе на французский язык одной строфы из «Евгения Онегина». Автор останавливается на непонятных для иностранца моментах «Евгения Онегина», способах их семантической интерпретации и перевода (например, *красна лицом, красная весна, луна — небесная лампада* и др.). Ю. Бувар приводит примеры их объяснений и варианты перевода. Характерно, что для русскоговорящих, как правило, не требуется дополнительная экспликация таких словосочетаний.

Переводу группы просторечно-диалектной лексики посвящён доклад *Н.А. Фаненко* (Россия, Воронежский госуниверситет) «Роль компенсации в процессе перевода просторечно-диалектной лексики». Предлагается расширенное толкование приёма компенсации как направленной на устранение межъязыковой асимметрии. Материалом для анализа послужили средства стилизации в рассказах Василия Шукшина и их переводы на французский язык. Н.А. Фаненко выделяет два типа компенсации — внутриуровневую, когда лексические средства одного языка заменяются лексическими же средствами другого языка, и межуровневую на линии *лексика — синтаксис*, когда русская диалектно-просторечная лексика заменяется разговорными конструкциями языка перевода, что позволяет достичь эквивалентности текстов с ярко выраженным национальным компонентом.

Переводу реалий посвящён доклад *С.Ю. Булгаковой* (Россия, Воронежский госуниверситет) «Стратегии перевода сквозь призму реноминации реалий». Конкретно речь идёт о переводах произведений И.А. Бунина как о текстах «с высокой степенью выраженности национального колорита». Обсуждаются применительно к конкретному материалу разные переводческие стратегии и приемы, в том числе приём форенизации (термин Л. Венутти), под которым понимается стремление переводчика подчеркнуть принадлежность текста другой культуре (через применение особых синтаксических структур, калек, анахронизмов и т.п. Под доместикацией, в свою очередь, понимается приспособление текста к нормам, действующим в данной культуре. Автор предлагает отличать доместикацию от лингвокультурной адаптации, а стратегию лингвокультурной адаптации от стратегии сохранения национального колорита.

Доклад *М.Н. Есаковой и Э.К. Харицидиса* (Россия, Греция, МГУ, Фракийский университет имени Демокрита) «Экспрессивно-окрашенные глаголы, обозначающие способ потребления блюд и напитков, и их перевод на французский и греческий языки (на примере произведений М. Булгакова “Мастер и Маргарита” и “Собачье сердце”)» посвящён переводу одной лексико-семантической группы глагольной лексики, связанной с потреблением пищи и напитков. Однако в интерпретации таких, казалось бы, элементарных действий, присущих людям на всех континентах, имеются значительные межъязыковые расхождения, отражающие их неидентичность в языковом сознании носителей разных языков, что и стараются продемонстрировать авторы доклада на примере их перевода с русского на греческий и французский языки.

Переводу грамматических конструкций был посвящён доклад *П.А. Семёнова* (Россия, Санкт-Петербург, Балтийский институт иностранных языков и межкультурного сотрудничества) «Безличные предложения с категорией состояния в романе А.С. Пушкина “Евгений Онегин” и способы их передачи в английском переводе». П.А. Семёнов подчеркивает, что русские безличные предложения, и особенно содержащие безлично-предикативный компонент, относятся к этноспецифичным структурам, безэквивалентным с точки зрения их перевода на английский язык, отсюда проистекают трудности их перевода на английский язык. Перевод таких предложений как переводческая трудность анализируется на материале перевода романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», сделанного переводчиком Ч. Джонстоном в 1977 г.

Л. Семёнова (США, г. Олбани, Государственный университет штата Нью-Йорк) в докладе «Из опыта переводов художественного текста на португальский язык. Интерпретация художественного

текста и перевод» анализирует переводы русской классики — Толстого, Достоевского, Чехова, — выполненные в Португалии. Она подчёркивает, что переводы, как правило, осуществлялись через язык-посредник, в качестве которого, как правило, выступал французский язык. Л. Семёнова обращает внимание на то, что перевод через язык-посредник нередко предрасполагает переводчика к переводческим вольностям в виде опущения непонятных мест, нелепостей при передаче реалий, имён собственных, географических названий, несоблюдения стилевых особенностей, в результате чего переводимые произведения оказываются написанными в одном стиле — стиле переводчика. Л. Семёнова отмечает усиление интереса к русской литературе после «революции гвоздик» 1974 года, что повлияло на появление переводчиков, осуществляющих прямой перевод с русского языка на португальский. Л. Семёнова особо отмечает роль переводческой и просветительской работы Нины и Филипе Герра, которые работают исключительно плодотворно и благодаря знанию реалий, лингвокультурного фона и таланту адекватно передают литературную норму русского языка. Достоинством этих переводчиков литературных текстов является написание ими предисловий к каждому изданию со сведениями об авторе, времени написания произведения и месте, занимаемом им в русской литературе.

Многие доклады были ориентированы на *подготовку переводчиков*. М.Н. Есакова, Ю.Н. Кольцова, Г.М. Литвинова (Россия, МГУ) в докладе «Возможности родного языка в формировании переводческих компетенций: методические приёмы и способы» анализируются проблемы формирования личности переводчика, языковая и культурологическая база переводческой работы, стилистика и культура речи переводчика как профессиональной языковой личности. Описывается новое учебное пособие, созданное коллективом авторов факультета МГУ «Высшая школа перевода». Это пособие: «Русский язык и культура речи. Учебное пособие для переводчиков». Пособие ориентировано на отработку переводческих навыков оперативной памяти, умения переключения и др.

Л. Чович (Босния и Герцеговина, г. Баня-Лука, Паневропейский университет) в докладе «Роль социокультурной информативности средств невербальной коммуникации на занятиях по переводу (на материале перевода на сербский язык ремарок драмы А.П. Чехова “Дядя Ваня”»)» в дидактических целях предпринимает анализ положительных и отрицательных моментов в переводах на сербский язык драмы Чехова «Дядя Ваня», что представляется ей полезным как с точки зрения формирования переводческих навыков, так и с точки зрения изучения русской культуры.

В.И. Иванова (Россия, Тульский госуниверситет) в докладе «Перевод научных публикаций как средство популяризации результатов исследований в глобальном мире» обращает внимание на важность участия учёных и государства в международной научной коммуникации. В докладе речь идёт о подготовке аспирантов и других молодых учёных к овладению дискурсивными умениями и научным стилем, терминологией отрасли, грамматическими структурами научного текста на английском языке в плане их обучения переводу научной литературы, прежде всего жанра научно-исследовательских статей. Важным аспектом подготовки является продуцирование высказываний на иностранном языке, освоение правил оформления, подготовка к соблюдению новых правил оформления текста, соблюдение требований к редактированию текста. Молодые учёные должны знать структуру рукописи, направляемой в издательство. Следует формировать у молодых учёных настрой на использование корпусов и баз данных, использование специального программного обеспечения, планирование исследовательских процедур, на обработку результатов.

В докладе *Г.М. Литвиновой* (Россия, МГУ) «Речевые ошибки обучающихся синхронному переводу» содержится информация о совместном проекте, созданном на факультете «Высшая школа перевода», преподавателей русского языка и преподавателей перевода по выявлению ошибок в устном и письменном переводе и классификации ошибок. В проекте речь идёт о повышении лингвистической культуры, понимаемой как знание словарного состава, сочетаемости, смысловой адекватности в отражении оригинала. Для устного перевода важно соблюдение переводчиком заданного оратором темпа речи. Констатируется, что на данный момент классификация таких ошибок ещё не создана. Однако она нужна. В наши дни классификация ошибок должна отвечать современному пониманию межкультурной коммуникации.

Н.Б. Исолахти, А.В. Зеленин, М.Н. Михайлов (Финляндия, Тамперский университет) выступили с докладом «Улыбка как маркер консолидации в ситуации последовательного перевода». Доклад посвящён невербальным моментам коммуникации, в которых задействованы мимика, жесты, фонационные средства и которые рассматриваются как дополнительные инструменты общения. Такие инструменты общения для участника коммуникативной ситуации служат подтверждением понимания/непонимания, а также служат выражению эмоций. В докладе приводятся результаты исследований применения невербальных средств коммуникации при общении через переводчика. Указывается на большое значение невербального поведения переводчика, которое может помочь взаимопониманию,

но может ему и помешать. Среди прочего помехой для достижения понимания может стать временной разрыв между сообщением и его переводом. Невербальная коммуникация рассматривается как канал коммуникации. Докладчики проинформировали об эксперименте, участники которого не контролировали и не регулировали своё невербальное поведение. При этом были проанализированы две модели удачи/неудачи в формировании эмоционального настроя при переводе. Невербальный элемент нередко является неотъемлемой частью сообщения, потери эмоциональности здесь нежелательны. Авторы доклада делают вывод, что «следует уделять больше внимания изучению невербальной составляющей коммуникации и ее судьбы при переводе, а результаты должны учитываться при подготовке устных переводчиков» (с. 251).

Устному переводу посвящён также доклад *Й. Капитановой* (Чехия, г. Оломоуц, Университет им. Палацкого) «Приём ментальной карты и его применение в ходе подготовки устных переводчиков», где указывается на необходимость комплексного развития всех аспектов личности и компетенций устного переводчика. С этой целью применяется методика так называемой ментальной карты (*mind mapping*). Так, в ментальной карте по теме *визит* центральное понятие развивается через более конкретные реализации: *частный, рабочий, официальный, государственный, дружеский, саммит, ознакомительная поездка*. Нанизываются смежные понятия: *произойти, состояться, провести встречу, нанести визит* и т.п.; *делегация, представитель, премьер-министр, глава государства; в ходе чего, по случаю чего; по приглашению, по инициативе* и т.п.; *обсудить вопросы, заключить договор, дать банкет в честь...* При разработке темы идёт расширение ментальной карты за счёт более специфицированных средств. При этом цель — осознание студентами стандартности и предсказуемости ситуации/события, что способствует прогнозированию в ходе устного перевода. Это позволяет проводить активную осознанную подготовку к переводу.

В докладе *И.А. Манелиду* (Греция, г. Комотины, Фракийский университет им. Демокрита) «К вопросу, зачем нужны новые переводы» анализируется качество переводов и рассматривается роль переводчика в современном мире. Своей задачей как преподавателя И. Манелиду считает приучить студентов к чтению. В этом деле большая роль принадлежит литературным вечерам. У студентов есть свои любимые произведения русской литературы, и хорошо, когда они сами о них рассказывают, — это важный момент обучения. Такие вечера стимулируют интерес к художественному переводу. Параллельные тексты на обоих языках И. Манелиду рассматривает

как важное орудие преподавательского труда. Проблема видится в том, что современный студент не любит читать.

Доклад *П.А. Зуевой* (Россия, Москва, Научно-исследовательский центр «Еврошкола») «Перевод как неотъемлемая часть развития российской драматургической школы» посвящен анализу драматического словаря от 1787 года, анализируемого в аспекте эволюции русского театра как общественного института и в аспекте формирования русской терминологии драматургии, исходно театрального лексикона. Приводятся результаты искусствоведческого анализа справочных изданий по театрологии из архивных материалов периода становления российского театра.

Н.М. Кулешова (Россия, МГУ) в докладе «Вербальное, невербальное и паравербальное в межкультурной коммуникации и их учёт в процессе обучения иностранному языку и переводу с иностранного языка на русский и с русского на иностранный» указывает, что в некоторых культурах большое внимание уделяется контексту обучения. Она обращает внимание на важность понимания и интерпретации невербальной информации, необходимости обращать внимание студентов на визуальные образы и их толкование. Н.М. Кулешова подчеркивает, что в процессах коммуникации важно учитывать стиль общения, который несёт в себе черты определённой культуры.

Проблемы русской словесности и обучения русскому языку ставились в целом ряде докладов участников конференции. Проблемы русской словесности в образовательной плоскости рассматривались в докладе *О.Ю. Ивановой* (Россия, Москва, Российский новый университет) «Русский язык в педагогической деятельности И.Ф. Анненского». Иннокентий Фёдорович Анненский был поэтом Серебряного века, 160-летие со дня рождения которого отмечается в наши дни. Будучи учителем латыни, древнегреческого и античной литературы в Николаевской гимназии, он переводил с древнегреческого, латыни, немецкого и французского языков и в то же время преподавал русский язык. Среди учеников Анненского был Николай Гумилёв. О.Ю. Иванова приводит библиографию некоторых трудов И.Ф. Анненского по русскому языку, его истории, рецензии. В курсе русской словесности он уделял большое внимание изучению лингвистической терминологии.

Многих участников конференции объединила тематика ***обучения русскому языку как иностранному***, в рамках которой осуществлялась презентация новейших учебников и учебных пособий по РКИ. Докладчики не скрывали трудностей в работе.

Н.Н. Фефёлова (Италия, Рим, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (FAO)) в докладе «Русский язык

как официальный язык ФАО: функционирование и преподавание» останавливается на основных принципах функционирования и преподавания русского языка в качестве официального языка ФАО. Русский язык имеет здесь статус языка профессионального общения. Описывается контингент учащихся, их мотивация, выделены тематические циклы, служащие средоточием формирования профессиональной коммуникативной компетенции, анализируются применяемые методики и приемы работы с означенным контингентом.

Презентации учебника был посвящен доклад *Л.А. Тер-Саргсян и Б.С. Ходжумян* (Армения, Ереванский госуниверситет) «Учебник по русскому языку. Грамматика. Коммуникация. Речь». *О.Н. Калита* (Россия, Российский университет дружбы народов), *Г. Мангинас, Г. Павлидис* (Греция, г. Патры, Греческий государственный университет) в докладе «Организация процесса дистанционного обучения русскому языку для греческой аудитории» демонстрируют основные признаки современной системы дистанционного обучения с учетом потребностей греческих студентов обучаться через интернет. *О.Н. Калита* (Россия, Российский университет дружбы народов) в докладе «Трудности в изучении функционирования русских глаголов движения в греческой аудитории» рассказывает о том, каким образом она строит обучение русским глаголам движения на базе сопоставительного анализа с греческими коррелятами. *Д.С. Лесневская* (Болгария, София, Университет национального и мирового хозяйства) в докладе «Сформирование текстовой компетенции в сфере официально-деловой письменной коммуникации/внешнеторговой переписки при обучении РКИ» предлагает методики формирования текстовой компетенции на принципах антропоцентризма, культуро- и текстоцентризма, разрабатываемых Томской научной школой. *Т.А. Кротова* (Россия, Российский университет дружбы народов) в докладе «Этноориентированная система лингвокультурной адаптации арабских учащихся: цели, структура и содержание» предлагает рассматривать русский язык в учебном процессе как инструмент адаптации и социализации иностранных учащихся.

В докладе *Х. Плес* (Польша, Краковский педагогический университет, Центр русского языка и культуры (фонд «Русский мир»)) «К проблеме преподавания русского языка в польских вузах» речь идет о проблемах, связанных с тем, что в польских вузах изучается только один иностранный язык и язык этот английский, изучение которого начинается с уровня В1 и завершается уровнем В2. Абитуриенты поступают в вуз с уже определённым знанием английского, при этом у них нет права выбора другого языка. В качестве

факультатива в последние годы можно учить второй иностранный язык (с нуля), некоторые студенты выбирают русский язык, однако проблемой является малое количество часов — 60 или 90. Студенты хотят научиться говорить по-русски, читать прессу, но при таком количестве часов это весьма проблематично. Многие студенты хотели бы продолжить изучение русского языка, что они могут сделать на платных курсах, но это создает финансовые проблемы. Помощь фонда «Русский мир» в этом плане весьма своевременна, однако недостаточна, поэтому проблемы остаются.

А.Ю. Мещерикова (Россия, Всероссийский госуниверситет кинематографии (ВГИК)) в докладе «Особенности обучения русскому языку как иностранному объединённых групп студентов творческих вузов» подчёркивает, что в российских кинематографических вузах учится большое количество иностранцев. В то же время количество часов на русский как иностранный подверглось значительному сокращению (всего за весь курс обучения оно запланировано от 340 до 380 часов. Принято всех иностранцев объединять в одну смешанную группу. Поэтому преподавателям приходится выбирать такие типы заданий, которые подошли бы всем студентам независимо от их профессиональных интересов.

В.В. Новикова (Великобритания, Лондон, Центр русского языка) «Роль документалистики в формировании навыков межкультурной коммуникации (на материале видеокурса для продвинутого (B2-C1) этапа обучения) рассматривается использование в процессе обучения российской документалистики для формирования социокультурной компетенции.

Л.В. Валова (Чехия, г. Пльзень, Западночешский университет) в докладе «Анализ аспектуальной семантики глагольных форм на занятиях по русскому языку как иностранному» остановилась на проблеме обозначения протекания действия во времени, на таких аспектах протекания действия во времени, как предельность/непредельность, возможность/невозможность реализации действия, конкретность/обобщённость, параллельность/последовательность действия.

Л. Воборил (Чехия, г. Оломоуц, Университет имени Палацкого) в докладе «Языковая подготовка будущих переводчиков-филологов в Университете имени Палацкого (презентация новых пособий по русской грамматике для чехов)» представил программу подготовки филологов-славистов в университете в г. Оломоуце, провёл презентацию своего нового учебника по русскому языку для чехов «Практические упражнения по русскому языку для филологов-переводчиков (объяснение и упражнения)».

И.А. Вотякова (Россия, Ижевск, Удмуртский университет) и *Жоан Кастельви* (Испания, Университет Барселоны) в докладе «К проблеме обучения выражению эмоций в практике преподавания русского как иностранного на элементарном уровне» ставится вопрос об обучении коммуникации с точки зрения адекватного выражения эмоций.

Г.Н. Плотникова и *Гэн Юаньюань* (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина) в докладе «Словообразовательные единицы русского языка в системе обучения иностранных учащихся» остановились на проблемах функциональной спецификации единиц словообразовательной системы русского языка.

Л.М. Савосина (Россия, Московский государственный лингвистический университет) в докладе «К вопросу о лингводидактических средствах обучения русскому языку как иностранному» рассказала о значимости лингвистической разработки урока по РКИ. Методическая разработка урока рассматривается как образец квалификации преподавателя. Демонстрируется структура методической разработки урока.

А.А. Садыгова (Азербайджан, Баку, Азербайджанский госуниверситет культуры и искусств) в докладе «Специфика усвоения фразеологизмов на занятиях РКИ» остановилась на следующих видах семантизации фразеологизмов: использование синонимов и свободных словосочетаний, использование синонимичных и антонимичных фразеологизмов, развёрнутое толкование, обращение к контексту.

А.Д. Кулик (Россия, Российский университет дружбы народов) в докладе «К вопросу о создании лексических минимумов» постулирует новый подход к источникам лексических минимумов, предлагая использовать в качестве такового язык СМИ как являющий собой источник актуальной информации.

О.В. Гончарова (Россия, г. Ейск, АНОО Study English language school) в докладе «Культурологический и компетентностный подходы в современной методике преподавания русского языка как иностранного» обращается к вопросам организации внеурочной деятельности в работе с детьми дошкольного возраста.

Т.М. Обухова (Россия, МГУ) в докладе «Юродство как феномен русской культуры (опыт составления статьи для лингвострановедческого словаря)» обращается к феномену юродства в русской культуре, излагает особенности преподавания лексики, содержащей культурный компонент.

В целом ряде докладов содержался **разбор переводов произведений художественной литературы**. *Д. Герчиньска* (Польша, г. Слупск,

Поморская академия) в докладе «Некоторые проблемы перевода повести Л. Улицкой “Сонечка”» анализирует перевод этой повести Ритой Бартосик, останавливаясь прежде всего на переводе разговорных выражений.

М.Н. Киселёва, В.А. Суханов (Россия, Национальный исследовательский Томский государственный университет) в докладе «Придут ли варвары? К. Кавафис в восприятии и переводе И. Бродского» предприняли сопоставительный анализ стихотворения К. Кавафиса «В ожидании варваров» и русского перевода, выполненного по подстрочнику с греческого оригинала Иосифом Бродским (который пользовался также английским переводом данного стихотворения). Авторы сообщают следующую информацию о стихотворении К. Кавафиса: стихотворение носит философско-дидактический характер, рифма отсутствует. И. Бродский при переводе следует установкам оригинала и тоже рифму не вводит. Авторы доклада приходят к выводу, что в процессе перевода И. Бродский ведёт «напряжённый поэтический и этико-познавательный диалог с Кавафисом» (с. 312).

Е.В. Гулевич (Беларусь, Гродненский госуниверситет имени Я. Купалы) «Особенности автоперевода рассказа В. Набокова “Рождество”» (перевод осуществлялся с английского на русский). Автор отмечает ценность переводческого наследия Виктора Набокова, его взглядов на перевод, которые эволюционировали с годами. Его установки характеризуются гибкостью и изменчивостью в зависимости от жанра и степени сложности переводимого произведения. Проблемы перевода обсуждались В. Набоковым в его многочисленных статьях по теории перевода. Е.В. Гулевич обсуждает проблематику перевода на английский язык рассказа В. Набокова «Рождество». Перевод позволяет выявить методологические установки Набокова как переводчика. При переводе Набоков придерживался принципа сохранения национального и поэтического колорита произведения. В его переводах проявляется тенденция к максимальному ограничению свободы переводчика, стремление к передаче малейших нюансов подлинника.

Т.А. Остахова, Д.В. Чащинова (Италия, г. Мессина) «Лексико-семантические особенности перевода романов Андреа Камиллери на русский язык». Указанный в заглавии современный итальянский писатель с сицилийскими корнями приобрёл известность в мире благодаря серии детективных романов о комиссаре Монтальбано. Язык А. Камиллери весьма специфичен, регионально и разговорно маркирован, что при переводе создаёт проблемы, связанные с языковой вариативностью и этноцентричностью текстов. Реализация переводческих стратегий анализируется в статье в аспектах денотации, сигнификации, аксиологии и прагматики. Перевод

романов Камиллери — культууроориентированный и требует определённого запаса фоновых знаний, знания речеповеденческих стереотипов, принятых в данной культуре норм.

Д.А. Олицкая (Россия, Томский госуниверситет) свой доклад «Читать нельзя играть. Пьесы А.П. Чехова в сценичных и “несценичных” переводах на немецкий язык» посвятила драматургии Чехова, изучению способов реализации сценичности переводов.

Ли Суй-ан и Ню Шучжэн (КНР, г. Харбин, Институт истории Академии общественных наук) в докладе «Произведения В.Г. Распутина в Китае: перевод и влияние» информируют участников конференции, что почти все произведения Валентина Распутина переведены на китайский язык; переводы были выполнены разными переводчиками и вышли в разных издательствах КНР. По книге «Живи и помни» создан кинофильм; хотя его действие перенесено на китайскую почву, однако герои и проблемы вполне узнаваемы.

Специфике перевода научной литературы был посвящён доклад *Н.И. Голубевой-Монаткиной* (Россия, МГУ) «Н.С. Автономова о переводе философии». Автор обращается к трудам по философскому переводу известного отечественного философа, теоретика и практика философского перевода Н.С. Автономовой, выдвинувшей задачу тщательной разработки концептуального языка современной философии. Н.С. Автономова настаивает на новой трактовке перевода как фундаментальной категории познания, полагая, что перевод стимулирует научное познание и способствует выработке концептуальных языков.

Проблемы межкультурной коммуникации и публицистики ставились в докладах: *С. Александриду* (Греция, Салоники) «Актуальность публицистических работ Бодуэна де Куртенэ», *Л.Н. Шёлоковой* (Россия, Московский городской пединститут) «Рецепция войны в публицистике И.Г. Эренбурга», М. Плес (Польша, Краков, Институт России и Восточной Европы, Ягеллонский университет) «Вопросы взаимодействия культур в межкультурной коммуникации в рамках программы Европейской волонтерской службы»

Литературоведческий пласт и «русский след» в иноязычных для нас литературах был представлен несколькими докладами.

А. Пурисман (Израиль, Хайфский университет) в докладе «Русское “присутствие” в ивритской литературе» рассказал о присутствии России в произведениях современных израильских писателей, — часто это дети эмигрантов, но увлечение Россией и российскими сюжетами — удел отнюдь не только выходцев из России и их потомков. А. Пурисман отмечает, что в Израиле именно русская литература стала в своё время почвой для усвоения европейского

опыта. Ряд произведений литературы на иврите был написан ещё во времена Российской империи, полилог персонажей осуществлялся сразу на многих языках: на идише, иврите, русском, реже немецком и французском. В речи персонажей литературы на иврите ре-марки персонажей нередко звучат на русском языке.

Г.Л. Нефагина (Польша, г. Слупск, Поморская академия) выступила с докладом «Смыслообразующая роль звуковых образов в романе О. Грушиной “Жизнь Суханова в сновидениях”», предметом которого была американская писательница российского происхождения популярная в США Ольга Грушина. Анализируются типы и функции звукообраза, обращённого к категориям времени и пространства. Феномен тишины предстаёт как универсалия. Писательница О. Грушина неизменно вызывает ассоциации с Владимиром Набоковым, поскольку также пишет по-английски, чем обогащает англоязычную литературу. Писательница успешно формирует звуковой пейзаж романа. Картинки Москвы даются на фоне всем знакомых песен. С помощью звука О. Грушина рисует психологический портрет героя произведения. Констатируется особая роль звука как «медиатора между прошлым и настоящим героя, как возбудители памяти, как маркера пространственных и временных сдвигов и ключевых моментов сюжета (с. 454). При этом тишина тоже информативна, наполнена содержанием и загадочностью.

Чжоу Ци-чао (КНР, Пекин, Институт иностранной литературы, Академия общественных наук) в докладе «Перевод произведений классиков и формирование литературного образа России в современном Китае» обращает внимание на взаимоувязанность переводов с русского языка на китайский с формированием литературного образа России в современном Китае. Чжоу Ци-чао приводит самые популярные в Китае произведения русской классики, подчёркивая значимость издания новых переводов и переиздания старых. В центр процессов продвижения русской литературы в Китае им ставится личность переводчика-подвижника и составителя, которой ещё предстоит материализоваться в современном Китае.

Чжан Сяодун (КНР, Пекинский педагогический университет) в докладе «После перевода романа “Лёгкая голова”» высказывает своё самое положительное мнение о романе Ольги Славниковой «Лёгкая голова», удостоившимся в Китае премии «Лучший зарубежный роман». Автор сознательно оставляет за скобками проблемы авторского перевода романа на китайский язык, так как более всего его интересует суть ставящихся О. Славниковой проблем смысла и пределов свободы.

Р.Г. Кулиева (Азербайджан, Бакинский славянский университет) в докладе «Концепция Востока в русской литературе “Серебряного века” (на материале творчества Фёдора Сологуба)» в творчестве Ф. Сологуба (Фёдора Кузьмича Тетерникова, 1863–1927) усматривает черты, свойственные в целом поэтам Серебряного века. Описывая трудную биографию и жизнь поэта, она констатирует, что понятие Востока у поэта опосредовано философией Артура Шопенгауэра и понимается как связь и единство всего живого. Р.Г. Кулиева отмечает и его связь с библейским Востоком.

ПАМЯТИ

МИШЕЛЬ БАЛЛЯР (1942–2015)

Из Франции пришла печальная весть: ушел из жизни Мишель Балляр, известный учёный, посвятивший себя изучению и описанию истории, теории и дидактики перевода.

Нам посчастливилось познакомиться с Мишелем Балляром в 2003 г. на праздновании 50-летия FIT (Международной федерации переводчиков) во дворце ЮНЕСКО в Париже. Организаторы форума пригласили Балляра выступить с краткой лекцией по истории перевода перед участниками юбилейного собрания представителей национальных ассоциаций переводчиков.

Замечательная работа Мишеля Балляра по истории перевода — «*De Cicéron à Benjamin. Traducteurs, traductions, réflexions*» (*От Цицерона до Бенямина. Переводчики, переводы, раздумья*), изданная еще в 1992 г., — была нам уже хорошо известна. Именно эта работа послужила основой для собственных размышлений о переводе, об истории переводческой деятельности, о роли личности и авторитета критика в оценке переводческих решений, а также о многом другом, о чём думают современные теоретики перевода.

Доклад Мишеля Балляра на форуме, изысканный по форме и богатый по содержанию, окончательно убедил нас в том, что с этим человеком нужно непременно познакомиться лично. Мы нашли его в перерыве между заседаниями. Он скромно и одиноко пил кофе.

Мы представились ему и рассказали о своих планах создать в России курс истории перевода как отдельную дисциплину, показывающую будущим переводчикам, каким образом на протяжении веков эволюционировали взгляды на переводческую деятельность, как менялись во времени критерии оценки результатов переводческого труда. Заговорили о Цицероне и Иерониме, о Доле и Лютере, о Шлейермахере и Гёте, а также о многих других гуманистах-переводчиках, оставивших яркий след в истории переводческой деятельности, в становлении и развитии словесностей и литератур, в возвышении цивилизаций. Оказалось, что наши взгляды во многом совпадали. Более того, Мишель признался, что история, теория и методология перевода в России оставались в некотором смысле *terra incognita* для европейских исследователей переводческой деятельности.

На прощанье Мишель подарил нам свою книгу «От Цицерона до Беньямина» и пригласил выступить на международной научной конференции в университете Артуа о том, как осуществляется обучение переводчиков в России, на каких теоретических и методологических основаниях, по каким программам и т.п.

С этого момента началась наша дружба и зародилось научное сотрудничество. За конференцией в Аррасе (Университет Артуа) последовали другие, куда нас непременно приглашал Мишель Балляр.

С образованием Высшей школы перевода он стал постоянным участником московских международных конференций «Наука о переводе сегодня». Выступал перед студентами Московского университета, публиковал статьи в Вестнике Московского университета. Его статья «К основаниям реалистической методологии в науке о переводе» на французском языке с переводом на русский язык была опубликована в первом номере нашего журнала¹.

В 2013 г. вышла в свет его последняя книга — «Histoire de la traduction. Repères historiques et culturels» (*История перевода. Исторические и культурные вехи*)².

Этот труд замечательного учёного, подобно выдающимся работам мыслителей прошлого и нашим современникам — Жану Делилю, Джорджу Стейнеру, Льву Нелюбину, Георгию Хухуни и другим — составляет одну из важнейших вех в истории научного знания о переводческой деятельности.

Н. Гарбовский, О. Костикова

¹ Ballard M. К основаниям реалистической методологии в науке о переводе / Eléments pour une Méthologie réaliste en traductologie // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. № 1. 2008. С. 48–81.

² Ballard M. Histoire de la traduction. Repères historiques et culturels. Bruxelles. De Boeck Supérieur s.a., 2013.

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

— необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук или от двух докторов наук;

— текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru — данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, должность, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

— необходима *аннотация* (5—10 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате PDF или JPG;

— *примечания* в виде подстраничных сносок. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [ibid., p. 123] для иноязычных источников;

— *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов (сначала российские авторы и переводные издания, затем зарубежные авторы). Библиографическое описание даётся в следующем порядке: фамилии и инициалы авторов, полное название монографии, место издания, издательство, год издания, страницы; для периодических изданий — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала, год выпуска, том, номер, страницы. Все русскоязычные публикации в списке литературы должны иметь транслитерацию (рекомендуем пользоваться ресурсом <http://www.translit.ru>) и перевод их названий на английский язык. Необходимо выполнить следующие действия: после каждой русскоязычной ссылки строкой ниже набрать фамилии и инициалы авторов на латинице, транслитерацию названия публикации, в квадратных скобках перевод названия на английский язык, транслитерацию выходных данных, в скобках (in Russian). Ссылки на иностранных языках остаются только в оригинальном варианте. — TNR 11, слова «*Список литературы*» — TNR 11, полужирный, курсив.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономикостатистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты: vestnik22@mail.ru. Тел.: 8 (499) 39-33-48.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакционная коллегия руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и её соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.